

бийлик аймактарында да көп күндердегі
жылдардан барлық мемлекеттің оңайлықтарының
бийлик аймактарында да көп күндердегі
жылдардан барлық мемлекеттің оңайлықтарының

Б. А. ХОДЖИБАЕВА

**Абдурахим Ходжибаев
Страницы
короткой жизни**

КНИГА ОБ ОТЦЕ
ХАДЖИБАЕВЕ

БОЯЛДЫРУЛУ

ХУДЖАНД — 2000

Приношу глубокую благодарность хукумату Ленинабадской области во главе с председателем К. Р. КОСЫМОВЫМ за финансовую поддержку в издании книги.

АВТОР

Рецензенты:

Заслуженный работник Республики Таджикистан, профессор, зав. кафедрой истории таджикского народа ХГУ им. академика Б. Гафурова

У. ГАФФАРОВ

Заслуженный работник Республики Таджикистан, ответственный секретарь Ленинабадского отделения писателей Таджикистана, доктор филологических наук, профессор
А. САЙФУЛЛАЕВ

Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и философии Таджикского государственного университета права, политики и бизнеса

Ш. СУЛТОНОВ

Заслуженный деятель науки Республики Таджикистан, доктор исторических наук, профессор ХГУ им. Б. Г. Гафурова

Г. ХАЙДАРОВ

«Теперь документально известно, что Нусратулло Макеум, Шириншо Шотемур, Абдуходыр Мухиддинов, Абдурахим Ходжибаев поплатились жизнью за справедливое решение национального вопроса, за интересы и единство таджикского народа. За это нынешние потомки должны быть им благодарны. Имена этих искренних и верных защитников своего народа не должны исчезнуть из памяти поколений».

Рахим МАСОВ. «История топорного разделения».

В своих записках я пыталась воссоздать образ горячо любимого отца таким, каким он мне запомнился в детские годы. Позднее к моим личным воспоминаниям прибавились воспоминания близких родственников, а также товарищей отца, знакомых — всех тех людей, которые сталкивались с ним в различных жизненных обстоятельствах, документальные свидетельства, выявленные из архивов и периодической печати, из художественной литературы.

Наша мама и мы с сестрой не имели горького счастья держать в руках и перечитывать письма отца, его заметки. Почти не сохранилось и его фотографий. Десятилетия спустя появилась возможность прочитать его книгу, статьи, увидеть фотографии. Помню, что первую его фотографию нам удалось получить только в 1956 году, когда мой муж поехал в Ташкент, чтобы узнать что — нибудь о деле отца.

В моих воспоминаниях есть и отдельные штрихи, детали, эпизоды показывающие отца как государственного и общественного деятеля. Но иначе, наверное, и нельзя было писать, ибо в повседневной жизни человека-кем бы он ни был, не минуемо переплетается личное и общественное, семья и работа.

В своих записках мне хотелось хотя бы в общих чертах

воспроизвести атмосферу того незабываемого времени, в которое жили отец и его сподвижники, раскрыть его круг интересов, заботы, образ жизни, общественно-политические позиции, которыми определялась деятельность тех, кому в конце 20-х — начале 30-х годов было доверено возглавлять Таджикское государство.

Политические портреты деятелей 20—30-х годов, всех тех, кто стоял у истоков создания новой Таджикской республики — вначале Автономной, а потом и Союзной — несомненно, создадут историки и политологи.

Моя же цель заключалась в другом: глазами и памятью самого близкого человека — дочери — воссоздать облик, раскрыть черты характера, деяния, передать мысли и чувства об Абдурахиме Ходжибаеве — отце, муже, сыне, брате, первом председателе Совнаркома Таджикской ССР — человеке трудной и трагической, но все же счастливой судьбы.

В последнее десятилетие появилось множество статей о Ходжибаеве, в которых раскрываются различные аспекты его государственной деятельности.

Я от души хочу поблагодарить авторов статей — ученых Р. М. Масова, Ш. М. Султанова, Ш. Р. Джалилова, А. Кадырова, А. З. Дуна, У. Г. Гаффорова, журналистов А. Батурова, И. Иномова, С. Дадобаева, директора Ленинабадского областного архива Н. М. Морозова и других, — за их большой труд, за архивные разыскания, за мысли и оценки, данные деятельности отца.

Хочу выразить признательность ученым Худжандского университета доцентам А. Б. Бобокалонову, С. Эркаеву, обнаружившим в архивах Коканда и Ташкента многие документы, характеризующие трудовой путь Абдурахима Ходжибаева. Приношу искреннюю благодарность к рецензентам, замечания которых я учла в процессе работы над книгой.

Глава I

В родном городе и семье

Абдурахим Ходжибаев был уроженцем Худжанда. Как известно, этот город — один из древнейших в Средней Азии, о нем упоминают многие древние историки.

Ариан, греческий историк I и II веков нашей эры, используя труды своих предшественников, которые до нашего времени не дошли, писал о городе Александрия Эсхата, позднее вошедшем в историю как Худжанд: «... Александр, укрепив в 20 дней основанный здесь по его желанию город, населил его греческими членниками, добровольно принявшими участие в заселении, окрестными варварами и некоторыми уже негодными для войны солдатами из македонского войска, принес по обыкновению жертвы богам и устроил конные и гимнастические состязания». (1)

Об этом же событии повествует и другой греческий историк Квинт Курций Руф: «Александр вернулся к Танаиду (2) (или Танаису — Б.-Х.) и все пространство, занятое лагерем, окружил стеной. Стена (нового) города была 60 стадий, этот город велел назвать Александрией. Постройка была закончена так быстро, что на 17-й день после закладки укреплений уже закончили выведение крыши..» (3)

Худжанд славился своими природными богатствами, искусными ремесленниками, просвещенными людьми.

Во многих трудах приводится ряд оценок, благодаря которым можно наглядно представить, почему город стал таким известным, почему его так поэтически называли — «Тирози джахон», что означает невеста мира.

1. Цит. по книге: Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940, стр. 51.

2. Танаид — древнее название Сыр-Дарьи.

3. Древние авторы о Средней Азии, стр. 66.

Известный этнограф М. С. Андреев приводит в своих трудах легенду об истории возникновения города: «Однажды ночью произошло наводнение до того сильное, что весь город был уничтожен. Спаслось с трудом несколько человек. Царь, правивший этой страной (по словам предания—Нуширван), не желал, чтобы город окончательно погиб, а поэтому приказал собрать лучших людей страны и поселить их немного в стороне от разрушенного города. Старое название города было забыто, и обновленный город, как заселенный несколькими (чанд) добрыми (хуб) людьми, стал называться Хубчанд (несколько хороших), перейдя потом в Худжанд».

Из седой древности дошли до нас высказывания ученых о Худжанде. Ибн Хаукаль пишет о Худжанде: «..По красоте своей одинок среди областей». Ал—Мукааддаси замечает: «Худжанд — город улады, нет на этой стороне более приятного (города), чем он, посреди его течет река и гора смежна с ним... хвалят его мудрецы и поэты». (1)

Газета «Санкт — Петербургские ведомости» в 1868 г. сообщала своим читателям: «Ходжент расположен на берегу отличной многоводной Сырдарьи и со всех сторон окружена горами, по скатам которых зеленеют роскошные сады, а все это вместе — вода, горы и растительность летом, при здешней жаре и засухе, дает воздуху благоприятную свежесть и чистоту, зимой же умеренность воздуха. ..Ходжент весь окружен великолепными садами, которых здесь больше, чем в других местностях области. Все эти сады фруктовые, плоды растут здесь в удивительном изобилии и ими снабжаются окрестные города..»

Еще одна характеристика, приведенная из труда Д. И. Романовского «Заметки по Среднеазиатскому вопросу» (СПб. 1868. стр. 66 — 67): «Ходжент составляет один из многочисленных, богатых и красивых городов Средней Азии, а жители его славились большой самостоятельностью, большим упорством, а вместе с тем надо дать им справедливость, и большой твердостью в исполнении обещаний». (2)

1. Цит. по статье: Н. Негматов. Ходжент. Основные этапы истории //Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе: Дониш, 1986, стр. 8.

2. Цит. по кн.: Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, Дониш, 1986, стр. 13.

В трудах профессоров Г. Х. Хайдарова, Н. О. Турсунова и других известных историков раскрывается историография города Худжанда. (1)

Не знаю, известны ли были отцу последние высказывания о Худжанде, приведенные здесь, но относительно древних авторов могу с уверенностью говорить о том, что труды многих историков и философов древности он знал. Когда через много лет я готовилась к чтению курса античной литературы на филологическом факультете института и изучала труды писателей, ораторов, историков, философов античности, мама, видя эти книги у меня в руках, говорила, что имена некоторых из них она знала раньше по книгам, которые лежали на столе у отца.

Отец хорошо знал историю Худжанда и гордился его прославленными мастерами, ремесленниками, поэтами, воинами, музыкантами и учеными. В московские годы нашей жизни он рассказывал нам о многих из них. Иногда в вечерние часы перед сном, видя, что он не очень спешит в свой кабинет, мы просили его рассказать нам о родном Худжанде, о дедушке и бабушке. С замирающим сердцем мы слушали его вдохновенные рассказы о великом Камоле Худжанди, о несравненной луноликой красавице — поэтессе Махасти, об отважном сыне таджикского народа, прославленном в легендах Темурмалике.

Особенно, помнится мне, нас с сестрой взволновала история о Темурмалике. Мы знали, что в течение многих веков жителям Худжанда приходилось вести непримиримую войну с врагами — выходцами из разных племен, которые, захватив Худжанд, разрушали дома и другие строения, угнали в плен людей, грабили богатства.

Город стоял на перекрестке больших торговых дорог — через него проходил Великий шелковый путь, он славился своими богатствами и поэтому привлекал хищные взоры захватчиков.

В те далекие годы текущая через город река Сир, что означает тайна, отличалась неспокойным нравом.

Ее бурные воды беспрестанно стремились вперед, и толь-

1. Хайдаров Г. Х. Краткий очерк истории Ленинабада, Душанбе, Ирфон, 1965; Турсунов Н. О. Шахри офтоби. Душанбе: Ирфон, 1989; Таърих ва фарҳанги мардуми Хӯҷанд. Машҳад, 1999.

ко искусственным пловцам она была покорна. Наш отец вместе со своими товарищами в раннем детстве проводил многие часы на берегу реки и был отменным пловцом.

Теперь река Сир, которая вблизи от Худжанда несет свои воды в Кайракумское водохранилище, в пределах города течет спокойно и величаво.

Худжанд начала XX века был известен многими искусственными умельцами: ткачами, вышивальщицами, сапожниками, ювелирами, гончарами.

Городской двор нашего дедушки был расположен в квартале Тупидузон, то есть в квартале «вышивальщиц тюбетек», где нынче находится здание Национального банка. Прямо через дорогу стоял и сейчас стоит неказистый низенький глинобитный домик, где много лет назад объединили судьбы молодой перспективный работник области Абдурахим Ходжибаев и юная девушка, не знающая жизни и, конечно же, даже и не помышляющая о том, какие зигзаги судьбы ей предстоит пережить. Крохотный дворик, — сохранилась всего одна только кибитка. Но несколько десятилетий назад здесь было чуть просторнее, поскольку мои тетушки Монад —амма и Махфират — амма упоминали о двойных воротах, болохоне и айвоне — крытой террасе, где размещалась большая семья саркора Мулло Ходжибоя.

Во дворе, вспоминают тетушки, росло развесистое тутовое дерево сорта марворидак, т. е. жемчужный. Так поэтически называли этот сорт тута за его сладкие и нежные плоды, искрящиеся, как жемчуг, и обладающие многими лечебными свойствами, избавляющими людей от некоторых болезней.

Несколько лет назад, когда я с режиссером Худжандского театра им. Камола Худжанди Исломом Саломовым и фотографом Ефимом Давыдовичем Ротенштейном стояла во дворе, дерева уже не было. Я смотрела на оставшееся ветхое строение, вспоминались мне и другие дворики тружеников из Худжанда. Представила себе по фотографии, приведенной в книге «Размышления о пройденном пути», и дворик академика Т. Н. Кары-Ниязова, что был расположен в махалле Гузари Охун, которая находится в районе нынешней детской больницы, поблизости от жилья моего дедушки Мулло Ходжибоя. В названной книге есть и описание дома: «Этот домик состоял из одной глинобитной хибарки с земляным полом площадью около 18 кв. метров, небольшого хозяйственного

навеса и треугольной формы двора, приближительно в 50 кв. метров». (1)

Задумываешься, почему дворы были так малы и тесны. Конечно, прежде всего это зависело от материального положения людей, не имеющих возможности построить хороший дом и купить участок земли для строительства. Здесь, наверное, и семейно — бытовые традиции многодетных таджикских семей, где сыновья не хотят переезжать куда-то подальше от родных и волей — неволей надо делить дом и двор на всех детей.

По в этом городском дворе семья нашего деда жила только зимой. Ранней весной все переезжали в кишлак, потому что основным средством пропитания семьи был сад.

И теперь, спустя десятилетия, когда я выхожу на Остановке троллейбуса «Стеклотарный завод» и, чуть повернув направо, иду прямо к линии железнодорожной ветки, сердце начинает гулко колотиться. Смотрю на арык, ныне одетый в бетон, на многоэтажные дома современного квартала «Бо-фанды», высияющие здесь, а сама вспоминаю, что еще в середине века и много раньше здесь протекал сай, в котором бурно плескалась вода, а вокруг, насколько хватало глаз, зеленела листва плодовых деревьев.

Здесь, в пригороде, в махалле, называемой «Сойи читгарон» или еще иначе «Сойи луличиттарон», и находился сад моего дедушки с отцовской стороны. Многие старожилы теперь уже не помнят, почему их махалля названа так — слово читгарон означает — «выделяющие, ткущие ситец», а здесь испокон веков жили дехкане, занимающиеся садоводством и огородничеством. Однако, почему к названию махалли прибавили слово «лули» — цыганы — вполне объяснимо. Цыганы разбивали свои шатры здесь — на берегу сая, зеленом и прохладном.

Недалеко от этого сая и располагался сад дедушки, занимавший территорию в 3/4 танаба (2). Здесь семья дедушки жила с самой ранней весны до поздней осени, когда урожай уже был уран, и сад уже подготовлен для урожая будущего

1. Т. Н. Кары-Ниязов. Избранные труды. т. VII, Ташкент, Фан, 1967. Данное произведение издано и отдельной книгой (М.: Госкомиздат — 1970).

2. Танаб равнялся 625 саженям земли, или же мери земли, равной половине гектара.

го года. Зиму семья проводила в самом городе Худжанде. Здесь, детей можно было учить в школах.

В начале века многие горожане, занимающиеся дехканским трудом, даже совсем бедные, жили именно так — на два дома. Дедушку Ходжибоя соседи уважительно называли саркором Мулло Ходжибоем. Слово саркор обозначало, что он был искусным дехканцем, что у него можно было поучиться мастерству ухода за садом, за огородом. Слово же мулло значило, что он был человеком образованным, начитанным. И в самом деле дедушка был знатоком Корана и даже первым учителем своих детей. По крайней мере мои тетушки вспоминают, что учились они Корану и у учительницы — биотун и у своего отца, который каждый вечер занимался с ними. Думаю, что и старшего своего сына Абдурахима, который позже вспоминал, что изучил арабскую грамматику в 7 лет, первоначально учил он сам.

В зимнее время дед занимался торговлей — был аттором, т. е. мелким галантейщиком на базаре «Панджшабе», где у него было свое место размером приблизительно в сандал, (1). Он торговал мылом, свечами, сакичем (2), мозу (3), различными сладостями. Но главным делом его жизни был сад, который обеспечивал пропитание семьи и которому он предан был всей своей душой. В те редкие дни, когда мы приезжали из Сталинабада в Худжанд, дедушка смутно запомнился мне в белой рубахе и белых штапах, в тюбетейке, с полуседой бородкой, немногословный и добрый. Он всегда был в заботах, чем-то занят. Лишь изредка он сидел с нами за праздничным дастарханом. Покой был не свойственен ему.

А сто лет назад он был молод и полон сил.

Шла вторая половина апреля. Абрикосовые деревья уже отцевли, и на них появились первые завязи плодов. Зато айвовые деревья были в полном цвету. Их нежные белые цветы украшали свежую буйную листву. Нельзя было оторвать взгляд и от цветущих кустов шиповника, полыхающих красным и желтым пламенем.

1. Сандал — низенький квадратный столик, приспособленный для обогревания зимой, стороны которого равнялись приблизительно 80 или 100 сантиметрам.

2. Сакич — жевательная смесь из воска и смолы арчи.

3. Мозу — лекарственное снадобье, применяемое при болезни зубов и десен.

В ночь на 25 апреля юная жена саркора Ходжибоя — ей было всего 15—16 лет — родила своего первенца. Его назвали Абдурахимом. Слово «рахим» обозначало второй эпитет, обращаемый к великому Аллаху.

Сильный здоровый малыш радовал всех в доме. Маленькая изящная Биходжал не отходила от сына.

Молодой же отец был настолько счастлив, что дал обет на будущий год совершить паломничество в святую Мекку.

Дедушка Ходжибой отправился в хадж в 1901 году. Путешествие совершилось на ослах. По дороге, как рассказывают его сыновья и docheri, он много пел и много рассказывал. Голос у него был сильный и красивый. Один из паломников одобрил сказал: «Поете и говорите вы, как маддох».

В словарях даются различные толкования этому слову: апологет, панегирист и устаревшее значение: профессиональный рассказчик священных историй, проповедник жития пророка Мухаммада.

Думаю, что к характеристике нашего дедушке более приложимо стариинное значение этого слова. И вообще красноречивых людей часто называли маддохами. Они славились своим искусством слова. Рахим Джалил в своей книге «Дом родной» подробно описывает одного из маддохов. «...Маддохи — профессиональные рассказчики священных историй. Вокруг них всегда толпились люди. Помню безбородого и безусого маддоха из Ташкента, что появлялся обычно в дни рамазана и, отвлекая постившихся от греховных мыслей о еде и питье, рассказывал им с полудня и до вечера религиозные предания или поучительные истории из жизни легендарных героев. Сказителем он был отменным, умел заставить слушателей всплакнуть и посмеяться. ... Он рассказывал в лицах, преображаясь то в героя, то в дракона, дива или пери, по ходу повествования смеялся, рычал и пускал слезу...» (1)

Писатель упоминает, что маддох свободно читал стихи из произведений таджикских и узбекских поэтов.

Широко известно, в те времена у каждого рода, семьи были, кроме имен, еще и прозвища. Уличное прозвище нашего деда с тех пор стало «маддох».

1. Рахим Джалил. Дом родной. М.: Советский писатель, 1973, стр. 59—60.

Чтение всем пришлось по душе. Радостный и бодрый улся дедушка из хаджа. Дома нетерпеливо ожидали памника. В ту же ночь, после возвращения саркора из хаджа, жена родила второго сына. И поскольку по многовечковому обычью к именам всех паломников прибавляли почетное слово «ходжи», младенца решили наречь Ходжибоем, хотя это имя в семье носил уже отец ребенка.

Через несколько лет наш дядя Ходжибой попросил отца избежание путаницы выбрать ему и второе имя. Отец, посоветовавшись со стариками, согласился. Отныне нашего дядю стали именовать Салимбоем. Так звали его и мы — племянники.

Судя по тому, что все братья и сестры отца были настоящими знатоками Корана и постоянно читали книги как старинные, так и современные, дедушка знал цену знания и поэтому стремился дать детям образование. Однако не менее важным он считал для человека и физический труд. Старшие сыновья саркора были очень привязаны друг к другу. Особенно роднила их общая страсть — чтение. Помню, что даже достигнув девяностолетнего возраста, дядя Салим всегда говорил о книгах и о различных новостях, вычитанных им из газет, множество которых он ежедневно покупал в киосках. Последние два — три года его жизни газеты регулярно покупали ему дети.

Красивый, высокий, удивительно талантливый, наш дядя Салим обладал и даром, как и его отец, выращивать деревья, овощи. Какую — то непостижимую мистическую связь он чувствовал с кустом граната, выросшим из отростка, который когда — то был посажен его отцом.

На месте, где рос гранат, решили возвести какое-то строение. Гранатовый куст срубили. Но в земле осталось несколько корешков, и они снова пошли в рост. Пришлось в помещении сделать специальное отверстие, чтобы гранатовый куст «дышал», а потом и вовсе спасти его — решили не рисковать растением, которое так тянулось к жизни, напрекор всему.

Дети дяди Салима — его старшая дочь Мастурахон Поччомуллоева, его сын Абдугиффор не раз с тревогой передавали слова отца:

— Когда перестанет плодоносить этот гранатовый куст, я умру.

Его предвидение сбылось. Весной 1933 года стало очевидным, что на гранатовом кусте плодов в этом году не будет, и именно тогда в мае дядя Салим умер — еще бодрым, с отличной памятью, на девяносто третьем году своей жизни.

Мой второй дядя Абдулмаон, который был младше своего старшего брата на 6 лет, рассказывал, что когда начали образовываться колхозы, отец — саркор Мулло Ходжибой вместе с ним — своим третьим сыном с утра до вечера трудились на правом берегу Сыр-Дары в местности, называемой Сумчак. Сейчас здесь находится совхоз. А тогда там была сухая безводная степь, которую только — только начали осваивать для земледелия. Тогда там было создано несколько колхозов, и один из них стал позднее носить имя Абдурахима Ходжибаева.

А в те далекие годы каждый день на рассвете саркор со своим сыном отправлялись на работу, держа в руках сумку с нехитрым инструментом: маленькой пилькой, молотком, ножом, мотком проволоки. Все это надо было, чтобы подпиливать ветки, обвязывать их, чтобы они не сломались под тяжестью плодов, прививать саженцы. Их примеру последовали и другие дехкане. Через два — три года на пустынных землях Сумчака зазеленели сады, а колхозы окрепли и разбогатели. И мне всегда отрадно думать, что в этих удивительной красоты деревнях, что и сейчас растут на правом берегу и радуют людей своими плодами, есть доля труда людей, близких мне. И не случайно, наверное, враги Ходжибаева, посылая на него доносы в 1936 и в 1937 годах, сообщали в спецорганы, что весь Сумчак принадлежал раньше его отцу — Мулло Ходжибою. Ведь дедушка каждый день ходил туда, чтобы ухаживать за деревьями. Вскоре после ареста старшего сына был арестован и он. В 1938 дедушку расстреляли.

Краткие строки официальной бумаги сообщают о судьбе деда:

город Ленинабад Таджикской ССР
Консервный комбинат
Гражданину Ходжибаеву Салиму

На Ваше заявление от 9—IV—59 года при этом направляется справка Верховного Суда Таджикской ССР о реабилитации Вашего отца Холбаева Мулло Ходжибая.

Не буду испытывать чувства читателя, рассказывая о том, что пришлось пережить перед смертью кристально честному, правдивому человеку, который всю жизнь внушил своим детям и всем окружающим его людям благородные помыслы о труде, о чести и совести и погиб как враг народа и отец врага народа. Пусть никому больше не придется пережить такой черной несправедливости, клеветы, жестокости!

Дяде Абдуманону, который умер в апреле 1999 года в возрасте тоже 93 лет, также многое пришлось испытать в жизни. Его не сломили тюрьма и трудности. До последних лет своей жизни он трудился, не расставаясь с кетменем. Сажал деревья, ухаживал за садом, работал, пока были силы в колхозе. О прошлом вспоминал редко, только когда мы очень просили рассказать. Не хотел упоминать и о должностях, которые занимал прежде. Последний раз мы по душам говорили с ним за три—четыре месяца до его смерти.

Отчетливо запечатлелся в памяти дяди Абдуманона день, когда он на много лет простился со свободной жизнью — 2 декабря 1937 года. Он работал тогда бригадиром в колхозе «Большевик», ныне посещаем им С. Урухходжаева.

За несколько дней перед этим мать сказала ему, что соседи говорят о массовых арестах и пусть лучше Абдуманон не испытывает судьбы, а уедет из Ленинабада на некоторое время. Но дядя Абдуманон не хотел даже слышать об этом: «Сын за отца не отвечает, не отвечает и брат за брата», — твердил он всем тем, кто советовал ему уехать.

А еще он вспоминал письма старшего брата, который не раз и не два писал о том, что именно он должен теперь заботиться об отце и матери, не оставлять их одних. Вся надежда была на него — младший брат едва достиг 13 лет.

Тот — такой горестный день — с утра был полон хлопот. Колхоз и бригада выполнили план хлопкосдачи. Состоялся митинг, и Абдуманон как бригадир, выполнивший план, должен был получить премию. Решил это сделать позднее, но не успел. Ему предъявили ордер на арест. Суроый и молчаливый помощник прокурора, приехавший из Сталинабада, хмуро посмотрел на него и промолчал, не ответив на приветствие. При обыске, вспоминал дядя, у него

отобрали часы, девяносто рублей денег, именной револьвер, выданный во время борьбы с басмачами.

А потом — тюремная камера, бесконечная работа, остров Магадан, где он отбывал ссылку с тысячами других невинно осужденных.

Сестры отца — Монадисо и Махфиратхон — тоже женщины с трудной судьбой. Монадисо-амма в прошлом году отметила свое девяностолетие, вторая сестра на два года младше её. Обе известны в киплаке как биотуны — то есть обученные женщины, знатоки Корана. С детства они учились сначала у биотун — учительницы, а потом отец сам учил своих дочерей.

Хотя Монад-амма закончила педучилище, по своей специальности она не работала. Почти всю сознательную жизнь трудилась на консервном комбинате и несмотря на преклонный возраст, только несколько лет назад вышла на пенсию. Единственная дочь Монад-аммы и внуки поколи ее старость. (1)

Махфират-амма с детских лет больше жила с семьей брата, чем с отцом и матерью. Вначале ее — маленькую девочку — взяли в Коканд, потом в Самарканд и Сталинабад. Когда семья брата переехала в Москву, она тоже решила пойти туда, чтобы учиться дальше.

Махфиратхон-амма вышла замуж за сына Нусратулло — Максума и вместе с ним вела «кочевой» образ жизни, как и все командирские жены. Я очень хорошо запомнила их свадьбу. В нашей большой комнате был накрыт праздничный стол. Отец был на свадьбе тамадой. Гостей собралось много. Отец и Нусратулло — Максум читали стихи на русском и таджикском языках. Все поздравляли молодых. А я, как сейчас помню, сидела рядом с невестой. И когда по русски обычно гости кричали «Горько!», жених и невеста целовали меня. Тетя этого не помнит. Да и понятно — от волнения в тот день она могла забыть все.

Вначале молодожены жили на Дальнем Востоке, в Приморском крае, где Аивар Максумович Нусратуллаев, окончивший в Москве Военную академию, служил младшим лейтенантом и участвовал в военных событиях на озере Ханка.

1. Недавно, когда книга уже была подготовлена к печати, она умерла.

Позднее Махфират-амма решила ехать к матери в Худжанд потому что ожидала ребенка. Там родилась дочка, и сюда приехал молодой отец, чтобы поздравить жену и посмотреть на дочь. Здесь в сельском доме, где постоянно теперь жил дедушка с семьей, и познакомились через несколько лет после замужества дочери саркор Мулло Ходжибой и его жена с зятем. Он очень пришелся им по душе. Стройный, высокий, тонкий, с продолговатым овальным лицом и огромными глазами, Анвар Максумович выделялся среди многих своей высокой культурой, деликатностью, вниманием к окружающим его людям. Он пробыл в Худжанде чуть больше месяца. Оказалось, что у него новое назначение — теперь уже на Украину — в район, расположенный в 20 км от границы. Здесь на Украине родилась вторая дочка. А когда в июне 1941 года началась война, муж сказал:

— Теперь ты должна сама заботиться о детях. Держись людей. Поступай, как они — встанут, вставай и ты, лягут — ложись.

Это была их последняя встреча. На войне он был тяжело ранен, выздоровел, снова был на фронте. Второе ранение оказалось неизлечимым. Он еще надеялся на встречу с семьей и близкими. Просил из госпиталя прислать фотографии дочек, но когда письмо с фотографиями, прошедшее трудный и столь длинный путь писем военного времени, дошло до адресата, он больше не приходил в сознание.

Через много лет дочери его стояли у братской могилы в Саратове, где на гранитной плите высечено и имя Анвара Максумовича Нусратуллаева.

В 26 лет, оставшись вдовой, Махфират-амма посвятила свою жизнь воспитанию детей. Несмотря на педагогическое образование, она тоже не решилась стать учительницей. Душа её тянулась к делу, которым испокон веков занимались мать и отец — она вышивала тюбетейки, выращивала деревья, разводила огород. Как и старшая сестра ее Монад, она славится как биотун.

Ещё один брат отца — Абдулгани был на 24 года младше Абдурахима. В 13 лет он потерял отца и старшего брата, в тюрьме были два других брата. В 1940 году от слез и горя умерла мать.

Учиться у мальчика — сироты возможностей не было. И многие годы жизни он работал на шелкомбинате рабочим, ухаживал за садом, огородом. Дядя вырастил замечательных сыновей, красивых и трудолюбивых дочек. Молчаливый, с грустными глазами, но всегда приветливый, он готов был помочь каждому своим посильным трудом. В прошлом году в возрасте 74 лет дядя Абдулгани умер.

Глава II Годы учебы

С детства, как вспоминают родственники, наш отец полюбил книги. Он не расставался с ними. Но положение старшего сына в семье ко многому обязывало — он, конечно же, должен был помогать отцу во всех его делах.

Отец учил его ухаживать за деревьями, во время обрезать их ветви, вскапывать под ними землю, ставить подпорки, делать прививки, поливать. Быстрый, ловкий, сообразительный ребенок, с детства наблюдая за работой отца, познал «прав» деревьев.

Особенно славился дедушкин сад урючными деревьями. Каких только сортов урюка не было в этом саду! И нежный сахаристый кандалакша, маленькие косточки которого как будто сами разламывались под зубами, и маҳтоби, (луны) плоды которого так красивы, что их сравнивают с луной, и мирсанджали, сладкий, как мед, с тончайшей кожурой, и бобон, хотя и имеющий несколько суховатые плоды, но зато почти каждый год, независимо от капризов погоды, дающий обильные урожаи.

Дедушкин сад радовал взгляд своей ухоженностью, обилием плодов, богатством различных сортов фруктов.

Помню, совсем маленькой, когда мы приехали осенью из Сталинабада в Худжанд и я раскапризничалась, требуя позвать маму — она вместе с отцом была в гостях — бабушка, чтобы успокоить меня, сорвала с куста гранат. Он был такой огромный, что я с трудом удерживала его в своих ручонках. Такими же крупными и сочными были плоды айвы, которая, помнится, росла на берегу хаузса. Кажется, что за всю свою жизнь не ела никогда больше такой вкусной и душистой айвы.

И у нашего отца тоже был такой непостижимый дар «видеть» дерево глазами садовника, понимать его. Не раз в детстве, уже в наши московские годы, я замечала, как пристальн

но вглядывается отец то в одно, то в другое дерево, а потом о чем-то говорит хозяину сада.

Думаю, что профессия нашего деда оказала какое-то влияние на всех его детей и даже внуков. Когда после долголетних странствий, более чем через десять лет, в 1944 году мы с сестрой вновь ступили на родную таджикскую землю и пришли в бывший двор нашего дедушки в кишлаке, то увидели чудесный сад, удивительный огород, в котором все буйно плодоносило. На плоской крыше пизенского глинобитного домика зрели огромные тыквы, которые были посажены возле него. Оказалось, что огородом и садом занимался наш дядя Салимбай, бывший специалист по банковскому делу, а теперь времени оказался не у дел колхозник.

Послушки были деревья и второму моему дяде — Абдуматону. Отбыв десятилетнюю ссылку в Магадане и вернувшись к своей семье, он решил отныне заниматься лишь садоводством. Когда мы с мужем и моей мамой получили земельный участок и стали строиться, он принес несколько саженцев винограда и групп из отцовского сада, и хотя теперь виноградные лозы стали уже старыми, они по-прежнему плодоносят, и каждый день, проходя под виноградником, я думаю о том, что когда-то давно, в начале века и позднее, виноградные лозы пестовал мой дедушка, а потом с этих лоз были взяты черенки, они превратились в виноградные кусты. Но начало им дал мой дедушка. Самый младший брат отца Абдугани тоже питал страсть к садоводству. Всегда, когда я видела его, он работал в саду, и сад в свою очередь радовал его богатым урожаем.

Но как бы не был занят маленький Абдурахим, он всегда дожидался часа, когда можно будет забежать в дом и взять в руки заветную книгу.

Наедине с книгой он забывал обо всем. Книга уносила его в волшебный мир прошлого, открывала настоящее. Из нее он узнавал о судьбах тысяч людей, раздумывал об их поступках, примеривал их к себе.

Особенно любил он поэзию. Чудесные ритмы стиховplenяли его воображение, он запоминал их на ходу, твердил их и с кетменем и с садовыми ножницами в руках.

Отец с матерью дивились склонностям своего первенца. Они замечали, что он выделяется среди сверстников серьезностью характера, задумчивостью. Радовало и то, что второй их сын Ходжибой тоже тянулся за своим братом. И он рано прист

трастился к книге, хотя характеры у братьев были совсем непохожими.

Ходжебой был веселым жизнерадостным парнишкой, любил баловаться, шутить, шумно играть со своими сверстниками, но в тоже время под влиянием брата он много читал, беседовал с ним о прочитанном. Он старался читать все то, что читал Адурахим — ведь между ними была разница всего в год.

Много позже, когда Адурахиму Ходжибаеву был уже 31 год, Поль Вайян — Кутюрье — французский писатель, раздумывавший о том, как Нусратулло — Максум — крестьянин и Адурахим Ходжибаев — садовник стали руководителями республики, поинтересовался:

— Когда вы научились грамоте?

— В семь лет я научился читать и писать по — арабски — так прозвучал ответ отца. (1)

С этого возраста маленький Адурахим уже не помнил себя без книги. И это определило его судьбу — он решил серьезно учиться. В автобиографии позже он скромно напишет: «занимался самообразованием».

Наш дедушка, посоветовавшись с родственниками, согласился с сыном, который просил у него разрешения поступить в школу. На совете родственников было решено, чтобы Адурахим поступил учиться в русско — туземную школу. Такого рода школы были в начале века самыми прогрессивными. В них обучали не только арабскому языку и Корану. Ученики этих школ изучали русский язык, математику, географию и другие предметы. Отдельные сведения о том, как шло обучение в этих школах, сохранились в мемуарных публикациях. Адурахиму было уже двенадцать лет, когда он впервые переступил порог русско — туземной школы. За годы учебы в ней он свободно овладел русским языком, неплохо разбирался и в других предметах, которые преподавались в школе.

В книге Х. Х. Солибаева «Время и люди» есть упоминание о русско — туземных школах. Он пишет, что они возникли в конце XIX века и в начале XX века в Чимченте, Ташкенте, Самарканде, а потом в Худжанде и других городах Туркестана. Главной их целью была подготовка переводчиков,

1. Об этом Поль Вайян Кутюрье пишет во второй части своей книги «Строители новой жизни» — «В страну Тамерлана»,

приказчиков и других специалистов из числа молодежи местной национальности. Обучение было рассчитано на четыре года. Мемуарист отмечает, что в учебный план этих школ входили такие предметы, как грамматика русского языка, устная русская речь, чистописание, арифметика, правила чтения Корана и язык фарси. Учебные планы были нестабильными. Они менялись в зависимости от наличия учителей. В этих школах учились дети семейств, имевших средний достаток. Большинство людей не хотело отдавать туда детей, поскольку боялось, что они станут безбожниками.

Некоторые сведения о русско — туземных школах содержатся в трудах этнографа А. К. Мирбабаева. Он сообщает о том, что первая русско — туземная школа была создана в Худжанде в 1895 году после многолетних запросов в канцелярию генерал — губернатора края. Школа располагалась рядом со зданием начальника Худжандского уезда — теперь это восточный угол Худжандской типографии. В школе работало всего три учителя — двое русских и один учитель местной национальности.

«Школа состояла из двух отдельных классов — русского и местного. Русский класс был оборудован картами, глобусами, другими наглядными пособиями тех лет. Класс же для обучения местных языков ничем не отличался от традиционных мактабов того времени.

Школа содержалась, за счет городской казны. Обучение в школе велось на очень низком уровне. Число обучавшихся было совсем незначительным. Например, в 1897 — 1898 учебном году курс русско — туземной школы Худжанда окончили всего два ученика. В 1897 году из 45 учеников русско — туземной школы русским языком свободно владели только трое, а в 1904 году из 42 обучавшихся русским языком овладели 15 учеников. Интерес к русскому языку был велик. В тоже время в первые годы работы школы определенная часть населения отнеслась враждебно к факту ее открытия. Имелись факты избиения учеников во время возвращения из школы...

Обучение было поставлено следующим образом. Первоначально ученики занимались в русском классе под руководством русских педагогов. Затем они переходили в соседний класс в распоряжение местного учителя, который обучал их наукам, составляющим программу мактаба. Обстановка в национальном классе напоминала обстановку в старой школе...

ле. Если в русском классе ученики занимались, сидя за партами, то в национальном они сидели на полу, покрытом войлоком...

Русско—туземная школа Худжанда, несмотря на присущие ей известные недостатки, все же стала заметным явлением в культурной жизни города» (1)

К сожалению, более подробного описания русско—туземной школы, действовавшей в Худжанде, никто не оставил. Но дошедшие до нас описания подобных школ в других городах также весьма ценные. Читая их, можно обогатить свои представления и конкретнее узнать, какой круг знаний получали ее выпускники. Например, Камил Ярматов так описывает эту школу в Канибадаме: «Наша канибадамская русско—туземная школа помещалась в прекрасном доме из жженого кирпича — лучшем здании города. Просторные светлые классы, удобные парты, на стенах многокрасочные картины, таблицы, репродукции с полотен Айвазовского, Верещагина, Левитана — какой контраст с нашим жалким унылым мактабом! Но главное — прекрасные учителя: русские, узбеки, таджики.» (2)

Примерное описание содержания учебы в такой же школе имеется и в книге Т. Н. Кары-Ниязова «Размышления о пройденном пути». Эти страницы книги относятся к описанию русско—туземной школы в Фергане, но, думается, что во всех этих школах обучение шло по единому учебному плану, поскольку речь идет приблизительно об одном и том же круге интересов.

Автор вспоминает: «В русско—туземных школах преподавались русский язык и арифметика в пределах первых четырех действий с целыми числами. Учащимся сообщались элементарные сведения по истории, географии (главным образом России) и природоведению; наряду с этими предметами преподавались также «туземная грамота» и основы мусульманской религии.

В учебных пособиях — «Книгах для чтения» — составленных специально для русско—туземных школ, содержались

элементарные сведения из жизни природы, людей, животных, птиц, а также короткие рассказы и стихи классиков русской литературы — Пушкина, Лермонтова, Крылова и так далее.

Наиболее удачными в методическом отношении пособиями считались первая, вторая и третья «Книги для чтения», составленные С. Граменицким. Например, третья книга, предназначенная для третьего года обучения, состояла из четырех отделов. В первом отделе были помещены: «Ветер и солнце» из «Детского мира» Ушинского, рассказ о смышленном крестьянине Л. Толстого, басни Крылова: «Трудолюбивый медведь», «Демьянова уха», «Осел и соловей», «Ворона и лисица», «Тришкин каftан», отрывок из поэмы «Мороз — красный нос» Некрасова, «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина и т. д. Второй отдел в основном был посвящен различным историческим сведениям о России. Третий отдел содержал географические сведения о Европейской России, Сибири и Туркестане, четвертый отдел — элементарные сведения по естествознанию, вроде «О каменном угле», «Где и как добывают соль», «Ядовитые растения», «Полезные растения и животные Туркестана» и т. д. Таким образом, в основном, за небольшими исключениями эта «Книга для чтения» содержала в себе полезный, общеобразовательный материал.» (1)

Пусть читатель простит меня за такие обширные выписки, но, размышляя над тем, как шел процесс формирования личности отца, основ мировоззрения, нельзя было не заинтересоваться тем, что он читал в детские и отроческие годы, какие книги влияли на него, каков был хотя бы приблизительно круг его миропониманий.

Итак, по цитатам видно, что эти школы имели ряд преимуществ, главное из которых заключалось в том, что их воспитанники изучали разнообразные предметы у них закладывались основы светского образования.

Но было, конечно, в этих школах и много недостатков.

Дотошному французу Полю Вайяну—Кутюрье, который интересовался буквально всеми подробностями учебы в этой школе, Ходжибаев поведал много интересного.

Мальчику особенно хорошо запомнился суровый школьный

1. Мирбабаев А. К. Историческое наследие Худжанда. Душанбе: Ирфон, 1995, стр. 148—149.
2. Камиль Ярматов. Возвращение. Ташкент: Издат. литературы и искусства. 1987, с. 26.

1. Т. Н. Кары—Ниязов. Избранные труды. Т. VII. стр. 72—73.

инспектор, который иногда проверял, как ученики знают текст русского гимна. Ходжибаев рассказывает, что мальчики, которых поднимал с мест инспектор, дрожали от страха и запикались, не в силах вымолвить ни слова. Подобный эпизод описывается и в книге Т. Н. Кары-Ниязова «Размышления о пройденном пути», хотя совершенно очевидно, что авторы описывали данный эпизод самостоятельно. Здесь, вероятно, совпадения произошли потому, что проверял работу русско-туземных училищ один и тот же чиновник и вопросы, задаваемые им, были везде одинаковы.

Решил инспектор проверить и знание учениками русского языка. Со слов Ходжибаева в книге Поли Вайяна—Кутюрье «В страну Тамерлана» читаем:

Однажды, войдя в класс, инспектор решил проверить запас русских слов учащихся. Он вынул из своего кармана носовой платок и, показывая его одному ученику, спросил:

— Это что?

— Тряпка, — бойко ответил ученик.

По своему ученик был прав, так как знал еще мало русских слов. Очевидно, инспектору такой ответ показался обидным. Еле сдерживая себя, он процедил:

— Ка—ак? Кто тебя так учит?

В это время на помощь ученику пришел учитель.

Ваше благородие, — многозначительно улыбаясь, сказал он, — ученик, конечно, знает, что это платок, но он у вас простиته несвежий, поэтому и назван был тряпкой.

Учитель дорого заплатился за свои слова. Вскоре после этого его отстранили от работы.

Абдурахим Ходжибаев учился в русско-туземной школе, вероятно, в годы 1912—1916, поскольку Полю Вайяну—Кутюрье он рассказывал о том, что после окончания школы он еще какое-то время работал с отцом в саду и только потом, уже после начала первой мировой войны отправился в Ташкент учиться.

Скорее всего, учась в русско-туземной школе, он не мог видеть нового инспектора народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самарканской области. Это был один из будущих блестящих востоковедов — впоследствии член — корреспондент Академии наук СССР Михаил Степанович Андреев. После пребывания в Индии и Индо-Китае, где он был вице-консулом, Андреев был назначен инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самарканской

области и на этом посту проработал 4 года — до 1918 года. К началу его деятельности в этих уездах было 9 русских и 2 русско-туземных школы, а также 90 медресе и 700 мактабов. Очень скоро Андреев убедился в том, что все эти школы нуждаются в постоянной помощи. Прежде всего им требовалось различное оборудование, учебники. А уже шла война, средств не было. И Андреев организовывает в Голодной степи мастерские, в которых для школ изготавливается мебель и другое оборудование. Он открывает книжные склады, которые снабжают школы учебниками и даже целыми библиотеками. М. С. Андреев создает новые русские и русско-туземные школы — их за годы его деятельности становится 52.

Он сам занимается проблемами подбора учителей, проводит диктанты, контрольные работы, поощряет добросовестных и талантливых учителей.

Постоянное внимание он обращает и на деятельность мусульманских школ и медресе, тем более, что самому Андрееву в ранней юности посчастливилось близко познакомиться не только с учащимися медресе, но и с известными мударрисами. Один из этих мударрисов, — Убайдулло—Максум, пропшедший курс обучения в Бухаре, стал давать Андрееву уроки, о которых впоследствии тот вспоминал с большой благодарностью: «И мударрис, и его окружающие были несколько заинтересованы, что какой-то русский юнец пришел к ним и выразил желание учиться. Мударрис не только не настаивал, чтобы я читал положенные по курсу книги в их последовательности, но охотно читал со мной персидскую литературу и отрывки из арабских текстов и даже турецкие произведения. Учение в медресе мне было очень интересно. Оно давало мне возможность знакомиться не только с языками..., но открывало мне реальную жизнь, строй мышления, верования, обычай, а в области языка дало мне возможность быстро и свободно говорить... В общем, это как-то хорошо открыло и мое сердце, и приучило уважать и хорошо относиться к людям и видеть в них добре и хорошее и там, где язык и уклад жизни не походили на те, в окружении которых я вырос в детстве». (1)

1. Андреев М. С. «Открываю и мое сердце...» //Памир, 1991, № 7, стр. 168—169.

М. С. Андреев много сделал для становления народного образования в Таджикистане, и в частности в самом Худжанде. Когда после победы Октября власть перешла в руки большевиков, Андреев был назначен комиссаром народного образования в Худжандском уезде. И, как отмечает автор статьи о нем А. К. Писарчик,⁽¹⁾ избирается председателем Союза учителей Худжанда и Голодной степи. Существуют и автобиографические записки Андреева, которые во многом обогащают наши представления о школах в период, когда учился там Ходжибаев и его сверстники.

Но даже беглое знакомство со школами того периода и процессом обучения в них дают возможность получить представление о том, как шел процесс становления личности вноши.

Глава III Начало самостоятельной жизни

Со слов матери хорошо представляю себе отца в первые годы его самостоятельной жизни. После окончания русско-туземной школы он стремился продолжить учебу. И естественно, что планы его были связаны с Ташкентом — единственным городом в Средней Азии, где в то время можно было получить высшее образование.

Вначале он много занимается дома. В автобиографии значится: «проходил домашнюю подготовку». Но чувствуется, что эта краткая формулировка вмещает в себя большой смысл. То и дело в различных документах, написанных его рукой, упоминается, что заниматься по определенной системе невозможно, поскольку нет нужных книг, особенно книг современных писателей Средней Азии и России. Пишет он и о том, что нет возможности систематически читать газеты. Тем не менее А. Ходжибаев стремится использовать любую возможность повысить свое образование. Как указывается в автобиографии, в Ташкенте он поступает в педагогический институт, оканчивает первый курс, а потом, когда начинают работать подготовительные курсы Туркестанского университета, становится слушателем краткосрочных курсов по сельскому хозяйству и получает классификацию низшего сельскохозяйственного работника.

Учиться было нелегко. Но никакие трудности не останавливали юношу. Сочувственно следил за учебой своего первенца и саркор Мулло Ходжибой. Из скучного бюджета большой многодетной семьи он каждый месяц посыпал сыну восемь рублей — на эти деньги Абдурахим покупал продукты для пропитания и книги для учебы.

В автобиографии Абдурахим Ходжибаев пишет об открытии Туркестанского народного университета, — известно, что таковым он именовался до сентября 1920 года, когда

1. Писарчик А. К. Михаил Степанович Андреев //Памяти Михаила Степановича Андреева. Сб. статей. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1960, стр. 9.

Б. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР об учреждении в Ташкенте Туркестанского государственного университета, впоследствии названного Среднеазиатским. Но, вероятно, какие-то курсы открывались еще ранее. Так, академик Т. Н. Кары-Ниязов вспоминает, что группа врачей — энтузиастов организовала в 1919 году первый курс Высшей медицинской школы.⁽¹⁾

Как в то время оборудовались различные школы и курсы и формировался контингент учащихся, помогает поять отрывок, приведенный им в пример: «Со всего города сюда сносились старые учебники, лабораторные принадлежности, приборы, реактивы, а с кладбищ добывались черепа и части скелетов. Из огромной массы студентов допускались все желающие учиться без предварительной проверки подготовленности, — совершенно естественно выкристаллизовалась основная группа в 150 человек, которая... успешно закончила учебный год».⁽²⁾

Примерно такими же представляются курсы по сельскому хозяйству — в них сконцентрировалась молодежь, желающая получить глубокие знания по естественным дисциплинам. Одним из ее представителей был Ходжибаев Абдурахим, который в последующие годы во всех анкетах на вопрос об образовании писал: учитель и сельскохозяйственный работник.

Итак, Абдурахиму Ходжибаеву исполнилась ровно 18 лет, когда после учебы он планировал самостоятельно работать и помогать семье. Но в момент окончания им курсов рабочников сельского хозяйства руководящие органы республики приняли решение направить 30 выпускников из числа слушателей краткосрочных сельскохозяйственных курсов в Закаспийскую область, которую позже стали именовать Туркменской областью. Эта область также входила в Туркестан. Молодым работникам предстояло руководить организацией волостных и районных советов.

Кратким было прощание с родными. Особенно тяжело переживала разлуку с сыном бабушка Биходжал. Она никак не могла смириться с мыслью о том, что ее сын уже взрослый — ведь ему исполнилось 18 лет, что отныне у него

начинается другая — самостоятельная жизнь, суровая и ответственная.

Позже отец в кругу семьи не раз вспоминал отдельные эпизоды из своей юности, когда впервые ему пришлось думать не только о себе, но и решать судьбу других. Нам же он это рассказывал, чтобы мы уже с детства знали, что не все в жизни бывает гладко.

Мы же, как и многие другие дети, часто капризничали: из супа мы вылавливали лук и морковь, отказываясь их есть, из колбасы выковыривали кусочки сала, оставляли еду в своих тарелках. И отец, требуя, чтобы мы все до конца съедали, не оставляя даже крошки, говорил о том, как сам не раз голодал, не имея куска хлеба.

С группой, в которой вместе с ним было еще шесть русских студентов, Ходжибаев был послан в Мервский уезд, в Тахта-Базарский район. Особенno запомнились ему двое товарищей: Панфилов и Николаев. Последний был уже коммунистом и не раз беседовал с Абдурахимом о политических событиях, партиях.

1918 год для Туркмении также был очень трудным годом. Там шла ожесточенная классовая борьба. Офицерам белой гвардии удалось бежать через Персию и Афганистан на Закавказский фронт. Ушли также и казаки. Теперь нужно было вести агитацию за советскую власть, и Ходжибаев был среди тех, кто, мастерски владея словом, умел открывать истины, зажигать сердца огнем стремления к правде.

Наступил июль, когда группа молодых инструкторов, завершив свою пропагандистскую деятельность вернулась в центр Тахта-Базарского района. Но здесь они неожиданно узнали, что в Мерве и Асхабаде произошли какие-то важные события. Недовольные проводимой политикой, люди собрались на площади. В толпе слышались лозунги: «Долой комиссаров!». В общежитии, где остановились инструкторы, внезапно появился участковый пристав. Он потребовал, чтобы никто не выходил из помещения и объявил, что отныне юноши под домашним арестом, а к нарушившим приказ будут применены строгие меры. Но стоило приставу покинуть общежитие, как парни договорились с наступлением темноты бежать на станцию железной дороги.

Только ранним утром добрались они до своей цели. Здесь им удалось сесть на почтовый поезд, который шел от Кушки в сторону Мерва.

1. Кары-Ниязов Т. Н. Избранные труды. В восьми томах. Размышления о пройденном пути. Ташкент: 1967, стр. 162.
2. XX лет Ташкентского медицинского института. Изд. Ташкентского медицинского института. 1939, стр. 12.

В Мерве обстановка была очень тревожная. Воздух буквально казался накаленным. Поэтому прежде всего следовало выяснить обстановку. Поселилась вся группа в так называемых Российских номерах. Больше десяти дней жили юноши как частные граждане, пока не явился старший их группы Баловнев. Он сообщил распоряжение начальства — прибыть в Асхабад, чтобы получить расчет. С трудом удалось им доехать до Асхабада — не было ни денег, ни хлеба. И вот, наконец, парни добрались до места назначения. Но их ожидало новое разочарование: работника, который занимался их вопросом, уволили. Казалось, что нет никакого выхода. Но молодость всегда полна надеждами и стремлений. Абдурахим решил обратиться к своему знакомому — туркмену Бориеву, который работал учителем в селении Геко-Теде, с просьбой найти ему какую-либо работу.

И вот в августе Ходжибаев был назначен учителем в Балинское русско-туземное училище. Молодой учитель не только преподавал биологию и историю, он постоянно вел агитационную работу, что вызывало недовольство у тамошних властей и послужило причиной для многих доносов. В них Ходжибаев именовался «джадидом».

Сочувственно наблюдал за энергичной работой молодого учителя помощник начальника станции Бали Бараповский, которому были близкие идеи коммунистов, одобряли их и местные туркмены Кули-Бали и Акметит.

Отец иногда говорил с сожалением нашей маме, что судьба шести товарищей, с которыми он делал первые серьезные тревоги своей самостоятельной жизни, осталась ему неизвестна.

В мае в жизни молодого учителя и агитатора вновь произошли изменения. Местные туркменские учителя Алиев и Айманов, Сахатмуратов — бывший Наркомсбес и другие подготовили съезд работников просвещения. Одним из главных вопросов, обсуждаемых на съезде, явился вопрос об организации ново-методных школ для туркмен. Вопрос решился положительно, но катастрофически не хватало кадров учителей для работы в этих школах. В Асхабаде, Мерве, Красноводске срочно были открыты учительские курсы. В Красноводске этими курсами заведовал Айманов, который знал молодого учителя Ходжибаева. Несколько лет назад тот был учеником Айманова в русско-туземном училище. Айманов пригласил его на работу в Красноводск.

По словам матери, отцу очень нравилась преподавательская работа, он с увлечением отдавался ей, но работал он учителем недолго. Мысли о родном kraе, о матери и отце не переставали бередить душу. Многое здесь, в Туркмении, напоминало Таджикистан. Так же одуряюще силен был аромат цветущей джигды в апреле, таким же ярким пламенем горели гранатовые кусты, когда весной на них появлялись цветы, также буйно росли инжир, персики, зрели сахаристые дыни. Все было отменным, все напоминало родные kraя, но как же далеко забросила судьба девятнадцатилетнего юношу! Один день сменял другой. Днем не выдавалось даже свободной минуты. Начинаяющему учителю надо было много работать над собой. Ночью же всеми своими думами он устремлялся в Худжанд. Мать, отец, братья, сестры — как не хватало ему дружбы, любви дорогих его сердцу людей!

Близилась к концу первая половина июня, когда Абдурахим от своих знакомых узнал, что Мерв в руках большевиков.

Была еще одна новость, заставившая его сердце сильно биться. Оказывается, сюда в Красноводск прибыла из Мекки группа паломников, совершившая хадж. Среди 64 человек этой группы было и несколько худжандцев. Когда он с ними встретился и поговорил, все его сомнения рассеялись. Юноша бесповоротно решил ехать в Асхабад. Назвавшись паломником, он поселился вместе с другим членами группы в мечети суннитов. Дни проходили в частых беседах с паломниками. Те рассказывали об увиденном во время хаджа, тревожились по поводу настоящих событий на их родной земле. И вдруг оказалось, что многие паломники решили вернуться обратно в святые места, потому что их страна «заражена самоедами — большевиками — китайцами и по возвращении на родину они тоже будут съедены ими».

Взволнованный услышанным, Ходжибаев начал горячо убеждать паломников, что они обмануты, что все эти слухи — клевета, что он сам знает от заслуживающих доверия людей о справедливости большевиков. Кажется, агитация и долгие беседы не остались безрезультатными. Часть паломников во время своих молитв стала молиться за то, чтобы бог ниспоспал победу большевикам.

9 июля большевики взяли Асхабад, и уже через два дня Ходжибаев, явившись в Ревком и рассказав о себе, просил помочь ему возвратиться на родину.

Разрешение было получено только 24 июля, и в тот же день, ни минуты не медля, он выехал из Ахшабада.

О том, как встретила пленаглядного сына бабушка Биходжан, рассказывает младшая сестра отца — Махфират-амма. Бабушка — хрупкая, добрая, быстрая в движениях — обожала своего старшего сына. Тяжело переживала она первую, столь продолжительную разлуку с ним. Шел месяц за месяцем, а от сына все не было никаких вестей, хотя она спрашивала всех, у кого можно было бы о чем-то узнать. Шел уже пятнадцатый месяц с того дня, как уехал Абдурахим.

И вот однажды в конце сада садовника Мулло Ходжибоя послышался с дерева ликующий крик соседского мальчишки: «Себанча! Себанча! Давайте себанчу! Выносите халат!» (1)

Сквозь листву деревьев бабушка сумела разглядеть куртчаку из бекасаба (2), которую Абдурахим взял из дома, отправляясь в свою первую дальнюю поездку. Не помня себя от радости, побежала бабушка к сыну. От волнения подкашивались ноги, немножко не добежав до Абдурахима, она остановилась — у нее закружилась голова, и вот-вот она готова была рухнуть на землю. Но добрые и сильные руки сына подхватили ее. Долго сын и мать не могли разомкнуть объятий.

— Не плачь, не плачь, мама! Ведь я уже дома! Ведь мы вместе!

А мать все плакала. И конечно, она не могла даже и думать о том, какие страшные жизненные испытания выпадут всего через несколько лет на долю ее сына, ее самой и всей пока еще такой счастливой и дружной семьи.

Поистине прав был мудрец Сократ, когда почти два с половиной тысячелетия назад воскликнул: «Я знаю, что ничего не знаю». И, может быть, даже к добру, что человеку не дано знать будущее. Слишком тяжело было бы жить, ежечасно памятая об ударах судьбы, которые должны обрушиться на тебя.

А пока все в доме саркора Мулло Ходжибая радовались. Приходили дальние и близкие родственники, расспрашивали юношу о дальних краях. С удивлением слушали рассказы о

1. себанча — подарок за радостную весть.

2. бекасаб — яркая шелковая полосатая ткань.

городах, которые повидал Абдурахим, о Каспийском море, которым он любовался и в котором купался. О диковинных, прославленных на весь мир туркменских скаунах и текинских коврах, укасались рассказам и о знойной раскаленной пустыне.

Незаметно пролетело несколько дней. И как не хотелось юноше уезжать из родного дома, служба требовала своего: надо было ехать в Ташкент, чтобы отчитаться о командировке.

В Совнаркоме Абдурахима встретили приветливо, внимательно выслушали его рассказ и просили кратко написать о проделанной работе. В бухгалтерии ему выдали деньги за проезд. Получил он в Совнаркоме и новое назначение на работу.

Теперь Абдурахима назначили инструктором — инспектором Худжандского уземотдела. Растропный и энергичный юноша пришелся всем по душе, и не прошло еще и восьми месяцев, как его назначили заведующим отделом землеустройства, а еще через несколько месяцев он уже возглавил Худжандский уземотдел.

Один день сменял другой. А работы не убавлялось. Каждый день надо было решать десятки проблем. Именно уземотдел должен был заниматься вопросами землеустройства, мелиорации и ирригации. А кто же не знает, что в Средней Азии проблема номер один — вода? Пусть даже у дехканшина есть земля, но без орошения она никогда не даст плодов. Зачахнут все посевы, пожелтеют и засохнут плодовые деревья.

В книге французского писателя Поля Вайяна Кутюрье «Строители новой жизни» приводится рассказ Ходжибаева о том, как при помощи распределения воды правитель Андижанского уезда барон Нольд мог решить любое дело, заставить людей заплатить какие угодно деньги.

На уземотдел было возложено решение многих жизненно важных проблем. Попутно с этими вопросами приходилось решать и другие неотложные дела. На юного руководителя Абдурахима Ходжибаева была возложена еще масса обязанностей: он был избран членом Уисполкома, Председателем уездной комиссии рабочих кооперативов, председателем комиссии по организации субботников. Он участвовал в работе различных экспедиций, руководил работой «одного крупно-

го советского хозяйства». К сожалению, наша мама в свое время не поинтересовалась, какое это было крупное хозяйство.

Обо всех упоминаемых фактах речь идет в автобиографии отца.

Вот передо мной ксерокопия мандата, который был выдан отцу в 1919 году:

МАНДАТ

Дан сей инструктору — контролеру по организации Вол. Зем. Ход. Отд. тов. Абдурахиму Ходжибаеву в том, что он командируется в уезд для направления деятельности земкомкоммунистической артели, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется.

Все волостные и аульные власти должны оказывать полное содействие.

Председатель Ходжентского исполнкома
Заведующий отделом земледелия
Ходжентского уезда
Секретарь

Абдурахиму Ходжибаеву предоставляются для решения вопросов, связанных с землеустройством в Ходжентском районе, большие полномочия. В мандате, выданном ему в июле 1921 года, значится:

Мандат

Предъявитель сего, заведующий отделом земледелия Ходжентского уезда тов. Абдурахим Ходжибаев, командируется в г. Коканд в Ферганский Областной отдел земледелия для выяснения неотложных вопросов. В случае перенесения вопроса в области Ходжибаеву предоставляется право проезда и в Ташкент в Наркомзем.

Посему просим не чинить препятствий, а оказать содействие в проезде от гор. Ходжента до города Коканда, а в случае необходимости от гор. Коканда до г. Ташкента и обратно до гор. Ходжента. Тов. Ходжибаев воинской повинности не подлежит как работник Наркомзема.

Тов. Ходжибаеву предоставляется право давать служебные телеграммы.

Срок командировки до окончательного решения вопросов, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Зам. заведующего отделом земледелия
Ходжентского уезда

Зав. общим п/отделом
Секретарь

А вот я перечитываю ксерокопию доклада, написанного заведующим Худжандским уземотделом А. Ходжибаевым и адресованного в Ферганский областной отдел земледелия, вероятно, в 1921 году. Ловлю себя на мысли, что отцовский почерк в какой-то степени напоминает мой, особенно в те годы, когда мне было 20—30 лет. Некоторые буквы мы пишем абсолютно одинаково, и эта мысль заставляет сердце учащению биться. Да, какие зигзаги делает генетический код!

Для себя констатирую, что отец в свои 20 лет конкретно и точно выражает мысли на очень грамотном русском языке. Уже первая фраза сразу знакомит читающего с конкретной ситуацией: «Работа по отделу земледелия Ходжентского уезда проходит весьма слабо и слабо потому, что штат уземотдела далеко не тот, который должен быть».

В докладе сделана попытка подробно охарактеризовать условия, в которых ведут хозяйство дехкане, особенно бедные. Идет речь о ремонтных мастерских, которые могут оказать помощь дехканам, о хлопкоочистительном заводе.

Конкретно определяются пути, по которым может быть оказана помощь дехканам. Характеризуются все вновь организованные советские хозяйства. И я полностью разделяю мысли директора Ленинабадского облгосархива Н. М. Морозова, который комментируя доклад Ходжибаева, пишет: «...Документ во многом как бы из нашего времени, времени гласности и перестройки. В нем дана правдивая оценка деятельности уземотдела в годы военного коммунизма (1919—1920) и начала эпохи (1921 г.), показаны сложности и трудности работы, и становится ясно, с каких же ступеней начала свой путь новая экономическая политика, давшая возможность дехканству поднять свое хозяйство буквально за 2—4 года.

Нам, привыкшим видеть из начала 20-х годов только положительные документы, этот документ покажется необычным.» (1)

В январе 1920 года в жизни Абдурахима Ходжибаева произошло важное событие: Худжандская городская партийная организация приняла его в партию большевиков. В автобиографии Ходжибаев писал: «В Коммунистическую партию записался после того, когда усвоил некоторые задачи этой партии». А задачи эти предъявили к человеку очень строгие требования. Коммунист в идеале мыслился, как человек, беззаветно преданный идеям партии, готовый до последнего дыхания посвятить свою жизнь борьбе за торжество ее принципов. Мама рассказывала, что отец, когда она иногда сетовала на его постоянное отсутствие, не уставал все вновь и вновь говорить ей:

— Я коммунист и обязан отдавать все свои силы в первую очередь партии.

— На первом плане у меня партия.

Упоминал он и о заповеди самаркандских коммунистов и читал ей отдельные отрывки.

Несколько лет назад я разыскала ее в книге о Самарканде, (2) чтобы глубже почувствовать, каким человеком был отец, какими идеалами он руководствовался в своей жизни, каким было поколение коммунистов в 20-е годы. Привожу эту заповедь полностью:

«Сознательно, бескорыстно и без принуждения вступая в партию коммунистов — большевиков, даю слово: считать своей семьей товарищей — коммунистов и всех разделяющих наше учение не на словах, но и на деле: бороться за рабочую и крестьянскую бедноту до последнего вздоха, трудиться по мере своих сил и способностей на пользу пролетариата: защищать советскую власть, ее честь и достоинство словом, делом и личным примером: ставить партийную дисциплину выше личных побуждений и интересов: исполнять беспрекословно все возложенные на меня руководителями партии обязанности: поддерживать слабых духом товарищей по партии и обличать корыстолюбцев, если замечу таковых в партии.

1. Морозов Н. К биографии большого труженика. //Ленинабадская правда. 5 июня 1990 года.

2. Алекскеров Ю. Н. Годы, равные векам. Страницы истории Самарканда. Ташкент: —Изд. «Узбекистан». 1973, стр. 118—119.

Обязуюсь: не щадить и не покрывать сознательных врагов трудового народа, хотя бы этими врагами оказались бывшие друзья и близкие родственники. Не поддерживать дружбу с врагами пролетариата и со всеми враждебно мыслящими. Привлекать к учению коммунизма новых его последователей. Воспитывать свою семью как истинных коммунистов.

Обещаю: встретить смерть за дело освобождения трудящихся от ига насильников с достоинством и спокойно. Не просить у врагов трудящихся пощады ни в плену, ни в бою. Не прикладываться перед врагами иначемыслящим ради личных выгод или корысти.

Отрекаюсь: от накопления личных богатств, денег и вещей.

Считаю позором азартную игру и торговлю, как путь к личной наживе.

Считаю постыдным суеверие, как пережиток тьмы и невежества. Считаю недопустимым делить людей по нации, языку, родству и состоянию, зная, что в будущем все трудящиеся на земле сольются в одну великую семью.

Пощажу лишь того, кто обманут и увлечен по темноте своей врагами, я прощу и забуду старые преступления лишь тех, кто искренне раскаялся, перешел к нам из стана врагов и делом искупил все прошлое. Если же я отступлю от этих обещаний сознательно, корысти или выгоды ради, то буду отвергнутым и презренным предателем. Это значит, что я лгал себе, лгал своим товарищам, лгал своей совести и не достоин звания человека.»

Да, сурово и аскетически звучали требования, сформулированные в заповеди. В них чувствуется бескомпромиссный максимализм — они диктуют человеку жестокие жизненные правила, требующие безраздельной отдачи всего себя великому делу борьбы за коммунизм. И именно такими — рыцарями революции без сомнений и колебаний — представлялись позже в моем воображении отец и его соратники.

Читаю скучные строки документов, вспоминаю долгие беседы с братьями отца — дядей Салимом и дядей Абдуманном.

Дядя Салим мне представляется человеком исключитель-

ной судьбы. Почему? Я знаю, что тысячи, а может быть, и миллионы людей в 30-е годы обращались к Сталину — «отцу народов» — с письмами о том, что они несправедливо осуждены. Но напрасно в течение многих месяцев и лет они ожидали ответа. Да, скорее всего, эти письма и не читали — ведь их были горы. Диде же Салиму «повезло» — его письмо было прочитано, и он был освобожден из тюрьмы.

Арестован был дядя Салимбай в Хорезме, где жил и работал в последнее время перед арестом. Именно там нашелся человек огромного мужества, согласившийся доставить письмо Салима Ходжибаева в Москву. Это был Рахим Худобердиев. До сих пор вся семья дяди Салима бесконечно преклоняется перед этим бесстрашным человеком и глубоко благодарна ему за его беспредельное мужество и верность в дружбе.

В памяти Салима Ходжибаева многое сохранилось из прежних дней. Каждый раз при встречах он вспоминал какие-то новые эпизоды, штрихи, детали из жизни старшего брата. Иногда вместе с моей мамой они уточняли какие-то эпизоды. Разница между братьями была ведь совсем маленькой, и Салимбай часто ездил с братом, сопровождал его во многих поездках.

В 1921 году в судьбе Абдурахима Ходжибаева снова произошел крутой поворот. Ферганский обком Коммунистической партии, которому в те годы подчинилась и Ходжентская партийная организация, приняла решение о назначении Ходжибаева председателем Ферганской областной землеустройтельной комиссии. Ответственный секретарь ЦК партии Туркестана Тюракулов вынес категорическое предписание о выполнении этого решения.

Свою деятельность молодому руководителю пришлось начать с разъездов по Джалаабадскому району с целью закрепления земельных наделов между дехканами, которые прежде землей не владели. Это была очень трудная работа, потому что спорам и жалобам не было конца — краю. Надо было оперативно решать эти споры, стремиться к тому, чтобы не было недовольных.

С ранней юности, как видно, у отца была склонность не только решать практические задачи, но и теоретически обобщать свои наблюдения, делать какие-то научные выводы.

Так, досконально изучив положение в Базар—Курганском районе, обобщив свои наблюдения, он разработал проект про-

ведения нового землеустройства. Феробком партии положитель²но оценил проект Абдурахима Ходжибаева. Окончательно утвержден он был в Ташкенте. Уже там он узнал, что принято решение о новом назначении его теперь уже в Самарканд. Но Ферганский обком партии настойчиво требовал оставить Ходжибаева на прежней должности, чтобы он получил возможность воплотить в жизнь все намеченные им в проекте.

Вплоть до 8 августа отец оставался в Базар—Курганском районе, где под его руководством осуществлялась земельно-водная реформа.

Завершив основной объем работ, Ходжибаев в Коканде, который был центром Ферганской области, приступил к работе на новой должности — заведующего областным отделом управления Фероблревкома.

Круг его обязанностей был поистине неисчислим, поскольку одновременно приходилось выполнять и другие поручения. Постановлением Турцика он был назначен Чрезвычайным уполномоченным по проведению осенней посевной кампании 1922 года, по приему и распределению прибывших из центра 300000 пудов семян, председателем областной комиссии по очистке милиции, председателем областной детской комиссии председателем чрезвычайной политической экспедиционной комиссии обкома в Базар—Курганском районе.

Особенно тяжелым для страны был 1923 год. Ферганскую область, как и многие другие местности, в том числе и Худжанд, охватил голод.

Х. Х. Салибаев в своих мемуарах вспоминает, что в Худжанде голод начался еще в 1919 году. В то лето была засуха и пеурожан. Из-за плохой работы транспорта зерно из других областей не поступало, вокруг городов основали недобитые банды басмачей.

«В городе для голодающих, — пишет он, — открыли провольственные пункты. Обычно они располагались в мечетях или в домах богачей. Таких пунктов в городе было почти десять. Установили огромные котлы и в них готовили шурба. Во всех пунктах с раннего утра стояли в очередях. У каждого в руках — миска, торшочек или какая-то другая посуда. Каждый день была только шурба — без мяса, без масла, в которой невозможно было что-нибудь выловить. Всем

давали одинаково,—независимо от количества членов семьи —по два черпака шурбы» (1).

Итак, положение в области было угрожающим. Ходжибаев был назначен председателем Облпосследгола—это, вероятно, была специальная комиссия по борьбе с голодом. 400000 человек было зарегистрировано в списках голодающих.

Принимались все меры, чтобы спасти население от голодной смерти. И когда удавалось это сделать, радость отца была беспредельна.

В архиве сохранилась записка под названием «История возникновения и развития голода в Фергане», составленная зампредфэрблпосслегола Калан—Ходжаевым и членом тройки Ходжибаевым. В ней содержится серьезная попытка исследовать причины возникновения голода. Обращаясь к историческим, экономическим и другим сведениям, авторы раскрывают подробную картину возникновения ужасающих обстоятельств, которые были характерны для того времени.

Главную причину голода они видят в басмаческом разгуле. Они указывают, что еще в 1917—1918 годах прекратился ввоз хлеба и хлебозлаков из России. Упадок же хлопковой промышленности—главной базы промышленности в Ферганской области—пошатнул все хозяйство городов и селений.

Содержание записи, ее стиль показывают, что была она составлена компетентными работниками, хорошо представляющими себе размер постигшего область бедствия. Воочию видишь тысячи беженцев, бредущих по дорогам со своим бедным скарбом. Кругом кладбища, мечети, улицы, переполненные трупами умерших от голода людей. Их некому хоронить. Трупы разлагаются, от них повсюду распространяются страшные болезни.

В «Записке» подробно характеризуются данные о последствиях голода во всех городах области, а также меры, принятые для оказания помощи населению. Конкретно указывается размер «питательной помощи», то есть спабжение населения продовольствием по месяцам, начиная с июня 1922 года по октябрь 1923 года. Оказывается, на человека в день полагалось: 1 фунт хлеба, четверть фунта крупы, четверть

фунта овощей, одна шестнадцатая фунта мяса, одна тридцать вторая часть фунта жиров и соли. Дети же, кроме того получали одну шестнадцатую часть фунта сахара или сухофруктов.

Не забыты одежда, медикаменты, а также оказание помощи в налаживании дехканами разоренного хозяйства: предоставление семенной ссуды и рабочего скота.

Особое внимание уделяется и вопросу восстановления промышленности: указываются промышленные предприятия, а также артели ремесленников, которые могут оказать дехканам помощь в восстановлении хозяйства.

Записка составлена ориентировочно в сентябре—или в октябре 1923 года и свидетельствует, что работники Ферганского облисполкома хорошо представляли создавшуюся обстановку и пути выхода из кризиса.

В память об этих поистине беспримерных днях у отца остались именные золотые часы, которыми ЦК партии отметил заслуги Ходжибаева на фронте борьбы с голодом. Это были большие карманные часы.

Мы, дети, уже в Москве иногда открывали ящик письменного стола, в котором лежали часы, поднимали их крышку и, любясь тусклым блеском золота, читали выгравированную запись. Когда за этим занятием нас заставлял отец, он осторожно отбирал часы. Мы не обижались, потому что знали—часы отцу были очень дороги.

1. Солибаев Х. Замон ва одамон. Душанбе: Ирфон, 1976, стр. 26.

Глава IV

Становление личности

С каждым годом забот прибавлялось. Появлялись все новые и новые обязанности. В декабре 1923 года в Ферганский обком, которому подчинялась и Ходжентская партийная организация, как мы упоминали ранее, прибыла телеграмма с сообщением о том, что Ходжибаев назначен членом коллегии наркомзема и заместителем Наркома земледелия Туркестана.

Одновременно он был заместителем председателя Ферганского облисполкома, руководил областным экономическим совещанием сельскохозяйственного комитета, выполнял различного рода задания. Например, в автобиографии он пишет, что руководил Ошской экспедицией по урегулированию отношений пришлого населения с коренным.

Хорошо представляю себе, какой это был тяжелый и неблагодарный труд, и сколько надо было иметь терпения и умения убеждать, чтобы справедливо решать многочисленные конфликты.

И все реже теперь удавалось Ходжибаеву бывать в родном Худжанде, где днем и ночью ожидала его мать. Ниже, бывая изредка в отцовском доме, он не мог, как прежде, помогать отцу в его хозяйственных делах. С первых же часов его приезда двор наполнялся соседями, родственниками —близкими и дальними, а также худжандцами, которые просили помочь в решении каких-то их просьб. Часто случалось, что он еще спал, а десятки людей ожидали его со своими заботами. И он, бывало, обижался на мать, которая, жалея, не хотела будить его еще в потемках.

Абдурахим старался каждого выслушать, что-то посоветовать и по возможности помочь.

Теперь только иногда, в ранние рассветные часы, надев халат из бекасаба, спитый руками матери, он выходил в сад, внимательно осматривал каждое дерево, работал вместе

с отцом. И хотя все реже удавалось брать ему в руки тяжелый кетмень, маленьку шилу или садовые ножницы для обрезки ветвей, дело спорилось у него, все получалось быстро и ловко. Мать не сводила глаз со своего первенца.

В эти считанные дни, когда он бывал дома, она внимательно присматривалась к нему. Как все матери она, конечно, хотела, чтобы он быстрее женился, чтобы были у него дети, чтобы она сама нянчила внучат. Но сын каждый раз отмахивался от серьезного разговора. А ведь ему шел уже двадцать третий год.

В один из его приездов заговорил с ним на эту тему и отец. Он был очень настойчив, напоминал, что Абдурахим —старший сын, что будет неудобно, если его опередит младший брат. И Абдурахим дал согласие на женитьбу. Теперь предстояло самое важное и трудное дело—найти достойную невесту для сына.

Сама бабушка хотя и не получила образования, но все-таки в общих чертах представляла себе жизнь своего сына. Она понимала, что когда он женится, в доме будет много гостей, надо будет уметь принимать их, уметь угостить, всем сказать приветливое слово. Конечно, думала бабушка, ему скорее бы подошла девушка с образованием, но таких в Худжанде в ту пору было очень мало. Долго бабушка советовалась с родственниками, с соседями, сама на различных торжествах присматривалась к женщинам, узнавала, у кого есть дочери. Ведь не зря в народе говорят: «Какова мать, такова и дочь». Наконец, выбор остановился на дочери соседа по городскому жилью — Шарифбоя.

Соседи хорошо знали его как искусного садовода, славившегося повсюду разведением инжира.

История женитьбы отца на матери похожа на сказку, в ней много романтического. Задолго до свадьбы Абдурахим вполусерьез, полушутя показал матери фотографию девушки и сказал, что хотел бы иметь жену, похожую на неё. Бабушка сбилась с ног, разыскивая похожую на неё девушку, и вдруг на какой-то церемонии, где собралось много женщин из махалли, она заметила юную девчушку, помогающую ухаживать за гостями. Оказалось, что она была младшей сестрой хозяйки дома — Биниссо. Бабушка ахнула от волнения: ей показалось, что девушка, как две капли воды, похожа на фотографию, которую ей дал сын. Да, это была девушка его мечты!

Двор дедушки Шарифбоя располагался напротив дома именитого худжандского купца по имени Эргашбой. Здесь же рядом жила и семья впоследствии известного ученого—историка, академика Зарифа Шариповича Раджабова, который позднее в своих мемуарах подробно описал двор купца: «...Ежедневно, играя с ребятами около и внутри его дома, я видел его роскошные хоромы, отделанные цветными рисунками, с деревянными полами и красочными потолками.

С левой стороны был построен небольшой двухэтажный домик, на втором этаже которого жили слуги бая, а в подвале бай держал свою черную, стройную и необыкновенно красивую лошадь. Во внутренней части дома бая, где обитали женщины, имелись еще три богато обставленных комнаты. Двор гостиной и двор во внутренней части дома со всех сторон были окружены высоким кирпичным дувалом». (1)

Недавно, предварительно узнав у профессора Назирджона Очиловища Турсунова историю жизни купца Эргашбоя Эргашева, я вместе с известной худжандской учительницей — филологом Темурой Гафаровной Розыковой и соседями купца по махалле внимательно осмотрела дом и все остальные строения. Теперь там этнографический музей. Все было очень прочным, долговечным и красивым. А прямо у ворот висел в рамке портрет самого Эргашбоя, сидящего на стуле и как бы приветствующего из своего небытия всех гостей, пришедших к нему во двор.

Городское жилье деда Шарифбоя располагалось как раз напротив ворот великолепного строения Эргашбоя. Но по какой-то причине улица была в этом месте не узкая, а весьма широкая—может быть, раньше здесь был чай—либо двор.

В семье моего деда Шарифбоя было пять дочек—красавиц. Обо всех в махалле шла хорошая молва: они были скромными, трудолюбивыми, немногословными. Старшие дочери были замужем. Жили они неподалеку от городского жилья бабушки Биходжал—матери моего отца. Бабушка видела их, и они ей приглянулись.

Так же, как и многие другие жители Худжанда в ту пору, семья деда Шарифбоя жила, если можно так сказать, на два дома. Весной, летом и осенью в кишлаке Кишлоки-

джон, в квартале Хафткалон дед занимался своим хозяйством —садом и огородом. Зимой—перевозил всю семью в городской двор.

Инжир, выращиваемый дедушкой Шарифбом, считался на базаре «Панджшамбе» одним из лучших. Все ягоды были одна к другой: ярко—желтые, большие, сочные, сладкие.

Люди, причастные к садоводству, знают о том, что разведение инжира—дело трудоемкое. Инжирные кусты очень нежные и ломкие, на них нельзя взбираться, нельзя резкими движениями наклонять их. В пору созревания инжир требует почти ежедневного полива. В прежние годы зимой кусты непременно утеплялись. Их осторожно наклоняли, покрывали вязанками сухих веток или гуза—пак, и только потом наваливали на них землю, чтобы уберечь от зимних морозов.

По дедушка Шарифбой не боялся работы. Хорошими помощниками стали для него и зятья, которые в горячий сезон созревания плодов, а потом в пору подготовки деревьев к зиме всегда готовы были помочь своему тестю.

С юных лет дочери деда Шарифбоя считались искусными вышивальщицами тюбетеек. Вышитые ими тюбетейки забирала женщина, которая, в свою очередь, передавала их торговцу на базаре. Тюбетейки, вышитые этими девушками, пользовались большим спросом.

В моей памяти сохранился рассказ матери о том, что сестры ее вышивали с таким усердием и так увлеченно, что одна из них даже отморозила себе щеки. Это был год, когда на дворе стояли небывалые для Худжанда морозы. Девушки же, сидя в холодной комнате за сандалом, забыли за работой обо всем.

Но младшая сестра — наша мама — несколько отличалась от своих сестер. Дело в том, что дедушке очень нужен был помощник, особенно в его трудах по саду и огороду. И хотя он мечтал о сыне, судьбе было угодно даровать ему только дочерей. И свою последнюю дочь он с малых лет решил принять ко всем своим хозяйственным делам.

Маленькая Биходжал—так звали нашу маму—была очень сообразительной, ловкой и проворной. Имя Биходжал или вернее Биходжар было в прежние времена весьма распространено

1. Раджабов З. Дорогой знаний. Душанбе: Ирфон. 1975. стр. 12

пенным. Так звали жену пророка Ибрагима, которая стала потом матерью пророка Исмаила.

Вместе с отцом девушка подрезала виноградные лозы, сориала инжир в сабады (1), работала на огороде, умела закрепить узду и седло на осле, перевезти груз из кишлакного сада в городской двор. Тянулась она и к книгам, но большое хозяйство все время требовало неустанных трудов. Отец последнее время болел, и девушке пришлось расстаться со своими мечтами об учебе.

Абдурахиму долго не удавалось увидеть ее — ведь все девушки и женщины в ту пору ходили только в парандже. Мать Биходжал заказала для дочери легкую паранджу из красного материала. Увидеть ее было нелегким делом — девушка большую часть года проводила в кишлаке.

Когда после многих хлопот Абдурахим Ходжибаев увидел, наконец ее — она ему понравилась: среднего роста, тонкая, беленькая, с миндалевидным разрезом карих глаз, с длинными, ниже пояса каштановыми косами.

Девушке исполнилось тогда семнадцать лет. Сваты в их дом наведывались беспрестанно — в среду и в субботу. Но мать Абдурахима оказалась самой настойчивой.

Мать же Биходжал долго колебалась: как быть?

С одной стороны, о саркоре Мулло Ходжибое и его семье всюду в махалле отзывались как о трудолюбивых, порядочных людях.

Когда зимой они переезжали в городской двор, у них всегда было тихо. Всех гостей они принимали приветливо. Их родственники были им под стать.

Но, с другой стороны, мать Биходжал страшило другое — в махалле о старшем сыне Мулло Ходжибое говорили как о большом начальнике. О женихе было известно, что в Худжанде он не живет, а приезжает только изредка по служебным делам и навестить родителей. Значит, их дочь, думала моя бабушка, должна будет жить далеко от отчего дома. Наверное, она попадет совсем в другие условия, будет общаться совсем с другими людьми.

Сумеет ли простая девчонка, привыкшая спортивисто выполнять самую различную хозяйственную работу, освоиться с новой необычной для нее жизнью?

1. сабад — плоская плетеная корзина.

Мужья старших четырех дочерей бабушки были людьми ее круга. Они занимались хозяйством — главным образом работали на земле, были ремесленниками. Например, старший зять Абдугани был пилакашем, то есть кокономатальщиком. Скромные и трудолюбивые, они заботились о семье, воспитывали детей. Правда, второй зять — муж дочери Бикамбар имел склонность к торговле, но надолго он никуда не уезжал — все торговые дела решал в пределах города. Третий зять — муж дочери Бинусрат — согласился переселиться с семьей к теще, когда умер тестя, и вел все хозяйство. И четвертый зять работал на земле. Все они были непреклонны и советовали еще отказать жениху. Они говорили, что Абдурахим Ходжибаев носит европейскую одежду, что он говорит по-русски, и они решительно против, чтобы он стал их свояком.

Все решилось в тот день, когда наша бабушка сама увидала своего будущего зятя. Стояли ранние весенние дни. Узнав, что Абдурахим Ходжибаев приехал на один — два дня в Худжанд, бабушка не медля, отправилась спозаранку к дому Мулло Ходжибоя, расположенному недалеко от ее жилища. Завернувшись в паранджу, стала терпеливо ждать. Через некоторое время из ворот вышли два молодых парня, примерно одного возраста.

Они были совершенно разными, но чем-то неуловимо походили друг на друга. Оба высокие, крепкие, один смуглый, другой белолицый. У одного под тюбетейкой коротко остриженная голова, у другого — густая волнистая шевелюра. Смуглый был одет в военную гимнастерку, брюки галифе, кожаную куртку, ноги были обуты в сапоги. Другой красовался в модной европейской одежде, которую только-только начали носить молодые люди. Смуглый шел молчаливо, погруженный в свои мысли, глаза его казались такими печальными, будто он заранее провидел свою будущую судьбу. Со стороны казалось, что он не слышит ничего, что говорил ему рядом идущий. Бабушка сразу поняла, что задумчивый молодой человек — это Абдурахим, а идущий с ним рядом — его брат.

И вдруг мать Биходжал почувствовала жалость и материнскую любовь к этому ей незнакомому юноше. Сердцем поняла она, как он одинок, сколько у него забот. И когда сваты уже в который раз пришли за ответом, мать девушки согласилась на свадьбу.

Племянница мамы Насриниссо Алимджанова — жена известного ходжентцам лингвиста Бободжона Алимжанова, сохранившая и на девятом десятке — ей 86 лет — удивительную память, вспоминает, что какое-то воздействие оказал на ее решение и сосед — известный всем купец Эргашбой. Узнав, что в доме соседей собрались все четыре зятя, он отправился к ним и сказал:

— Как вы можете колебаться, когда к девушке сватается такой человек, как сын Мулло Ходжибоя Абдурахим? Нежели вы ничего не понимаете? Да вас мало расстрелять! Тетушка Насриниссо добавляет, что при этом он даже выпул из кобуры пистолет, и это звучит довольно правдоподобно, поскольку в мемуарной книге З. Ш. Раджабова «Дорогой земляк» упоминается о том, что купец Эргашбой был очень авторитетным человеком в махалле и без его участия не решался ни один вопрос — будь то свадьба, или же похороны. Упоминает З. Ш. Раджабов и о том, что Эргашбой ходил с оружием.

Мамина племянница рассказывает:

— Время было тревожное. Появилось много грабителей-воровали и девушек. Лето я проводила в кипличачном дворе дедушки. Вместе с мододенькой тетушкой Биходжал, которая была старше меня всего на семь лет, я работала в саду. А вечером мы устраивались спать на крыше шинанка — летнего навеса. Когда мы укладывались, дедушка убирал лестницу. Особенно дедушка и бабушка опасались пришлых людей.

Насриниссо вспоминает, что спали они на крыше и в городском дворе.

За год до замужества дочери наш дедушка Шарифбай умер. Но еще до смерти он высказал жене свои последние пожелания.

Он просил продать корову с теленком и купить младшей дочери за вырученные деньги золотые украшения. Я хорошо запомнила их. Мама очень берегла их и взяла с собою в Москву. Когда она изредка открывала свой сундук, и при повороте ключа слышался музыкальный звон, мы с сестрой оставляли все свои детские забавы и устремлялись к сундуку, из которого мама извлекала удивительные вещи — платья из блестящей парчи и шелка самых радужных расцветок, платки.

Особенно с большим интересом мы рассматривали браслеты, звенящие на руках, украшения, надеваемые на лоб — коши

Теперь, когда отец был в Худжанде, он всегда старался найти время, чтобы навестить и тещу.

Племянице Насриниссо хорошо запомнилось, как однажды, когда она была в доме бабушки, во дворе появился молодой почко — зять.

— Мама, мамочка. Где вы? Встречайте гостя!

И сейчас через много десятилетий в ушах Насриниссо, как она рассказывает, звучит звонкий голос их нового зятя, который, пройдя в дом и сев на расстеленную куриную, начал читать Коран.

Недавно, когда я была в этом доме и сидела, может быть, на том самом месте, где сидел когда-то совсем еще молодой мой отец, хозяева дома рассказали о весьма знаменательном эпизоде.

Несколько лет назад, когда Президент нашей Республики Э. Ш. Раҳмонов осматривал Худжандский этнографический музей, расположенный в доме купца Эргашбоя, он выразил желание увидеть и обычный дом какого-либо худжандца. Его провели через дорогу в дом № 182 по улице Садирхона Хафиза, принадлежащий ныне Усмановой Рафоат, а прежде бывший домом моего дедушки Шарифбоя. И именно в этом доме — в старинной комнате, с резными точеными нишами, где не раз бывал мой отец, где он читал Коран и сидел за дастарханом, ныне наш Президент тоже вкусили хлеб и соль.

Таково все в этой жизни. И есть замечательная закономерность в том, что люди продолжают лучшие традиции, передают их из века в век, сохраняя самое ценнейшее, что имеет нация.

И сколько раз тетушка Насриниссо слышала, как молится бабушка, как благодарит Всевышнего за детей, за зятьев, посланных ей судьбой.

Насриниссо запомнила, как бабушка часто повторяла:
— Тысяча благодарностей за то, что у меня такие зята — любящие и заботливые! Пусть они не знают болезней, пусть их всегда бережет Всевышний!

И еще запомнилось маминой племяннице, как однажды в августовскую пору — время созревания инжира, Абдурахим-почко, зная, что мать жены была за городом, явился туда и горячо взялся за работу вместе с женой.

Как было весело работать в этот день, сколько было шуток:

на свою свадьбу только к церемонии «никх» — бракосочетанию, совершающему по мусульманскому обряду.

А потом все уже было как на обычных свадьбах.

Привезли невесту, как и полагалось по обычаю, на коне, которого вел под уздцы старший почко — зять Абдугани. Конь оказался норовистым. При виде яркого свадебного костра, в который то и дело подкладывали вязанки гуза-пани — сухие стебли хлопчатника, — он все время поднимался на дыбы, что вызывало страх у юной невесты, хотя она была и неробкого десятка. А ее полагалось по обычаю трижды обвезти вокруг свадебного костра.

Родители Абдурахима не могли насмотреться на невестку. С веником в руках она летала по двору, убирала в доме, помогала во всех домашних делах. Бабушка жалела невестку, старалась не пускать ее к дымному очагу, но неугомонная Биходжал не могла сидеть, сложа руки.

Через несколько дней после свадьбы состоялся домодталабон — первое посещение молодоженом дома своей жены с друзьями и родственниками.

Молодая жена была во всем блеске своей юности. Ее племянница Насриниссо рассказывает, что впервые тогда она увидела на ней украшения, купленные по завещанию отца. Позднее мама рассказывала, что эти украшения, она тогда надела в первый и последний раз. По давней традиции она была в атласном платье, которое переливалось всеми цветами радуги.

Первое время молодожены жили в разных городах: мама в Худжанде, отец в Коканде.

Племянница Насриниссо до сих пор не может скрыть своего удивления, когда рассказывает, что во дворе у саркора Мулло Ходжибоя в плетеной корзине лежали отборные греческие орехи, чтобы молодая невестка не скучала и могла играть в орехи, когда захочет. Специально для нее наш дедушка устроил и качели.

Когда приезжал Абдурахим, он смеялся, что теперь в доме две Биходжал, и поэтому так много веселья и порядка. И хотя в таджикских семьях раньше не было принято называть женщин по именам, имя юной Биходжал решили заменить на Другое, чтобы между тезками не возникло путаницы. Абдурахим предложил именовать ее впредь Марьям, что означало ангелоподобная, непорочная.

тилло, украшения, подвешиваемые к локонам — каджаки тилло и надеваемые на шею — зеби гардан.

Мама, смеясь, говорила, что подарит их нам, когда мы станем большими. И мы хорошо знали, что эти украшения — память от нашего дедушки Шарифбоя. Где-то они сейчас?

Еще одна отцовская забота запечатлелась в памяти нашей мамы на всю жизнь. Отец, чувствуя свой близкий конец, решил сделать младшей дочери подарок. Он вложил в него все деньги, которые экономил в течение многих лет. Это был большой яркокрасный пушистый ковер ручной работы, который каким-то чудом сохранился в доме у одной из маминых сестер до ее возвращения.

Через жизненные бури и грозы тридцатых годов он вновь попал к матери, как весть из далеких счастливых лет, как напоминание о нежной проникновенной отцовской любви. В своей жизни наша мама повидала многое. Довелось видеть ей как жене председателя Совнаркома республики немало диковинных вещей. Но отцовский ковер всегда оставался для нее самой дорогой вещью в доме.

Нам с сестрой и внукам она каждый раз повторяла:

— Этот ковер — подарок вашего дедушки.

И хотя за долгие десятилетия ковер утратил свою былую красоту, потерял свой пушистый ворс, он по-прежнему радовал нас яркостью своих красок. Только недавно, всего несколько месяцев назад, мы, тщательно вымыв его, сложили на сундук как реликвию, как память о былом, напоминающую о наших истоках.

Когда я через много лет зашла в бывший дедушкин двор, позднее, в годы войны, проданный сестрами мамы родственникам с материнской стороны, то особенно внимательно осматривала все старинные строения. Воображением я перенеслась в далёкие годы, пытаясь воочию представить двух девочек — одну постарше, другую — маленькую. Представила себе, как они спят на крыше, чтобы спастись от разбойников. И думала, как наивны были дедушка с бабушкой, надеясь уберечь своих детей от опасности. Но, как говорят, береженнего бог бережет!

И вот наконец, в один из весенних дней 1923 года состоялась свадьба. В большой семье Мулло Ходжибоя это была первая свадьба детей. Вся маҳалля долго не могла забыть этого торжества. Правда, сам жених едва сумел приехать

— Мамочка, я съел половину вашего инжира. Вы не сердитесь?

Слушая рассказ о том, как отец навещал свою тещу, я думала о том, что несмотря на короткий век, прожитый бабушкой, она была счастливым человеком. Ее дочери и зятья глубоко уважали ее, сердечно относились к ней. Зятья были искренне благодарны ей и дедушке, что они воспитали таких достойных дочерей. И я не перестаю размышлять, как это прекрасно, что многие люди, которых я знаю, тоже имеют чистые и благородные сердца.

И как я сейчас благодарна отцу, у которого был талант устроить человеку праздник, добрым ласковым словом поднять его настроение.

А потом, когда наша мама поселилась с отцом в Коканде, который в те годы был центром нашей области, бабушка со своими старшими дочерьми решила как-то навестить ее.

Отец сделал все, чтобы эта поездка запомнилась женщинам. Он знал, что для них это было первое в жизни путешествие в другой город, что, кроме Худжанда, они больше нигде не были и ничего не видели. В эти несколько дней, когда в доме были гости, он спешил пораньше вернуться домой. Он сам управлял машиной, всюду возил гостей и показывал им достопримечательности города.

А дома нашей маме он шутя говорил:

— Если меня снимут с работы, я буду работать шофером. Пытаюсь представить себе маму, бабушку, своих теток на улицах Коканда. Каким он был в те времена, когда в нем жил отец, бывала мама со своими близкими людьми?

У писателя Леонида Соловьева в его произведении «Из «Книги юности» есть красочное описание Коканда, читая которое, переносишься воображением в те далекие годы:

«Путаница узеньких улиц, слепых стен и высоких глиняных заборов с наглухо закрытыми калитками; на сером участке ишаке едет старик, вытянув вперед прямые ноги, чтобы не задевать землю; с кувшином спешит женщина, с ног до головы закутанная в серое. А водоем, если подойти к нему ближе, непроточный, затянутый зеленою плесенью, пахнущий гнилью...

Базар — средоточие старого города! Он был огромен со своими площадями, конскими и коровьими ярмарками, переплетом крытых рядов. Зной, духота, пыль, толпа... Чалмонос-

ные степенные купцы неподвижно восседают в своих тесных лавочках перед цветастыми чайниками; кричат пронзительными голосами водоносы, харчевники, продавцы снега, облитого бекмесом, кальянщики, предлагающие каждому за одну копейку покурить из кальяна, зубодеры, цирюльники, окуриватели больных дымом священной травы «хазр-асп», бродячие дервиши в конусообразных, опущенных мехом шапках и с черными выдолбленными тыквами у поясов. И нищие, великое множество нищих, слепых, глухонемых, больных трясучкой и пораженных волчанкой.

Странный мир, невообразимое смешение времен, звуков, красок и запахов!». (1)

Несомненно, что поездка в Коканд долго еще помнилась бабушке и теткам. Но это были редкие для отца часы отдыха. Все остальное время занимала работа.

Обязанностей было очень много. Область считалась одной из самых больших. В нее входило несколько крупных городов и селений, и везде надо было побывать, везде надо было решать какие-либо проблемы.

Как свидетельствуют сохранившиеся документы, отец хотя всецело и отдавался практической работе, все же стремился и обобщать свои наблюдения, делать теоретические изыскания. Естественно, что такая работа требовала больших знаний, умения аналитически мыслить, приходить к определенным выводам. Поэтому в ночные часы, когда была возможность, он много читал, делал выписки.

В этот период, будучи членом Президиума ЦИКа Туркестанской республики, Ходжибаев составляет заметки, названные им самим «Тезисами по вопросу о положении таджиков». На них стоит дата: 21 июня 1924 года. Но совершенно очевидно, что составление этих тезисов дело не нескольких дней и недель, а хотя бы нескольких месяцев.

Видный историк, автор многих работ, посвященных истории Таджикистана в этот период, академик Р. М. Масов пишет: «Судя по тезисам, автор показал себя отличным знающим прошлой истории своего народа. За исключением некоторых незначительных погрешностей, все изложенные в тезисах факты вполне соответствуют исторической действитель-

1. Соловьев Л. Из «Книги юности» М.: Молодая гвардия. 1963, с. 47—48.

ности. Материалы, приведенные в исторической справке, подтверждаются многочисленными исследованиями русских ученых, письменными источниками, сохранившимися до наших дней.» (1)

Внимательно, снова и снова перечитываю цитаты из тезисов, приведенные академиком Р. Масовым. На мой взгляд, взгляд человека, специально не изучавшего историю вопроса, они воссоздают широкую историческую панораму жизни многочисленных народов Средней Азии, их жестокой борьбы за свое существование. Тезисы начинаются с истории вопроса: «С глубокой древности Туркестан является страной, по которой протекало движение различных народов, многие из этих народов оседали там, а поэтому население Туркестана в национальном отношении является весьма разнородным.» (2)

По мысли отца, «главным содержанием истории Туркестана до завоевания его русскими были, с одной стороны, борьба кочевников с их патриархально-родовым бытом против оседлого земледельческого населения и, с другой, — ремесленно-торгового капиталистического населения с феодалами, а так как различные формы хозяйственной жизни совпадали с племенными различиями, то и борьба эта принимала форму борьбы национальностей.» (3)

Здесь же, я думаю, весьма аргументировано высказывается мысль о том, почему таджики — «одна из крупнейших народностей в Средней Азии» — «не осмеливались резко выдвигать свои культурные и некоторые экономические требования, даже в таких местностях, где различие в укладе жизни между ними и узбеками особо резко отличалось».

В тезисах А. Ходжибаев делает попытку рассмотреть, как с древнейших времен по нашу пору складывались демографические особенности населения Средней Азии. Он говорит о довольно высокой ступени развития народов арийских племен еще во время походов греков в Индию, в общем контуре дает очертания их городов, например: Мерва в VI веке, где было два миллиона населения, действовала общедоступная

1. Масов Р. История топорного разделения. Душанбе: Ирфон, — 1991, стр. 60.

2. Цит. по кн.: Рахим Масов История топорного разделения.

3. Там же, стр. 54.

больница, существовало земледелие с хорошо развитой оросительной системой, с торговлей.

Тезисы позволяют наглядно представить исторические события, произошедшие в те далекие века, когда вначале арабы завоевали Туркестан и Бухару. А потом туда вторглись орды других завоевателей. В тезисах нарисована яркая картина тогдашней жизни коренного населения: «Когда-то цветущие сады, засеянные хлебами долины, обращаются дикими кочевниками в пастища для стад, селения уничтожаются, города подвергаются постоянным нападениям.»

Подробно характеризуя процесс развития таджикского языка, раскрывая его роль в становлении мировой культуры, Абдурахим Ходжибаев приходит к выводам:

А. Таджики не исчезающая народность, а часть крупного народа, и об ассимиляции таджиков с узбеками не приходится говорить. Если подобная ассимиляция и имеет место в тех районах, где таджиков мало, как например, в Сыр-Дарьинской области, то обратное явление, а именно ассимиляция узбеков таджиками имеет место там, где таджиков большинство.

Б. То, что до национального государственного размежевания Средней Азии, советскими и партийными работниками Таджикистана не поднимался вопрос о нуждах таджиков, это подтверждает только что сказанное выше: таджикская интеллигенция, еще до революции втянутая в общую борьбу туземной буржуазии и интеллигенции, которая шла под флагом панисламизма и пантюркизма, совершенно оторвалась от деҳканской массы в первый период революции, как раз из этой джадидской интеллигенции вербовались кадры активных партийных и советских работников Туркестана. Оторванность таджикских партийных и советских работников от масс не есть проявление «интернационализма», как это хотят некоторые извне себе представить, а отрыжка пантюркизма.» (1)

Далее следует целый ряд выводов и рекомендаций в области советской партийной работы, развития просвещения таджикского народа.

В который раз перечитывая тезисы отца и объективно оценивая их как документ огромной важности в деле строительства государственности Таджикистана, думаю, где же все-таки истоки тех ошибок, к которым был причастен и отец, в ав-

1. Там же, стр. 59.

густе — октябре соглашавшийся с выводами членов комиссии по размежеванию.

Это размышления не специалиста. Это размышления одного из жителей Таджикистана, всей душой стремящегося осмыслить историю своей родины, сложный и трудный путь ее развития.

Известно, какое важное значение в тот период приобретал вопрос об административно-территориальном делении.

Еще в сентябре 1920 года к этому вопросу обратился В. И. Ленин в своих замечаниях к проекту решения ЦК партии о задачах РКП(б) в Туркестане:

«1) Поручить составить карту (этнографическую и прочее) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению.

2) Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей.»⁽¹⁾ Эти положения Ленина и стали основополагающими при размежевании Средней Азии.

Существовало и много других факторов, оказавших влияние на этот важнейший для среднеазиатских республик процесс. Во — первых, здесь сыграло роль негативного фактора положение членов таджикской комиссии по национально-территориальному размежеванию, которая была создана всего только за три дня до начала ее работы и притом, что важно иметь в виду, с правом лишь советского голоса. Во — вторых, положение в крае было очень тревожным. Продолжалась война с басмачами, целый ряд территорий, населенных таджиками, постоянно подвергался басмаческим нападениям. В стране царила разруха. Едва-едва преодолевались последствия голода.

Б. Гафуров и Н. Прохоров в книге «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины» дают конкретную характеристику этого времени: «За время с 1922 года по июнь 1924 года по одному лишь Больджуанскому тюменю (уезду) басмачами было изъято у населения свыше 4 тысяч лошадей, около 15 тысяч голов крупного рогатого скота, около 75 тысяч овец и коз. В Больджуанском тюмене басмачами было убито свыше 1900 человек мирного населения и ранено 1013 человек, из которых 698 остались калеками. Они разрушили и сожгли 1894 дома.

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 436.

Не менее тяжелыми были последствия басмаческого грабежа по Калай-Ляби-Обекому, Оби-Гармскому, Джиргатальскому, Хантскому, Тавильдаринскому и другим тюменям. По Калай-Ляби-Оби басмачи у вели 770 лошадей и 2000 голов мелкого скота, убили 779 человек.»⁽¹⁾

Леденящие душу примеры приводятся в книге Бориса Лапина «Набег на Гарм»: За пять лет басмаческих нападений с 1920 года по 1925 год было разрушено 850 селений, обращенные в пустыни 23 тысячи десятин земли».

Конечно, очень трудно было взять на себя ответственность за целый народ в такое тревожное время, тем более, что отец, которому поручили выступать от имени комиссии по национально-территориальному размежеванию, был еще очень молод. Ведь двадцать четыре года для человека, который уже с ранней юности посвятил свою жизнь борьбе за свободу и счастье народа и не имел возможности по—настоящему овладевать знаниями — это очень мало. Двое других его товарищ — членов комиссии были несколько старше и опытнее его.

Думаю, как трудно было принять решение, и может быть, не решая самому, высказать мнение, принятое комиссией.

На память невольно приходят слова из «Илиады» Гомера. Когда началась знаменитая Троянская война, которая, как известно, продолжалась десять лет, прославленный троянский герой — сын царя Трои могучий Гектор очень боялся, что именно его троянцы обвинят в военном поражении. Он думал, как будут звучать упреки ему:

Гектор людей погубил, на свою попадевшись силу...

Исторические документы свидетельствуют, сколько предлагалось самых различных вариантов при размежевании, сколько мучительных раздумий предшествовало им.

Например, на заседании территориальной комиссии 21 августа 1924 года Ходжибаев предлагал: «По вопросу о культурном центре таджиков — мы полагаем, что центральным городом Таджикской области будет Самарканд, который останется в пределах Узбекской республики, этот город должен быть временным центром для таджикской культуры, там мы должны организовать школы и прочее». ⁽²⁾

1. Гафуров Б., Прохоров Н. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Сталинабад: Госиздат, 1944, с. 174.

2. Цит. по кн.: Масов Р. История топорного разделения. Душанбе: Ирфон, 1991, стр. 45.

А вот статья ученых С. Олимовой и М. Олимова— «Живем в одном доме.» Они пишут: «Любопытно, что Абдурахим Ходжибаев, ставший позже председателем Совнаркома Таджикской ССР, резко критиковал пантюркистов и утверждал в противовес им, что таджики,—вовсе не исчезающий народ, подверженный скорой ассимиляции узбеками. Тем не менее он считал, что необходимо создать Узбекско—Таджикскую республику с признанием в нем государственными языками таджикского и узбекского». (1)

Итак, как видно по документам, размежевание было настоящим «гордневым узлом», и разрубить этот узел оказалось нелегким делом.

Документы говорят о том, что отец был человеком небрежного десятка. Он отстаивал свои убеждения и в тех случаях, когда знал, что может быть за них наказан.

В приложении к личному листку члена Российской Коммунистической партии (большевиков) Ходжибаева записано, что 1 декабря 1925 года на заседании пленума ЦК КП Узбекистана ему было вынесено порицание—записать в личное дело за участие в групповой борьбе, выразившейся в подаче заявления в числе «18» на II-м мартовском курултае КП(б) Узбекистана.

В статье профессора М. Назаршоева о Ш. Шотемуре читаем о том, что когда в Самарканде состоялся II съезд Компартии Узбекистана, Шириншо Шотемур подверг критике заявление «Группы 18», несогласной с линией ЦК КП(б) Узбекистана по вопросу проведения земельно—водной реформы. (2).

Историкам, я думаю, еще предстоит конкретно разобраться, в чем была суть заявления «Группы 18», в чем они были правы и в чем ошибались.

Да, конечно же, мой дорогой отец—романтик и максималист, он мечтает о счастливом обществе людей, совершивших мировую революцию.

Ратуя всеми силами своей души за создание Таджикской республики, он думает о том, что земли разбросаны, что дорог нет, что кругом басмачи.

1. Коммунист Таджикистана, 27 января 1990 года.

2. Коммунист Таджикистана, 17 декабря 1989 года.

Сумеет ли защитить республика своих сынов и дочерей? А вокруг бушует пламя войны с басмачеством.

Думаю, что отец никогда не был формалистом и букветодом. Сухие правила и отвлеченные идеи не имели над ним никакой власти. Он всегда руководствовался интересами живых людей, с которыми работал. Их нужды и заботы—вот что в первую очередь волновало его. Поэтому-то, как мне представляется, и имеются такие противоречивые мнения в характеристиках, которые ему давались в первые годы его трудовой деятельности.

Так в характеристике, данной ему как заведующему Ферганским облземотделом исполнкомом бюро Ферганского обкома КП Туркестана в ноябре 1923 года, читаем: «Устойчивый член партии. Выдержаный работник, обладающий средними организаторскими и административными способностями. Дисциплинирован. К партобязанностям относится недостаточно серьезно.»

В отзыве, данном Ходжибаеву, как председателю облилага и утвержденному исполнюю бюро Ферганского обкома КПТ через год—19 октября 1924 года, приводится аналогичное: «Хорошо может подбирать работников, установить с ними деловое сотрудничество и руководить ими. Мало интересуется партийной жизнью и к партобязанностям относится формально.

На данной работе использован вполне рационально».

Итак, дел хватало. С 1922 по 1925 год в Ферганской области в Коканде отец работал в облземотделе, облэкосе, облплане, облревкоме и обисполкоме.

В декабре 1925 года — новое назначение. Газета «Правда Востока» сообщает, что чрезвычайной сессией УзЦИКа Ходжибаев избирается народным комиссаром земледелия Узбекистана. Здесь же, в редакционной статье, читаем: «Товарищ Ходжибаев пользуется чрезвычайной популярностью в среде ферганского земледелия и батрачества.» (1)

Знакомлюсь с некоторыми статьями отца, написанными в пору, когда он работает наркомом земледелия и живет в Самарканде, где в то время была столица Узбекской ССР, куда входила и Таджикская Автономная республика.

Вот статья, опубликованная 7 апреля 1926 года в газете «Правда Востока» под названием «Быть районировано!». В

1. Новый нарком земледелия. Товарищ Ходжибаев //Правда Востока, 1925, 30 декабря.

статье ставится проблема определения территории районов и автор считает, что дальнейшее развитие народного хозяйства связано с устранием недостатков в административном делении районов, так «скверно увязанных с хозяйственно-экономическими предпосылками». «Земреформа раскачала кипчак и расчистила его почву от многих социальных «пней» — пишет Ходжибаев. В статье приведено множество примеров, характеризующих обстановку в различных районах: Карабадамском, Исфаринском и в Андижанской волости.

Видно, как тяжело переживает новый парком горести и трудности дехкан, вынужденных тратить уйму времени и средств для решения личных вопросов. «Хочется мне, — пишет он, — привести еще один случай лично из моей практики. Когда я работал в Ферганском облзeme и облиплане, ко мне обратились три дехканши с просьбой о помощи на покупку лошадей. Явились они из одной волости Наманганского уезда, отстоящей от Намангана на 150 верст. Я их спросил: почему вы обращаетесь за помощью сразу в область, минуя уезд? И дехкане поведали такую историю.

— По земельным делам им нужно было ехать в Наманган. Они на лошадях доехали до станции Пан. Здесь сели на поезд, а лошадей оставили у сарай-бана. Ехали они в уезд на два дня. Дело же в уезде задержалось, и дехкане прожили в Намангане десять суток. Для того чтобы питаться, им пришлось на базаре продать халаты. Но большое горе ждало их на станции Пан, где были оставлены лошади. Сарай-бэн потребовал с дехкан за прохорм лошадей в течение десяти дней 50 руб. И дехкане, поехавшие за помощью в совет, в свой уездный центр, оказались разоренными, им пришлось продать лошадей, чтобы рассчитаться с сарай-баном.»

Убедительные примеры помогали ярче выразить мысли и предложения, выдвинутые Абдурахимом Ходжибаевым для дальнейшего подъема сельского хозяйства и повышения благосостояния народа.

С февраля 1927 года отец был и главным редактором сельскохозяйственного журнала, «Сельскохозяйственная жизнь», в котором ставились важные для развития земледелия.

Глава V Есть „седьмая советская“!

Мама рассказывала, что когда я родилась, у отца было очень горячее время. Подходил к концу 1928 год. Вместе с семьей он жил тогда в Самарканде, где возглавлял наркомат земледелия. Как указывает в своем труде Р. Масов, именно Ходжибаев и Мухиддинов «взяли на себя всю тяжесть и ответственность по размежеванию Таджикистана с Узбекистаном и образования самостоятельной Таджикской республики. Все экономические, политические, культурные, демографические и другие обоснования были разработаны и внесены на обсуждение вновь созданной комиссии Абдукадымом Мухиддиновым и Абдурахимом Ходжибаевым...» (1)

С 1929 года наша семья постоянно живет в Душанбе. Конкретно помогает представить таджикскую столицу той поры рассказ журналистки Анны Берзинь — жены Бруно Ясенского. Она пишет о городе, «который назывался еще киплаком Душанбе и никоим образом не напоминал города, а был маленьким скоплением глиниобитных кибиток, — так там называют мазанки. Кривые, беспорядочные, но — азиатски слепые улицы, зной, пыль, грязь, — а на этом фоне красивые люди в цветастых халатах, пусть ситцевых, но ярких под нестерпимо горячим солнцем. Эти люди с медлительными движениями будто сошли с иллюстраций старинных библей. Даже женщины покрывали головы, как дева Мария на древних иконах.

Стройные мужчины, мечтатели и любители поэзии с цветком за ухом, в серых и белых чалмах, верхом на библейских осликах; женщины, закрытые в городах чачваном, а в деревнях и горах просто неимоверно длинным и широким рукавом; смуглые юноши и девушки; буйный разлив огненных маков

1. Масов Р. История топорного разделения. Душанбе: Ирфон, 1991, стр. 89.

по степям и долинам — таков фон, на котором все обстояло далеко не так миролюбиво.» (1)

Сохранились свидетельства о том, каким был прежде Душанбе, и многих других очевидцев.

Известный востоковед Даниил Семенович Комиссаров, много лет проработавший в Таджикистане, вспоминает: «Хотя слово «столица» и тогда звучало громко, даже внушительно, но какие были примитивные и хиленькие здания, доставшиеся от старого кишлака и приспособленные под центральные учреждения. Вот мазанка, в которой расположился Народный комиссариат финансов республики. Не более привлекательным было здание Народного комиссариата труда. И совершенно удивительной показалась... гостиница: к двухэтажной мазанке приделали балкон, остроумно используя два дерева, которые росли рядом.

И так выглядели все центральные учреждения столицы в первые годы ее жизни. Слова «помещения», «здание», «гостиница» звучали очень условно». (2)

Недавно, в феврале 1998 года, на встрече с общественностью города Душанбе Президент республики Э. Ш. Рахмонов, отдавая дань уважения тем, усилиями которых строилась и расцветала столица в первые годы со дня ее основания, помянул их добрым словом:

«После того, как прошла тысяча лет государства Саманидов, первый краеугольный камень в дело воссоздания таджикской государственности был заложен в Душанбе. В этот процесс большой вклад внесли Нусратулло Махсум, Абдуходир Мухиддинов, Шириншо Шотемур, Чинор Имомов, Абдурахим Ходжибаев, Яхье Афзали, сотни других государственных и политических деятелей». (3)

1929-й год был насыщен многими важнейшими событиями в жизни Таджикистана и самого Абдурахима Ходжибаева.

В апреле состоялся Второй Всетаджикский съезд Советов. На нем делегаты отмечали большие успехи, которых добилась республика в развитии народного хозяйства. События,

1. Цит. по кн.: Гордон Я. И. Открытие Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1981, стр. 107.

2. Комиссаров Д. С. Остров белого золота. Душанбе: Ирфон, 1983, с. 21.

3. Э. Рахмонов. Душанбе — город дружбы и братства. «Народная газета», № 9—10, 6 марта 1998 г.

произошедшие во время съезда, комментируют историки и журналисты. Дело в том, что именно в дни работы съезда басмачи во главе с Фузайлом Максумом перешли границу. Историки Ш. Джалилов и А. Кадыров рассказывают о том, как в этой чрезвычайной обстановке действовали руководители и военачальники. Известный полководец Павел Ефимович Дыбенко, незадолго до того назначенный командующим войсками Среднеазиатского военного округа, узнав о нападении басмачей, дал начальнику Гармского отдела ГПУ телеграмму: «Действуйте по обстоятельствам. Передавайте обстановку беспрерывно. Завтра обещают летнюю погоду. Ждите самолеты.»

Ученые отмечают, что маршруты вылета тщательно разрабатывались Нусратулло Махсумом, Шириншо Шотемуром, Абдурахимом Ходжибаевым и П. Е. Дыбенко. (1)

Уже 25 апреля на утреннем заседании Съезда Советов П. Е. Дыбенко информировал делегатов о том, как прошла боевая операция.

Басмачи были уничтожены.

Съезд горячоapplодировал этому известию. А Ходжибаев, который был председателем на утреннем заседании, предложил:

1. Информацию Дыбенко принять к сведению.
2. Выразить от имени съезда проклятие басмачам и всем их пособникам и поручить Президиуму съезда составить и представить на утверждение съезда соответствующее обращение от имени съезда к трудящимся ТАССР.
3. Отметить особые заслуги летного состава боевых работников в деле ликвидации басмаческого налета, наградить их от имени II съезда Советов, поручив Президиуму съезда определить степень награды каждому персонально в зависимости от его заслуг.» (2)

Облик Ходжибаева на съезде запечатлен журналистом Н. Роговским в очерке «Набег на Гарм» опубликованном в жур-

1. Джалилов Ш., Кадыров А. Таджикистан будет образцовой республикой //Коммунист Таджикистана, 28 февраля 1989.

2. Там же.

нале «Современная советская литература» за 1932 год: «Спокойно работал в эти дни Второй Всетаджикский съезд Советов. Вечернее заседание 25 апреля посвящено докладу предсноваркома Абдурахима Ходжибаева. На трибуне коренастая, крепко спитая фигура докладчика. На его смуглом с несхождящим бронзовым загаром лице молодо и решительно горят темные глаза. Звонким певучим голосом докладывает Ходжибаев делегатам съезда о проделанном пути и достижениях пролетарской республики. Огромные хлопковые поля, дымящиеся трубы заводов, бег поездов, автомобилей, тракторные колеса — осязаемой картиной проносятся перед делегатами съезда. Лица их отражают спокойную уверенность Громом аплодисментов покрыты последние слова Ходжибаева.»

Тогда же началась подготовка к Третьему Чрезвычайному Всетаджикскому съезду Советов. Все население республики с нетерпением ожидало начала его работы. Именно этому съезду предназначено было решить, станет ли Таджикистан самостоятельной союзной республикой.

В статье Ш. Джалилова и А. Кадырова о Нусратулло Максуме читаем: «Абдурахим Ходжибаев — активный участник борьбы за советскую власть, совместно с Нусратулло Максумом проводили большую работу по образованию седьмой социалистической республики.

И это дало положительный результат: в апреле 1929 года II окружной съезд Советов Ходжентского округа поставил вопрос о вхождении в состав Таджикистана. Еще раньше — 29 марта 1929 года — партийная организация Ура-Тюбе обратилась в Таджикскую областную организацию КП(б) Узбекистана с просьбой, чтобы Нусратулло Максум и Абдурахим Ходжибаев выступили у них на партактиве. В начале мая Максум и Ходжибаев были командированы в Ура-Тюбе, где они провели большую разъяснительную работу. В июле такая же встреча состоялась в городской партийной организации Ходжента, на которой присутствовало 85 коммунистов.

Партийный актив, заслушав доклад Нусратулло Максума и Абдурахима Ходжибаева о выделении Таджикистана в самостоятельную союзную республику, принял решение о

ходатайстве перед Средазбюро ЦК ВКП(б) одобрить это предложение.» (1)

Таджикская советская социалистическая республика была создана усилиями сотен людей. Посильную лепту в ее образование внес вместе с другими руководителями республики и Абдурахим Ходжибаев.

Профессор ХГУ Шариф Ахмедович Ахмедов записал в 1975 году рассказ академика Зарифа Шариповича Раджабова о его беседе с Ходжибаевым по поводу этого выдающегося исторического события. В своем рассказе З. Ш. Раджабов упоминал, что Ходжибаев был старше его на шесть лет, но как земляки, они изредка встречались за дастарханом. Особенно ученому запомнилась встреча, во время которой Ходжибаев поведал о том, какие невероятные трудности пришлось преодолеть, чтобы добиться создания союзной республики.

Руководство Таджикистана неоднократно обращалось с письмами по этому поводу в адрес Политбюро ЦК ВКП(б), Средазбюро и ЦК КП(б) Узбекистана.

Со слов Ходжибаева З. Ш. Раджабов рассказал о том, что в самом начале июня 1929 года тот поехал в Москву и обратился с просьбой о приеме к Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину. Руководство Таджикистана уполномочило его встретиться с Сталиным и убедить в необходимости образования Таджикской самостоятельной республики.

В назначенное ему время в кабинет Сталина был вызван также и представитель Узбекистана. Беседа длилась долго — около полутора часов.

Иосиф Виссарионович предложил Ходжибаеву перечислить все причины и аргументы, дающие основание для преобразования Таджикской автономной республики в союзную. Изложил тот также и политическое значение этой акции — ведь создание самостоятельной Таджикской союзной республики с развитой промышленностью, сельским хозяйством и культурой, несомненно, положительно повлияет на рост революционного движения в целом на Востоке.

На вопрос Сталина о том, может ли Таджикистан самостоятельно существовать и обеспечить дальнейший подъем благосостояния народных масс, Ходжибаев назвал конкретные пути решения этого вопроса — выход из состава Узбекс-

1. Джалилов Ш., Кадыров А. Председатель седьмой республики. //Коммунист Таджикистана, 7 августа 1991 года.

кой ССР, присоединение к Таджикистану Худжандского округа и других округов, населенных главным образом таджиками. Затем И. В. Сталин обратился с целым рядом вопросов к представителю Узбекистана. На некоторое время в кабинете воцарилась тишина. Сталин молчал. Вероятно, он взвешивал все сказанное и обдумывал свое решение. Наконец, он коротко произнес: «Создать Таджикскую самостоятельную республику».

Ясно, что были и другие встречи, ходатайства, письма, но, наверное, и эта беседа Сталина с Ходжибаевым занимала не последнее место в ряду тех доводов, которые оказались в 1929 году решающими для вождя и содействовали положительному решению вопроса. Уже 6 июня 1929 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос об образовании Таджикской Союзной республики.

12 июня Президиум ЦИК СССР также обсуждал этот вопрос и принял следующее решение: «Принимая во внимание, что Таджикская автономная республика по своим экономическому, национальному и геофизическому признакам, является совершенно обособленной от Узбекской ССР единицей считать своевременным, в целях более успешного экономического и культурного развития Таджикистана, постановку вопроса о выделении Таджикской республики из состава Узбекской ССР и о вхождении ее в Союз ССР, как самостоятельной союзной республики». (1)

И не случайно в одной из справок, выданных мне в 1958 году канцелярией управления делами Совета Министров для приобщения к документам о пенсии моей матери, значится, что Ходжибаев Абдурахим работал в должности Председателя Совнаркома с 26 июня 1929 года.

По словам мамы, отец все эти долгие недели и месяцы подготовки к съезду работал без устали, но был полон кипучей энергии.

Началась активная подготовка к III-му Всетаджикскому съезду Советов.

В документах съезда отмечается, что на нем было 386 делегатов и более 100 человек гостей из других республик.

Жители Таджикистана восприняли этот съезд как истин-

ный всенародный праздник. Было получено более 50 поздравительных телеграмм. Все дни работы съезда его приветствовали различные делегации. Это были пионеры, деятели, учащиеся школ, рабочие многих предприятий.

Мама вспоминает, что во все дни работы съезда отец был в приподнятом настроении. Несмотря на поздний час, он делился своими впечатлениями. И его бодрость, его уверенность передавались и маме и другим домашним.

Незабываемым для многих стал день принятия Декларации о преобразовании Таджикской АССР в Таджикскую советскую социалистическую республику. Это историческое событие произошло 16 октября. Весь этот день на площади перед домом деяния толпились люди. Они с нетерпением ожидали вестей. И дождались. Как только съезд принял Декларацию, в его работе объявили перерыв. Отец был среди тех, кто стоял у трибуны, с которой на всю площадь звучали слова Декларации. Мама тоже стояла в этот день на площади. Она рассказывала, что невозможно было забыть тот подъем и воодушевление, которые испытывали люди. Они ликовали. Когда читалась Декларация, чтение ее все время прерывалось аплодисментами. Собравшиеся кричали «ура», некоторые обнимались. Все проявляли удивительный энтузиазм.

Последующие дни работы съезда также хорошо запомнились маме. Отцу предстояло выступить с докладом об итогах и перспективах хозяйственного и культурного развития Таджикистана.

Как пишет историк Т. В. Каширина, «доклад представляет собой объемный источник, содержащий также сведения о промышленном развитии республики, о росте грамотности населения в Таджикистане и сети учреждений здравоохранения, оснащенности их кадрами». (1)

А потом состоялась вторая сессия ЦИК Союза ССР. 5 декабря 1929 года на седьмом вечернем заседании под председательством М. И. Калинина обсуждался вопрос о преобразовании Таджикской автономной советской социалистической республики в союзную республику. Стенограмма этого заседания имеется в личной библиотеке профессора У. Гаффарова.

С обширным докладом о Таджикистане, о главных собы-

1. Фаньян Д. К. К истории советского строительства в Таджикистане (1920—1929 гг.) — Сб. документов, ч. 1. — Стalinabad, 1940, с. 131.

1. Каширина Т. В. Третий Чрезвычайный Всетаджикский съезд Советов Душанбе. Дониш, 1989, стр. 18.

тиях в истории таджикского народа выступил Авель Сафронович Енукидзе — секретарь Президиума ЦИК СССР. В его докладе были раскрыты общие географические, экономические, политические и этнографические предпосылки, послужившие основой для выделения Таджикистана в самостоятельную союзную республику. Аплодисментами встретили члены ЦИК последние слова докладчика:

— Вступление Таджикистана в семью союзных республик совпадает с периодом нашего усиленного социалистического строительства, когда усилия советской власти и усилия нашей руководящей Коммунистической партии направлены к тому, чтобы не только снизить темпы этого строительства, но чтобы пойти вперед еще более решительным и бодрым шагом.

Я уверен, товарищи, надеюсь, что и вы уверены в том, что Таджикистан в этом величайшем строительстве пойдет с нами теми же гигантскими шагами и займет в нем не последнее место». (1)

Затем слово было предоставлено Нусратулло Максуму — председателю ЦИК Таджикской союзной республики и Ходжибаеву — председателю Совнаркома Таджикистана.

Кратко осветив историю таджикского народа в течение многих веков. Ходжибаев особенно подробно остановился на событиях, характеризующих политическую и общественную жизнь страны и народное хозяйство в последнее десятилетие.

Факты и цифры, конкретные примеры из жизни республики дали возможность участникам сессии наглядно представить широкую панораму действительности того времени. А. Ходжибаев говорил о восстановительном периоде в народном хозяйстве, о процессе реконструкции, об увеличении хлопковой площади, расширении богатых земель, успехах в шелководстве, садоводстве и виноградарстве, животноводстве и других отраслях народного хозяйства. Кратко охарактеризовал он и культурно-социальную работу, проводимую в Таджикистане.

Абдурахим Ходжибаев посчитал нужным сказать и о том, что с каждым годом растут симпатии к Таджикистану трудающихся соседних стран — Афганистана, Индии, Западного Китая и Персии, которых объединяет общий язык.

Вероятно, речь Ходжибаева привлекла внимание участников сессии, поскольку впервые на этом вечернем заседании в стенограмме отмечается: продолжительные аплодисменты.

На сессии единогласно принимается решение о преобразовании автономной Таджикской республики в союзную.

Отец, можно сказать, вел аскетический образ жизни. Все силы и помыслы отдавал лишь работе. Он считал весьма естественным, что личная жизнь должна занимать второстепенное место. Мама рассказывала, как часто, услышав сирену автомашины, отец выскакивал из дома, надевая по дороге второпях гимнастерку и не дожевав до конца кусок хлеба во рту.

Дядя Салимбой с юмором вспоминал о том, как однажды ему крепко досталось от старшего брата за желание покрасоваться, выделиться среди других. Дело в том, что для нужд своего учреждения дядя с огромным трудом удалось получить легковую машину — открытый газик.

Гордо выпрямившись, он довольный сидел на заднем сидении и, важно поглядывая по сторонам, проехал по городу. Наш отец в это время случайно увидел его. И едва младший Ходжибаев доехал до своего учреждения, как ему сообщили, что его вызывает председатель Совнаркома. Отец был разгневан. Схватив брата за пышную шевелюру, он дал ему несколько зуботычин:

— Как ты мог себе такое позволить? — кричал Абдурахим

В тот же день дядя Салимбаю пришлось проститься с вожделенной машиной — она была тут же передана другому учреждению.

Такими же жизненными критериями руководствовались и многие другие работники. В своей книге «Возвращение» Камиль Ярматов рассказывает, как примерно в 1931 году он оказался очевидцем следующей картины: «По главной улице столицы, проспекту Ленина, шагал председатель ЦИКа собственной персоной, неся на спине огромную этажерку для книг. Шагал Нусратулло Максум легким, неслышним шагом горца, чуть придерживая ношу рукой — он был крепок, ловок, что ему была какая-то этажерка! Он еще не такие грузы таскал в своем Гарме.. Да и из прохожих никто не удивлялся, хотя многие узнавали всетаджикского раиса и почтительно здоровались с ним. Единственный человек увидел во всем этом вопиющее нарушение правил — тогдашний директор киностудии Наврузов. Как он очутился возле Нусратулло — Максума и какое имел отношение к транспортировке книжной этажерки — не знаю. Но только он бегал вокруг председателя ЦИКа и уговаривал — почему-то по

1. Бюллетень № 15 ЦИК Союза ССР, 1929, стр. 9.

русски: «Дайте я её попесу, дайтё, пожалуйста!» На что Нусратулло-Максум по-таджикски отвечал: «Монед!», то есть «Оставьте!» И сердито добавлял: «Помогите вон тому старику лучше — видите, он еле ноги тащит...» (1)

Я далека от мысли идеализировать прошлое и считать, что все должны ходить пешком — ни объем работы, ни параметры территории сегодняшних городов и кишлаков не позволяют в наши дни игнорировать транспорт и другие средства, облегчающие процесс руководства. Я просто хочу правдиво показать особенности того времени, раскрыть характеры отца и его сподвижников, привычки, отношение к людям.

Будучи скромным и непрятательным в своем быту, отец требовал того же и от окружающих, особенно от близких ему людей.

Через несколько лет, когда наша семья переехала в Москву, и отец почти всегда был вместе с нами, мы с сестрой твердо знали, что за столом привередничать нельзя. Что мама приготовила, то и надо есть без всяких капризов. Шурпу надо есть до конца, хлеб до последней крошки.

Но вернемся в 1929 год — первый год существования самостоятельной Таджикской республики. Мама рассказывала, что ночи напролет отец проводил за письменным столом. И как видно, не напрасно. Уже в этом же году в Москве тиражом в три тысячи экземпляров вышла на русском языке его небольшая книга — «Таджикистан. Краткий политico-экономический очерк Таджикской ССР». На обложке после слов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» идет арабским шрифтом «Седьмая республика».

На таджикском языке, напечатанная арабским шрифтом в Казанской типографии, книга вышла в 1930 году. Экземпляр этой книги моей дочери Матлубе с теплым запоминающимся автографом подарил известный этнограф — профессор Назир Очилович Турсунов.

Несколько лет назад в республиканской библиотеке им. Фирдоуси я внимательно изучала труд отца. Теперь книгу на русском языке я получила от своего коллеги — историка, профессора Усмонджона Гаффарова, которому ее подарила известная многим общественный деятель Биходжал Фатхиддиновна Рахимова.

1. Камиль Ярматов. Возвращение. Ташкент, Изд. литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1987, стр. 83.

Держу книжку в руках — пожелтевшая от времени обложка, довольно потрепанная. Видно, что книгу читали, ходя по страницам это не особенно заметно — бумага ослепительно белая, мелованная, шрифт отличный. фотографии четкие.

Предполагаю, что книга вышла сразу же после создания Таджикской советской социалистической республики, когда интерес к ней особенно вырос. К сожалению, кроме года издания, других выходных данных в работе нет.

Вновь с волнением перечитываю книгу. Как ни суровы были преследования, какие грозные кары не обрушивались на нарушителей, нашлись люди, которые сумели уберечь книгу от уничтожения.

Спасибо им — таким бесстрашным и мужественным, знающим истинную цену книгам! Поистине, как писал М. Булгаков, рукописи не горят. Не горят и книги.

Труд отца состоит из предисловия и трех разделов. К предисловию эпиграфом взяты слова Сталина из его обращения к 1-й партийной конференции Таджикистана, состоявшейся в 1925 году:

«Привет Таджикистану — новой Советской Республике тружедящихся у ворот Индостана. Горячо желаю всем труженикам Таджикистана решительных успехов в деле превращения своей Республики в образцовую Республику.

Таджики имеют богатую историю. Их организаторские и политические способности в прошлом ни для кого не составляют тайны.

Работники Таджикистана! Поднимайте культуру своей страны, развивайте ее хозяйство, помогайте труженикам города и деревни, сплачивайте вокруг себя всех лучших сынов своей родины и покажите всему Востоку, что Вы являетесь лучшими потомками своих предков, крепко державших в своих руках знамя освобождения».

Первый раздел «Годы борьбы», начинается с параграфа, весьма знаменательно названного «Таджики». В кратком историческом экскурсе несколькими штрихами дается яркая и запоминающаяся история многострадального таджикского народа.

Абдурахим Ходжибаев пишет: «Таджики являлись коренными жителями территории современных Средне-Азиатских республик и граничащих с ними стран. История этого народа изобилует трагическими, кровавыми эпизодами».

лениности, торговли, дорожного и гражданского строительства, здравоохранения, народного просвещения. Завершается работа описанием советского строительства, констатируется уже проделанная работа и определяются перспективы будущего.

Оптимистично звучит последняя фраза: «...Препятствия мы преодолеваем и успешно преодолеем».

Снова и снова перечитываю отдельные страницы, вдумываюсь в стиль работы, размышляю над содержанием и языком. И хотя отец главным образом тяготеет к языку цифр и обращается к конкретным фактам и явлениям, характеризующим всю многообразную жизнь республики более чем за семьдесят лет назад, тем не менее в стиле изложения чувствуется и метафоризм, и эмоциональность, и стремление излагать мысли ярким образным языком. В предисловии читаем: «В судорогах долгой мучительной агонии старый строй придавил, смял и изуродовал страну огромных возможностей, страну героического народа, столетиями страдавшего и воевавшего за свое право на свободный труд и национальное самоопределение».

Семь Октябрей отсчитал Советский Союз за то время, когда таджикские дехкане совместно с геройской Красной армией на узких горных тропах, шаг за шагом отвоевывали окровавленные ущелья и долины от ветхого эмирата, подпираемого костылем английского колониализма.

Это прошло. Годы рабства, пищеты и голода легли на страницы истории кровавым рисунком. Но зарево страшного пожара потухает еще только сейчас в Разрушенных за годы борьбы кишлаках Таджикистана. Гражданская война оставила глубокие шрамы на хозяйственном теле молодой горной Республики Советов.

Октябрьская революция освободила народы Таджикистана от колониального угнетения. Она расчистила путь к национальному раскрепощению, создала условия для беспрепятственного политического, хозяйственного расцвета и сказала: Страй!

И пятый год идет гигантская стройка в освобожденной стране зеленых просторов и снежных горных высот.»

Мой уважаемый читатель, может быть, ironически улыбнется, но лично мне кажется, что даже в этих фразах чувствуются литературные способности автора. Я хорошо помню, как интересно было слушать отца, когда он говорил

о будущем Таджикистана, рассказывал о его городах, кишлаках, реках и озерах, замечательных людях. Все, о чем он рассказывал нам, детям, можно было конкретно представить, потому что речь отца изобиловала метафорами, сравнениями, эпитетами.

И поскольку мы с сестрой хорошо знали историю Худжанда и Таджикистана, я помню, как в московский период нашей жизни меня поверг в истинное изумление вопрос какой-то женщины, обратившей внимание на мое смуглое лицо. Помнитеся, я бежала за Мороженым в магазин, находящийся здесь—рядом с нашим домом.

— Кто ты по национальности, девочка?

Я с гордостью ответила: /
— Таджичка.

Женщина с удивлением спросила:

— А что это за нация? Где живут таджики?

Моему удивлению не было предела. Я была убеждена, что о нашем крае знают везде. После рассказов отца всегда хотелось быстрее вернуться в родной Таджикистан, своими глазами увидеть все то, о чем он рассказывал.

Превращение Таджикистана из автономной республики в союзную ко многому обязывало. Все требовало внимания, обо всем надо было думать. С чего начать? На что выделять в первую очередь деньги? Какие направления работы должны стать приоритетными?

Документы свидетельствуют, что прежде всего встал вопрос о строительстве путей сообщения, что было особенно важно для горной страны, какой была седьмая советская, для объединения ее разрозненных городов и кишлаков.

Именно тогда была построена железнодорожная линия Термез — Сталинабад.

Правительство хорошо понимало, что отсутствие дорог является тормозом, мешающим дальнейшему развитию всего народного хозяйства.

В уже упомянутой книге Абдурахима Ходжибаева «Таджикистан» перед читателем возникает фотография горной дороги. Захватывает дух, колотится сердце, когда представляешь себя едущей по этой дороге. А вот еще одна фотография с надписью «Карниз — дорога в Пенджикенте, где должно проходить шоссе». Впечатления те же. Между этими фотографиями еще одна — с емкой впечатлительной надписью «Взамен троп».

Дальше обозначаются главные этапы процесса развития истории таджикского народа вплоть до победы Октябрьской революции.

Отдельным параграфом выделяется одно из значительнейших событий в жизни республики — «Национальное размежевание». Автор здесь сугубо лаконичен. Он только констатирует совершающиеся события.

В параграфе «Таджикистан» выделено самое существенное, что характеризует страну: описание географических условий, демографический анализ населения, характеристика основного языка, который назвал «форсидским», краткое упоминание о множестве других языков, бытующих в Таджикистане со времен существования Согдианы. Таковы шугнанский, язгулемский, баргентанский и ятнобский языки.

Я понимаю, что жанр политico-экономического очерка предъявляет свои требования к автору. Здесь нет места лирическим излияниям. Но лично я, вот уже в который раз перечитывая очерк, почувствовала живую душу автора в кратких информационного типа описаниях, в колоннах цифр, иллюстрирующих прошлое, настоящее и будущее Таджикистана, его стремление ярко и образно изображать предмет описания: «Сотни великолепных долин и ущелий, усердно обрабатываемых трудолюбивыми таджиками, расстилаются между гор по обеим сторонам многочисленных речек. Более 60% площади Таджикистана приходится на горные хребты. В Таджикистане имеются величайшие в СССР горные вершины, покрытые вечными льдами и снегами» (1) — пишет он о родной стране.

Сравнительно больше внимания автор уделил вопросам: «Период борьбы трудящихся Таджикистана за Советскую власть» и «Восстановительный период».

Второй раздел труда именуется «Сельское хозяйство». Отдельно характеризуются полеводство, агромеханические предприятия и зоомеханические, землеустройство и переселение, сельскохозяйственная кооперация, колхозы, совхозы, плодоводство и виноградарство, шелководство, животноводство. Завершают раздел параграфы «Валовая продукция» и «Лесное хозяйство». В каждом параграфе содержится конкретное описание состояния дел по той или иной отрасли. Имеются в них и

1. Абдурахим Ходжибаев. Таджикистан. Краткий политico-экономический очерк Таджикской ССР. М.: 1929, стр. 13.

конкретные предложения, рекомендации, намечаются перспективы дальнейшего развития. Автор немногословен. Так, например, называя четыре основных породы овец, распространенных в Таджикистане: курдючная, гиссарская, каракульская и дарвазская — он не стремится убедить читателя в преимуществе той или иной породы, но его личное отношение к описываемому все — таки проявляется. В книге приводится множество сделанных на высоком техническом уровне фотографий, которые сами по себе раскрывают позицию автора. Внушительна фотография с надписью «Вид курдюка гиссарской овцы». Сама за себя говорит и фотография, на которой изображены гиссарская овца, сидящий на ней молодой мужчина и еще один мужчина,держивающий за голову эту овцу. Надпись кратка и весьма впечатляющая: «Гиссарская Овца (живой вес 192 килограмма)».

Многие фотографии наглядно раскрывают блестящие перспективы народного хозяйства Таджикистана. Например, изображение бамбука или каучуконосных растений, под которыми надпись: «В Таджикистане можно вырастить бамбук», «В Таджикистане опыты по выращиванию каучуконосных растений оказались удачными».

Третий раздел труда назван «Промышленность». Подробно характеризуя факторы, затрудняющие интенсивное развитие промышленности, автор главным образом выделяет перспективные отрасли, например, горнорудную промышленность, останавливающаяся на разработке золота, каменного угля, соли, горного лена — асбеста.

Абдурахим Ходжибаев считает, что все эти ценные месторождения имеют большое будущее: «Таджикистан богат также месторождениями железа, меди (10 месторождений), свинца (6), цветных металлов, нефти (1 месторождение эксплуатируется) и другими».

Большая часть этих месторождений в древние времена обрабатывалась. Знаменитые месторождения бадахшанских рубинов, воспетых знаменитыми поэтами Бостока, сосредоточены в Таджикистане. Открыты чрезвычайно богатые месторождения радия в Ходжентском районе.» (1)

В труде намечены и раскрыты основные аспекты дальнейшего развития легкой промышленности, кустарной промыш-

1. Абдурахим Ходжибаев. Таджикистан. Политico-экономический очерк Таджикской ССР. 1929, М.: стр. 61.

Строительство железно — дорожной линии Термез — Душанбе было начато еще в 1926 году. Но только в 1929 году линия была доведена до станции Сталинабада. До Курган — любе железно — дорожную линию протяженностью в 140 километров строители должны были завершить в 1930 году.

Намечено было строительство и многих других железно — дорожных линий. Руководство республики серьезно было озабочено тем, что ряд городов, например, Гарм и Хорог, продолжают оставаться связанными с центром лишь посредством горных троп и то не всегда, а лишь в течение нескольких месяцев в году.

Настоятельную потребность республика ощущала и в гравийных, а также и шоссейных дорогах. Они были нужны для перевозки хлеба, хлопка и других товаров народного потребления. В 1928 году удалось построить таких дорог протяженностью только в 30 км. Но на 1929/30 год планы были намечены поистине гигантские — 350 км, то есть почти в 12 раз больше, чем в предыдущем году.

1930 год положил начало интенсивному промышленному строительству. В разных местах республики было запланировано возведение заводов и фабрик различных профилей. Запланировано строительство заводов: металлического, кожевенного и строительных материалов, намечено возведение заводов и фабрик в пищевой, полиграфической, деревообъемочной, мукомольной и шелковой промышленности.

Большое значение придавалось строительству текстильного комбината в Сталинабаде.

На заседании СНК Таджикской ССР от 2 ноября 1929 года Ходжибаева обязали добиться в Москве на его строительство выделения 200000 рублей Наркомфином Союза.

Для проектировки и постройки текстильного комбината в Сталинабаде под председательством Ходжибаева был создан специальный Строительный комитет. Кроме многих пунктов, регламентирующих главные направления работы комитета, на заседании СНК обсуждались и другие, можно сказать, даже частные вопросы, связанные со строительством. Например, пункт 13 гласил:

13. Считать необходимым, чтобы инженеры Володин и Шетлер в разработке вопросов постройки текстильного комбината участвовали по совместительству, для чего поручить

т. Ходжибаеву договориться с узбекскими организациями.
(1)

Будучи председателем Совпаркома, Абдурахим Ходжибаев непосредственно занимался организацией некоторых предприятий. По словам очевидцев он сам участвовал в отмере территории шелкомбината в г. Худжанде и занимался заказом оборудования.

По сохранившимся воспоминаниям — мне лично об этом рассказывали и дядя Салим и Мухторходжа Самандаров — Заслуженный артист Таджикистана, когда отмеривал территорию для строительства шелкокомбината, один дехкан обратился с вопросом к Ходжибаеву:

— Советская власть дала вам эту землю, а вы теперь ее отбираете?

— Да, саркор, эту землю вам дали, но теперь она нужна государству. Вам же дадим другие участки.

— Но ведь здесь ~~формились~~ 100 — 200 человек!

— Не пройдет и десяти лет, — ответил Ходжибаев, — как здесь будут кормиться тысячи людей. (2)

27 января 1930 года Совпарком Таджикской ССР постановил начать строительство Ходжентской шелкомотальной фабрики. Буквально через два месяца было решено строить и крутильную фабрику.

Одновременно на этом же заседании СНК продумываются меры, которые должны в будущем обеспечить развитие шелководства: отведение плантаций для разведения тутовых деревьев, строительство гречакного завода.

А уже 1 мая при большом стечении народа был заложен первый кирпич здания шелкового комбината. Ход строительства комбината был под специальным контролем как республиканского, так и союзного правительства.

Председатель специальной комиссии, созданной при Совете Труда и Обороны, Георгий Константинович Орджоникидзе лично звонил и интересовался различными вопросами связанными со строительством Ходжентского шелкокомбината.

1. Из истории индустриализации Таджикской ССР. т. 1, Душанбе; Ирфон, 1972, стр. 87.

2. Этот факт упоминается и в других источниках: см.: статью Р. Масова, Ш. Султонова. Первый председатель Совнаркома Таджикской ССР //Ленинабадская правда, 26 апреля 1990 года.

Москва, Грузия, Узбекистан поставляли комбинату различное оборудование. Самые опытные инженеры из центральных городов России и из зарубежных стран консультировали строителей.

Эти факты упоминаются в труде профессора Ш. А. Ахмедова. (1)

В октябре 1930 года постановлением Совета труда и Обороны СССР было выделено дополнительно к отпущенным средствам 3 миллиона рублей на строительство комбината. В поле зрения таджикского правительства постоянно были также вопросы, связанные с форсированием строительства. Проблемы снабжения рабочих занимали здесь не последнее место. Еще в июне 1930 года Совнарком посчитал необходимым обсудить этот вопрос специально. На этом заседании СНК принял решение обязать Наркомторг Таджикской ССР срочно построить вблизи комбината продовольственный и промтоварный магазины.

Постоянно стояли в центре внимания правительства и другие задачи, связанные с развитием республики. Например, на IV съезде Советов Таджикской ССР, проходившем в феврале 1931 года, обсуждался самый широкий спектр вопросов, связанный с повышением материального и духовного уровня народа.

Будучи председателем Совнаркома, Абдурахим Ходжибаев в течение ряда лет возглавлял и центрпосевком вначале Таджикской автономной, а потом и социалистической республики.

Как видно из сборника документов и других материалов по колLECTIVизации сельского хозяйства и колхозному строительству, в конце 20-х и в начале 30-х годов велась систематическая работа по повышению эффективности сельского хозяйства республики и организации колхозов.

Прежде всего руководители республики считали своей главной задачей приобщение дехкан к новым формам работы на земле. Вместо прежнего кустарного инвентаря стали широко использоваться плуги, трактора, бороны, культиваторы, сеялки, веялки и другие орудия так называемого в то время «европейского» сельскохозяйственного инвентаря.

1. Ахмедов Ш. А. Краткая история Ленинабадского — Жандского шелкокомбината (1930—1960). Душанбе: Ирфон, 1992.

Особенно много внимания обращалось на выращивание такой важнейшей культуры как хлопок. Таджикистан, как и другие хлопконосящие республики, поставил перед собой задачу — добиться хлопковой независимости страны.

Год от года увеличивался валовый сбор хлопка, который растали дехкане Таджикистана. Именно в эти годы в республике было освоено и выращивание тонкоболотистого, так называемого египетского хлопка, который начали сеять вначале в Вахшской долине, а потом еще в некоторых районах Таджикистана, хотя некоторые авторитетные ученые утверждали, что «египтянина» не приживется.

По инициативе центрпосевкома для хозяйств, намеревающихся разводить египетский хлопок и кенаф, был предусмотрен целый ряд льгот: освобождение от сельхозналога, получение авансов, обеспечение семенами, агрономическая помощь.

Самому Абдурахиму Ходжибаеву было поручено уточнить в правлении Узбекхлопка цену на египетский хлопок, а также выяснить вопрос о том, какие гарантии будут представлены хозяйствам в случае неурожаев, которые могут стать следствием плохой погоды, невсходности семян и других обстоятельств.

Эти мероприятия проводились с учетом того, что «развитие культуры египетского хлопчатника имеет большое значение для союзной текстильной промышленности и учитывая, что климатические условия и длительный безморозный вегетационный период в южных районах Таджикистана создают широкие возможности для произрастания такого». (1)

Дальнейшая практика выращивания «египтянина» показала, что в некоторых районах Ленинабадской области его также можно сеять. Всячески поощряются правительством и хозяйствами, которые сдают сельхозпродукции больше, чем им положено. Так, в постановлении Совнаркома специально отмечалось, что дехкане, сдавшие продукцию на 10% выше установленной нормы, должны премироваться.

Сам стиль постановлений, их языки говорят об энтузиазме, которым были охвачены и трудящиеся Таджикистана и их руководители.

1. Из истории колLECTIVизации сельского хозяйства и колхозного строительства в Таджикской ССР, Душанбе: Ирфон, 1973 с. 154.

Так, постановление ЦИК Совета и СНК Таджикской ССР «О льготах по единому сельскохозяйственному налогу на 1929/30 и 1930/31 г. г. в республике» от 14 марта 1929 года, подписанное А. Ходжибаевым и секретарем ЦИК Советов Таджикской АССР З. Ходжаевым, пафосно заканчивается:

«Да здравствует экономическое укрепление хозяйств трудящихся масс!

Да здравствует укрепление союза рабочего с дехканом и смычка бедноты со середняком.

Да здравствует Советская власть!» (1)

По словам дяди Салима, это было время, когда отцу приходилось много ездить по районам, по кишлакам. Иногда по делам своей службы — дядя Салим занимал тогда должность управляющего госбанком — он сопровождал брата. Особенно запомнилась ему поездка в Гапчинский район. Самой живо-трепещущей проблемой была тогда проблема колханизации. Важно было избежать многих ошибок, которые были в ту пору характерны для руководителей всех регионов страны. Колханизация должна была быть сугубо добровольной, и многие руководители это хорошо понимали. В одном из кишлаков собрание было особенно многолюдным и бурным. Дехкане отказывались вступать в колхозы, потому что среди них распространялись самые различные слухи.

Абдурахим Ходжибаев обратился к одному из стариков:

— Сколько у вас детей, отец?

— Семеро.

— А сколько земли?

— Земли полтора танана.

— А какой скот в вашем хозяйстве? Имеете ли вы быков, корову, овец?

— У меня одна коза.

— Почему же вы не хотите вступить в колхоз? Ведь там дадут землю, скот?

— Я слышал, что при вступлении в колхоз отбирают все личное хозяйство, и все становится общим.

— Если бы вы могли сами увидеть, как живут и работают колхозники хотя бы в одном из колхозов, вы бы сами стали просить, чтобы вас приняли в колхоз. Но насилию вас никто не имеет права записать в колхоз. Вот возьмите эти деньги.

1. Там же, стр. 160.

Купите на них корову, чтобы у детей было молоко, и подумайте сами, как вам жить дальше.» Так настойчиво, кропотливо приходилось вести работу с дехканами, чтобы они повернули советской власти, пошли за нею.

Да, работа по созданию колхозов отнимала много сил и энергии. Но отец умел заинтересовать дехкан, раскрыть им преимущества колективного хозяйства.

В сводках о колхозах, об их материальном обеспечении имеются сведения о колхозах, коллективы которых решили назвать свои хозяйства именем Абдурахима Ходжибаева.

В сборнике документов и материалов «Из истории колханизации сельского хозяйства и колхозного строительства» приводятся данные лишь о колхозах Лепинабадской области и Гиссарского района.

По этим сведениям на 15 апреля 1930 года читаем о том, что колхоз в селении Сумчак Ходжентского района и колхоз в селении Махрам Канибадамского района были названы именем Абдурахима Ходжибаева. Наверное, не случайно. Уверена, что отец не раз бывал в этих хозяйствах, беседовал с дехканами, убеждал их объединяться, в чем-то помогал. В перечне колхозов Гиссарского района можно насчитать 7 сельхозартелей и ТОЗ — товариществ по совместной обработке земли, решивших дать имя Ходжибаева своим хозяйствам — они были расположены в селениях Турды — Бобо, Арык — Чузы Гиссарского джамагата, Кофар Кала Чимкурганского джамагата, Сешанбе и Заркамар Регарского джамагата, Узбеконтеппа и Новасой Даубского джамагата. (1)

И я думаю, вот если бы мне удалось поехать в эти кишлаки, разыскать старых людей, которые видели отца, беседовали с ним, а потом принимали участие в собрании, где решался вопрос о том, как назвать колхоз, можно было бы много узнать о нем.

Приостальное внимание правительство уделяет и вопросам развития медицинской сети. В 1930 году намечается создать 22 врачебно-фельдшерских пункта в кишлаках, построить еще 6 больниц.

В своей работе «Таджикистан» Ходжибаев с горечью констатировал, что в 1925 году на всю республику было всего 5

1. Из истории колханизации сельского хозяйства и колхозного строительства, т. 1, стр. 410, 412, 413, 417.

врачебно — фельдшерских пунктов и только 18 врачей. Искреннюю тревогу вызывало состояние здоровья населения центрального ряда кишлаков, которое страдало социально — бытовыми болезнями. Для их излечения и профилактики заболеваний требовались специальные лечебные заведения. Глава правительства ратовал за то, чтобы в Таджикистане были организованы женские и детские консультации, ясли. Намечали молодые руководители Таджикистана и практическое использование целебных источников с высокой температурой, которых была так богата республика. Уже в 1930 году началось строительство санатория Ходжа Оби Гарм.

Тревожило правительство и состояние народного образования в республике. Грамотность населения оставалась очень низкой. Теперь проблему помогли бы решить школы, но их было очень мало.

В 1929 году в школах Таджикистана, с населением в 1150105 душ, из которых 1036205 человек проживало в сельской местности, училось всего 30000 детей. Это было ужасающе мало. И поскольку решение вопроса не терпело отлагательства, а денег у государства было недостаточно, правительство обратилось к населению с призывом оказать посильную помощь в строительстве школ.

В 1929 году, по словам Абдурахима Ходжибаева, за счет привлечения средств населения было построено 100 школьных помещений. Встутили в строй два гидротехникума, педагогические и сельскохозяйственный техникумы, факультеты — рабочий и два сельскохозяйственных.

Огромный размах принял строительство ирригационной сети. Сухие прежде земли стали орошаться, и этой работе уделялось большое внимание. Крупные объемы капиталовложений дали возможность сделать в этой области многое.

На I республиканском съезде профсоюзов республики, где обсуждался вопрос о народнохозяйственном плане Таджикиской ССР на 1932 год и который состоялся 29 февраля 1932 года, Ходжибаев говорил:

«Мы можем гордиться одним из величайших дел, которое сейчас проводится в Таджикистане — это осуществление Вахшстроя. Это строительство имеет не только среднеазиатское, но и всесоюзное значение. Вахшское строительство призвано к тому, чтобы обеспечить хлопковую независимость Советского Союза в части производства египетского хлопка..

Темпы вложения в Вахшское строительство обеспечивают

нам полное осуществление этого строительства в 1932 г. Мы израсходовали на Вахшстрой уже более 34 млн. руб., там сейчас работает 15 экскаваторов и еще подготавливаются 9 экскаваторов. Это такое количество экскаваторов, которого до сих пор не видела ни одна стройка в мире. Даже такое грандиозное мировое строительство, как Панамский канал, самое крупное грандиозное сооружение в мире, не имело на своем строительстве такого количества экскаваторов, какое имеет сейчас Вахшстрой.»⁽¹⁾ Строительство Вахшского Магистрального канала стало для Таджикистана событием огромной значимости. Чтобы форсировать эту стройку, была создана авторитетная комиссия, возглавляемая первым секретарем КП(б) республики Гусейновым. В нее входили второй секретарь Исмайлова, Макеум, Ходжибаев и другие руководящие работники.

День открытия Вахшского ирригационного канала, названного на 15 сентября 1933 года, был объявлен праздником трудящихся.

Персонально Ходжибаеву бюро ЦК КП(б) республики поручило материальное обеспечение этого праздника с учетом того, что в нем будут участвовать колхозники и рабочие предприятий в количестве 5000 человек.⁽²⁾

Особое место в работе председателя Совнаркома занимала работа по подготовке кадров специалистов. В докладе на I-ом республиканском съезде профсоюзов республики о народнохозяйственном плане Абдурахим Ходжибаев специально остановился на этом вопросе: «..Нужно оздоровить работу в части наиболее правильного использования специалистов, каждый специалист должен сидеть на своем месте. Надо сказать, что с этим делом у нас до сих пор обстоит плохо. На днях я натолкнулся на такую вещь: к нам принесли проект новой хлопкоуборочной машины, принцип устройства этой машины совершенно новый, который обеспечивает наибольший эффект, правда, нельзя говорить, что эта машина является универсальной, но ценность этой машины заключается в том, что в ней выражена совершенно новая идея. Эту машину сделали 5 — 6 красноармейцев, работающих в военкомате. Все они до призыва в Красную Ар-

1. Из истории индустриализации Таджикской ССР. Душанбе: Ирфон, с. 72.

2. Из истории индустриализации Таджикской ССР, стр. 183.

мию были машинистами, а сейчас в военкомате один работает дроворубом, другой — писарем, третий — обслуживает командира в части того, чтобы принести ему папирос и т. д. Разве нельзя было послать этих красноармейцев в инженерные части или в артиллерийский полк, где они дали бы наибольшую пользу? Мы выдали этим красноармейцам премию по 500 руб. каждому и отправили их в Ташкент. Я считаю, что неправильному использованию специалистов нужно положить конец.»⁽¹⁾

9 февраля 1933 года Нусратулло Максум и Ходжибаев обратились с письмом к председателю Совнаркома СССР по вопросу о подготовке специалистов для хозяйства республики.

В письме отмечалось, что республика ощущает постоянную потребность в кадрах квалифицированных специалистов, которые в настоящее время приезжают из других республик Союза.

Поэтому необходимо готовить кадры из числа местных основных национальностей. К письму были приложены 3 расчетные таблицы.

Руководители Таджикистана ходатайствовали о строительстве в республике сельскохозяйственного института с шестью факультетами и контингентом в 1000 человек, рабфака при сельхозинституте с контингентом в 450 человек, Таджикской педагогической академии с контингентом в 1200 человек, рабфака при академии с контингентом в 300 человек, Высшей сельскохозяйственной колхозной школы с контингентом в 600 учащихся и семи техникумов — горнорудного, водного, автодорожного, строительного, планово-статистического, промэкономического и финансово-экономического с общим контингентом в 1860 человек. Все эти вузы и техникумы планировалось сосредоточить в учебном городке, участок для которого предполагалось выделить в Сталинабаде. Для обслуживания студентов и работников задумывалось построить фабрики-кухни, механизированные хлебопекарии, магазинные помещения, амбулатории, бани, прачечные, системы водоснабжения и канализации и пр. Строительство планировалось на 1934 и 1935 годы.

Газеты и книги, освещающие различные проблемы, связанные с государственным, культурным и хозяйственным

строительством Таджикистана 20—30-х годов, помогают конкретно представить действительность того времени и круг обязанностей и забот молодого таджикского правительства. Жизнь была ключом. Многое, к чему мы теперь привыкли и оцениваем, как обычные повседневные явления жизни, именно тогда появилось впервые в республике: водопровод, автобусы, радио, газеты, журналы и многое другое.

5 ноября 1929 года газета «Коммунист Таджикистана» сообщала: «Сегодня завершается строительство дороги Сталинабад — Куляб». В январе 1930 года читатели газеты узнали о том, что открывается новая авиалиния «Сталинабад — Гарм — Куляб» и самолеты будут вылетать со Сталинабадского аэропорта один раз в неделю.

22 января читаем, что в Сталинабаде установлено 70 фонарей, в недалеком будущем планируется поставить еще 30 фонарей.

19 февраля сообщается о гастролях Московской оперы. В этот день должны были показывать оперу Гуно «Фауст».

Почти все названия статей и корреспонденций, которые помещались в газетах, имеют слово первый: первый государственный таджикский театр, первый водопровод, первый номер газеты, первая телефонограмма кишлака Зидди, первый съезд профсоюзов, первый куб бетона на Вахшстрое, первый парк культуры и отдыха в Таджикистане и многое иное.

Характерно и другое: приезжающие писатели, ученые, инженеры, врачи — все отмечали в своих впечатлениях силу размаха строительства, необычность энергии и трудового энтузиазма таджикского народа. Академик А. Е. Ферсман, имя которого связано со многими научными открытиями в Таджикистане, с воодушевлением писал: «Из всех республик Средней Азии Таджикистан, безусловно, является совершенно исключительной республикой по темпам и масштабам социалистического строительства. Везде идет громадная работа... В Таджикистане поражает энтузиазм, с которым проводится все строительство. Мы бы хотели заразиться этим энтузиазмом и вместе с трудящимися Таджикистана строить молодую социалистическую республику.»⁽¹⁾

1. Из истории индустриализации Таджикской ССР, стр. 156

1. Коммунист Таджикистана, 5 июня 1932.

Академик С. Ф. Ольденбург также изумляется переменам, происходящим в республике: «Меня поразили успехи первых шагов. Я нигде не чувствовал, нигде не видел таких темпов, какими живет и работает Таджикистан. В учебном городке и в педагогической я видел такой размах работы, который в других условиях потребовал бы целого ряда лет. А между тем и педагогия, и учебный городок существуют всего лишь два — три месяца.

Этому Таджикистан в значительной мере обязан тем, что его руководители правильно определили решающие звенья в борьбе за экономический и культурный рост республики. Лицо Таджикистана меняется буквально с каждым днем». (1)

Каждый день приносил сообщения или о строительстве новых заводов и фабрик, или о пуске их в эксплуатацию. К концу 1932 года был построен целый ряд заводов: хлопковые, два маслобойные — в Курган-Тюбе и Кулябе, эфиромасляный в Худжанде, фруктоочистительный в Канибадаме, консервный в Худжанде, сданы в эксплуатацию Ходжентский шелкокомбинат — лучший в Советском Союзе по оборудованию, Сталинабадская шелкомотальная фабрика, расширены угольные копи в Шурабе, увеличена добыча нефти и т. д.

Внимание уделялось и вопросам повышения духовного уровня трудящихся. Речь идет не только о школах, библиотеках, подготовке учителей, работе типографий, издании учебников и пособий, но и о подготовке словарей, организации краеведческого музея, красных чайхан, клубов, организации театров, кино, музыкальной и драматической студий.

На заседаниях секретариата ЦК КП(б) Таджикистана особо рассматривается вопрос о состоянии центральной библиотеки, и Совнаркому поручается обратиться с письмами в центральные библиотеки Союза с просьбой о выдаче библиотеке дубликатов книг.

Распоряжением правительства специально выделяются средства на приобретение ценных рукописей.

В июле 1933 года бюро ЦК КП(б) Таджикистана обязывает Абдурахима Ходжибаева изыскать необходимые средства для оборудования хранилища для рукописей при госбиблиотеке, а СНК поручает разработать вопрос о дальнейшем приобретении рукописей.

1. Коммунист Таджикистана, 3 ноября 1932 года.

К концу 1933 г. центральная библиотека нашей республики уже располагал бесценным фондом из 127 старинных рукописей, 177 старопечатных книг и 36 ценных документов.

Руководители Таджикистана придавали важное значение также учету и охране памятников искусства, старины и природы.

Тогда же начинается проводиться целенаправленная работа по развитию таджикского кино. В марте 1932 года Совнарком рассматривает вопрос о строительстве кинотеатров и специальным решением выделяет для этой цели сумму в 1 000 000 рублей. А еще раньше в газетах появляется ряд сообщений, свидетельствующих о том, что развитию таджикского кино в республике придавалось первостепенное значение.

Уже в самом начале 1930 года в прессе появилась информация:

«Совнарком Таджикской ССР предложил комбанку выдать 25 000 рублей из госбюджетных ассигнований тресту «Совкино», как ссуду, на кинофикацию и засъемку Таджикистана». (1)

Известный кинорежиссер Камиль Ярматов вспоминает о времени, когда в 1929 году, после окончания им в Москве Государственного института кинематографии, он был направлен на родину, в Таджикистан, в студию «Таджикфильм». Готовились к съемке фильма «Эмигрант», а денег на него не было.

Камиль Ярматов рассказывает:

«Пришло нам смету представить непосредственно в республиканский Совнарком. Там нас приняли приветливо, сказали что создадут комиссию, быстро разберутся и внесут вопрос в правительство.

Действительно, через несколько дней нас пригласили на заседание СНК. Докладывал председатель комиссии — нарком, кажется, земледелия. Он заявил, что смету можно сильно сократить. Вот, например, тут написано «Чайхана». Но зачем, дорогие товарищи, специально строить чайхану, когда у нас в республике полно чайхан? К чему разбрасывать государственные деньги? Потом значится в смете как-то «осветители». Зачем тебе, товарищ Ярматов, нужны осветители, когда у нас в Таджикистане круглый год светит яркое солнце? Неужели ты, учась в Москве, забыл климат

1. «Коммунист Таджикистана», 17 января 1930 г.

своей родины? Замечательно снимешь и без всяких осветителей. А оператор — зачем тебе оператор? Зачем тебя, Ярматов, четыре года в институте учили всяким киноиздевостям, если ты панимаешь какого-то оператора? Стыдись, Ярматов! Снимай сам, это твоя обязанность! Нет, дорогой, меня не проведешь на мякине? Я сам бывший киноработник!

Оказалось, он раньше был директором фабрики кинопленки в Шостке. Поэтому, наверное, его и назначили председателем комиссии. Покуда этот наркомзем — киноработник говорил, и изо всех сил сдерживал свой темперамент, чтобы не испортить все дело. Тем более, что председатель Совнаркома товарищ Ходжибаев мне все моргал — молчи, мол, не лезь в драку. Я и молчал.

Выступил заместитель председателя ЦИК. Он резко раскритиковал смету: нам нужны деньги, сказал он, чтобы строить электростанцию, а тут черт-те какую сумму требуют на какие-то картинки! Он категорически против — совершиенно это ни к чему заниматься детскими игрушками!

Товарищ Ходжибаев дал слово мне. И я набросился на «предыдущего оратора»: неужели он не знает, что говорил Ленин о значении кино?! Неужели... Закусив удила, я понесся и вовсе уж без всякой оглядки, договорившись до того, что само существование студии в Сталинабаде несравненно важнее всех электростанций, которые когда-то построят в Таджикистане!.. Бог знает, что бы я еще нап болтал, если бы председатель таджикского правительства не поставил меня на место. Боюсь, что мой переход погубил бы все дело, если б после меня не потребовал слова товарищ Каримов, человек в республике чрезвычайно популярный. Он строил дороги, его знали во всех уголках Таджикистана. Каримов обладал пламенным темпераментом и был сколько другие ответработники.

— Вот я сидел и слушал этого молодого человека со сросшимися бровями, — сказал Каримов. — Спросил соседа: кто он такой? Сосед отвечает: это наш таджик, режиссер кино Ярматов. Вы понимаете, товарищи, что это значит, а? Таджик-режиссер! Как Чарли Чаплин! Вот что значит Советская власть. Конечно, он глупость сказал, что кино важнее всех электростанций. Но это ничего — он еще молодой. И горячий. А главное, он свое кино любит! Больше

жизни любит! А товарищ Везиров (это зампред ЦИК) не такой молодой, а ошибся, сказав, что в Таджикистане надо закрыть кино. Зачем так ставить вопрос или кино, или электростанция? Республике надо и то, и другое! За одну речь Ярматова я готов из средств дорожного строительства дать сколько надо средств на его картину! Предлагаю смету утвердить без всяких сокращений. Какие кадры у нас растут!

Наркомы улыбались. Один только премьер, товарищ Ходжибаев, оставался совершенно серьезным. Он поставил предложение на голосование. Все подняли руки «за»...

И мы отправились в облюбованный киноплак — снимать». (1)

В этом рассказе все изображается правдиво и конкретно. Силой своего таланта Камиль Ярматов переносит нас в далекий 1929 год, и мы ощущаем себе участниками того будничного, обычного заседания Совнаркома, знакомимся с образом действий и поступками присутствовавших.

Фильм был завершен только в 1934 году, когда наша семья жила в Москве. 7 сентября 1934 году по Управлению кинофотопромышленности при СНК Таджикской ССР был издан приказ, в котором отмечалось:

§ 2. Учитывая высокое качество первой таджикской художественной фильмы «Эмигрант», положившей начало таджикской национальной кинематографии, а также вклады молодого творческого коллектива во главе с режиссером Камилем Ярматовым в деле развития таджикской национальной культуры, сумевшего создать в чрезвычайно тяжелых условиях, при отсутствии производственной базы художественное произведение, не уступающее по качеству продукции лучших кинофабрик Советского Союза, премировать:

Первого таджикского кинорежиссера и актера Камиля Ярматова единовременной суммой в 2000 рублей и именными золотыми часами».

Фильм «Эмигрант» широко рекламировался, особенно в Москве. Камиль Ярматов приводит яркую запоминающуюся

1. Камиль Ярматов. Возвращение. Ташкент; Изд. имени Гафура Гуляма. 1987. стр. 111—112.

своей необычностью реклами, которая звучала по радио. И хотя я была тогда мала, уверена, что отец смотрел этот художественный фильм, потому что с детства запомнилось странное и незнакомое мне ранее слово «эмигрант», которое не раз произносилось за столом нашими родителями и гостями.

Представляю, какие противоречивые чувства обуревали душу отца, когда он смотрел этот фильм. Наверное, он воочию представил себе то давнишнее заседание, страстного и напористого Камиля Ярматова, прямо идущего к цели, не боясь препятствий, радовался тому, что было положено такое блестящее начало таджикской кинематографии. Грустил от того, что не мог больше участвовать в решении таких вопросов, помогать молодежи в свершении подобных замечательных дел.

Абдурахим Ходжибаев хорошо понимал, что именно в столице республик должны быть сосредоточены лучшие народные таланты.

Таджикистан нуждался в молодых кадрах певцов, музыкантов, артистов.

Уже с давних лет Абдурахим Ходжибаев с интересом следил за деятельностью выдающегося певца — истинного народного самородка Содирхона-Хафиза. Особенно славился певец исполнением «Шашмакома». Знаменитые мелодии «Шашмакома» уже тогда были известны во всем мире. В них, как в волшебном сосуде, слились воедино самые чудесные свойства народа, умеющего ценить истинную красоту, поэзию, музыку.

Музыка «Шашмакома» воплощала в себе красоту суровых горных вершин, грохот пенящихся водопадов, трепетание пурпурных тюльпанов, кажущихся гигантским ковром, белорозовое цветение плодовых деревьев. И это все значило — шашмаком. И это все рождало в душе трепетное чувство любви к отчизне. Не случайно выдающийся таджикский певец нашего времени Джурабек Муродов, говоря о шашмакоме, назвал его настоящей оперой, имея в виду богатство мелодий, музыку всех диапазонов, неисчерпаемость тем и звуков.

В настоящее время мелодии шашмакома значительно обогатили современную таджикскую музыку. Искусствовед А. Низамов считает, что в первых таджикских операх и

симфонических произведениях большое место принадлежит мелодиям, заимствованным из «Шашмакома». (1)

Он же отмечает, что «махомы вызывают огромный интерес не только как многотомный сборник нотных записей музыкального наследия таджикского народа, но и как выдающиеся художественные произведения, гениальный образец умения развивать музыкальную мысль в единстве содержания и формы.» (2)

В редкие минуты отдыха отец заводил патефон и с неослабевающим интересом слушал завораживающую музыку шашмакома.

И можно утверждать, что он в полной мере представлял, как важно сберечь это бесценное богатство, сделать его достоянием всего народа, а, может быть, и всего прогрессивного человечества.

Все, о чем он мечтал, осуществилось. Конкурсы «Шашмакома», проходившие в последние десятилетия в Париже, Москве, Ленинграде и в других городах и государствах, вызвали огромный интерес ценителей музыки. (2)

А тогда перед правительством стояла первоочередная задача: изучать и продолжить лучшие традиции певцов, вырастить новые кадры исполнителей «Шашмакома», его ценителей и знатоков.

И Ходжибаев решил вызвать в Душанбе для беседы прославленного исполнителя народных песен Содирхон-Хафиза. Это решение далось ему нелегко. Колебания и сомнения не переставали тревожить его — ведь Содирхону в то время было уже за 80 лет. Но Ходжибаев все-таки пошел на этот риск. И вот знаменитый певец в кабинете председателя Совнаркома.

О беседе, которая состоялась между Содирхоном-Хафизом и Ходжибаевым, упоминают авторы книги «Рӯзгори соҳибдилон» — «Волшебники Шашмакома» — Отакон Латифи и Абдурофе Рабиев. Они пишут, что беседа затянулась далеко за полночь. И Содирхон решил поехать в Худжанд за

1. Низамов А. Шашмаком и современное композиторское творчество (к проблеме традиций и новаторства). // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1981, стр. 344.

2. В 1949—50 гг. по инициативе академика Б. Гафурова было издано пять томов «Шашмакома», вобравших в себя 252 мелодии.

своими вещами, чтобы потом поселиться окончательно в Душанбе (1), он не хотел оставаться в стороне от важного дела подготовки кадров певцов и музыкантов. Он знал, как тянутся люди к поэтическому слову, к музыке и песням.

При всей своей занятости Ходжибаев старался быть в курсе всех событий, которые происходили в стране и особенно в Средней Азии. Особенно внимательно он следил за новой литературой. Известна была ему и книга «Шесть музыкальных поэм (макомов), записанных В. А. Успенским от Ота Гияса Абдулгани, Отаджалолиддина Назирова, Под редакцией Миронова (Бухара, издание народного просвещения Бухарской Республики, 1924).

Интерес, который проявляли к музыке многие просвещенные люди, еще более укреплял уверенность в том, что она необходима, что нужно делать все, чтобы она развивалась дальше и обогащала души людей, будила у них стремление к прекрасному. Но время было сложное. Новые понятия и представления медленно входили в жизнь. За них нужно было активно бороться.

Когда появились первые пластинки с записью голосов таких мастеров шашмакома Җак Ходжи Абдулазиза и Содирхон-Хафиза не все люди радовались уникальной возможности услышать их голоса, насладиться их удивительным искусством. Эти недалекие люди сумели убедить многих в том, что слушать пластинки — большой грех и их нужно уничтожать.

По словам О. Латифи и А. Рабиева, Содирхон-Хафиз однажды был найден без сознания избитым на улице, вокруг него были разбросаны осколки десятков пластинок. На некоторых из них можно было видеть изображение певца, поскольку уже в 1909 году появились первые пластинки, выпущенные рижской фирмой «Пишуший Амур» с портретами певцов.

Историки Н. Негматов и С. Марофиев сообщают, что английская фирма «Гофман» в 1913 году также выпустила 12 пластинок Содирхона Хафиза, и на некоторых из них была его фотография. И когда в конце 20-х годов, поддавшись враждебной агитации, многие отсталые люди поверили в то, что слушать пластинки — большой грех и начали уничто-

1. Латифи Отахон, Рабиев Абдурафе. Рузгори сохибдилон. Душанбе: Ирфон, 1985, стр. 227—228.

жать их, Абдурахим Ходжибаев решил спрятать патефон и несколько пластинок Содирхона-Хафиза в сарае для сена.

Через несколько лет уже будучи в Москве и встретившись там с совсем еще молодым певцом и артистом-родственником Мухторходжой Самандаровым, — он наказывал ему:

— Когда возвратишься в Худжанд, пойди в дом к моему отцу. Там в сарае я спрятал патефон и пластинки с песнями Содирхона-Хафиза. Тогда все ополчились против него, и хранить его пластинки было опасно. Мои домашние ничего не знают о них и могут удивиться, откуда они взялись. Они могут и не оценить находку — тогда пластинки пропадут. Ты же ценитель и знаток искусства. Найди их, сохрани, помни, что это бесценное богатство.

Самандаров рассказывает, что ему удалось найти в сарае Мулло Ходжибоя спрятанные патефон и пластинки.

Но увы! Оказалось, что патефон испорчен. С замирающим от волнения сердцем Мухторходжа отправился на Пандшанбе — базар к известному часовщику Абдулмаджиду.

Усто разобрал по частям патефон, внимательно осмотрел каждую из них и смазал маслом, соединил проволокой какую-то пружинку, поставил все на место. Протянув руку к одной из пластинок, он чисто протер ее тряпкой и только потом бережно укрепил ее на патефоне. И вот зазвучал волшебный голос Содирхона. Мухторходжа и усто Абдулмаджид не могли сдержать слез. С мокрыми лицами они стояли, не шевелясь, погруженные в удивительный мир чаюющего пения. Вокруг лавки усто стали собираться люди. Их было так много, что стоявшим в последних рядах почти ничего не было слышно. Но все были взволнованы уже одним известием о том, что звучит голос Содирхона. Никто не расходился. Пластинки заводили снова и снова.

Как сообщают авторы книги «Волшебники «Шашмакома», одна из самых первых пластинок с голосом Содирхона сохранилась до сих пор у известного писателя и литератора Атакона Сайфуллаева.

Примечательным в работе правительства был и постоянный интерес его к вопросам развития науки. Уже 28 января 1930 года на заседании Президиума ЦИК Советов Таджикской ССР Абдурахимом Хаджибаевым было внесено предложение о создании при ЦИК Советов Таджикской ССР

Научного комитета. Председателем этого комитета утвердили Абулкасима Лахути.

Председателю Совнаркома адресуется целый ряд официальных писем, в которых ставятся различные вопросы, связанные с дальнейшим развитием науки и отраслей народного хозяйства Таджикистана. 10 апреля 1930 года директор института почвоведения и геоботаники САГУ профессор Димо пишет письмо председателю Совнаркома о направлении в Таджикистан — в Кулябский, Гиссарский, Кафирнганский округа — пяти почвенно-ботанических экспедиций. На эти экспедиции была возложена также задача составления определителя растений и изучения лесов Таджикистана.

Изучение естественно-исторических ресурсов страны, писал в своем письме Димо, поможет рационально организовать территорию и реконструкцию сельского хозяйства.

«Институт не сомневается, что Таджикское правительство примет все меры к облегчению разрешения поставленных задач и предложит всем местным органам оказывать экспедициям института законное содействие по выполнению возможных поручений», (1) — приводится в письме.

10 марта 1932 года на заседании СНК было принято решение об организации постоянной базы Академии наук в Сталинабаде во главе с академиком С. Ф. Ольденбургом с отделениями: геологическим, ботаническим и этнографическим. А ровно через год СНК принимает постановление о расширении работы таджикской базы АН СССР. Здесь идет речь и о передаче в ведение базы Государственного Карамазарского научно-исследовательского института и Государственного научно-исследовательского института Наркомпроса, об издании большого географического атласа Таджикистана, о строительстве сейсмической станции и организации музея.

28 июня 1932 года на заседании СНК принято решение об организации научно-исследовательского института с местом нахождения в Ходжентском районе.

13 ноября 1932 года на заседании СНК решен вопрос об организации в Сталинабаде Таджикской национальной астрономической обсерватории. Как видно из протокола, большую помощь в ее организации оказала Ленинградская обсер-

ватория: профессор Натансон заявил, что Ленинградская обсерватория выделит оборудование, купола обсерватории также будут изготовлены в Ленинграде под непосредственным наблюдением астрономической обсерватории.

К концу 1932 года в Таджикистане насчитывалось 14 научно-исследовательских учреждений:

1. Тропический институт.
2. Санитарно-бактериологический институт.
3. Таджикский государственный научно-исследовательский институт.
4. Гидрометеорологический институт.
5. Исследовательская дорожная станция при Таджикглавдортронсе.
6. Центральное архивное управление.
7. Ходжентское отделение центрального архивного управления.
8. Плодовоощной научно-исследовательский институт.
9. Научно-исследовательский институт по изучению промышленности Таджикистана.
10. Научно-исследовательский институт хлопкового хозяйства.
11. Химико-фармацевтический парфюмерный комбинат.
12. Зопальная богарная опытная сельскохозяйственная станция.
13. Зональная опытная станция по изучению рогатого скота.
14. Научно-исследовательский институт овцеводства. (1)

Для ознакомления с деятельностью таджикского правительства немаловажный интерес представляет доклад начальника Таджикско-Памирской экспедиции по итогам работы, составленный в октябре 1933 года.

В докладе неоднократно подчеркивается, что правительство проявляло постоянный интерес к деятельности экспедиции. Ярко и образно в нем характеризуются природные условия нашего края: «Таджикистан представляет из себя громадную горную страну, с колоссальными хребтами, почти половину Таджикистана занимает Памиро-Дарваз, который является величайшим горным узлом мира. На запад рельеф постепенно сглаживается, мы имеем как бы большую каменную лестницу от высот Памира к пустыням запада. Этот ха-

1. Из истории культурного строительства в Таджикистане, стр. 337.

1. Из истории культурного строительства. Т. 1. стр. 345.

рактер поверхности говорит о колоссальных контрастах: мы имеем в Таджикистане все переходы от альпийской, т. е. высокогорной, зоны к безнадежной пустыне. Мы имеем в Таджикистане величайшие реки, которые несут в себе такой запас энергии, что количество энергии, приходящейся на одного человека, является самым крупным в Союзе и по запасам своих энергетических возможностей, которые исчисляются цифрой 14 — 15 млн. квт. Эта страна является крупнейшим энергетическим резервуаром в нашем Союзе». (1)

Доклад интересен и тем, что привлекает внимание к вопросу о промышленном использовании различных полезных ископаемых и драгоценных металлов.

В центре внимания руководителей республики неизменно находились и вопросы развития литературы.

Пункт 22 резолюции IV съезда Советов Таджикской ССР, проходившего в апреле 1931 года, был сформулирован так:

«В обеспечение развития национальной литературы и поэзии поручить правительству провести учет имеющихся сил и организовать их, проведя для этой цели Всетаджикский слет писателей и поэтов летом 1931 года. Вместе с тем съезд поручает Наркомпросу принять все необходимые меры к оживлению и укреплению Ассоциации пролетарских писателей». (2)

В газетах постоянно появляются сообщения о том, какие книги печатаются издательствами. Например, в «Брреспонденции», помещенной в газете «Коммунист Таджикистана», читаем:

«За последнее время Таджикгиз выпустил много переводной литературы. На таджикский язык переведены русские классики и лучшие образцы зарубежной литературы («Овод» Войнич и др.).

Сейчас переводится на таджикский язык «Мать» Горького и его же «Мои университеты». (3)

Переводчиком книги Войнич «Овод» был будущий Народный писатель Таджикистана, а тогда совсем еще юный Сатым Улуг-заде. 8 мая 1988 года в чудесный весенний день он был гостем в нашем доме и много вспоминал о прошлом.

1. Из истории культурного строительства. стр. 383.

2. Из истории культурного строительства Таджикистана, Сборник документов. Душанбе, Ирфон, 1966, стр. 59.

3. Коммунист Таджикистана, 6 апреля 1933 года.

Но, конечно же, из всего, что он рассказывал, мне особенно хорошо запомнился его рассказ о моем отце, о его роли в творческой судьбе писателя:

— Когда в 1932 году на таджикском языке появился роман Э. Л. Войнич «Овод», переведенный мною, Абдурахим Ходжибаев, как председатель правительства, пригласил меня на прием, поблагодарил, пожал мне руку. Для меня — начинающего писателя, — которому было чуть больше двадцати лет, это было незабываемым и знаменательным событием. Пожелания и надежды, высказанные Ходжибаевым, стали истинным стимулом для моей творческой работы.

Рассказ писателя подробно записал в своей записной книжке историк-профессор Худжандского университета Усмонджен Гаффаров, также бывший у нас дома в этот день.

И здесь мне хочется сказать несколько слов об этом замечательном человеке.

Много лет назад, когда еще только планировалось издание таджикской энциклопедии, он разыскал меня и сообщил, что готовит для этого издания статью об Абдурахиме Ходжибаеве. И хотя его материал не вошел в планируемый том, он все последующие годы внимательно следил за всеми публикациями, в которых упоминалось имя Абдурахима Ходжибаева. И каждый раз среди своих повседневных трудов он находил время, чтобы позвонить и сообщить мне о вновь обнаруженных им материалах.

К великому счастью, у нас в республике и в нашем городе немало таких беззаветно преданных науке удивительных людей, которые, не покладая рук, не помышляя о славе, скрупулезно и неустанно изучают родную историю, чтобы правдиво воссоздать героическое прошлое и настоящее таджикского народа.

Тогда же, в начале 20-х годов в Таджикистане начали издаваться многие газеты и журналы. Некоторые из них и сейчас являются популярными у читателей.

В 1987 году в журнале «Занони Тоҷикистон» была опубликована статья Али Бободжона «Дочь печати» об известной журналистке Музаффаре Касымовой. Ее рассказ переносит нас в 1932 год, когда в дни празднования 8 марта было решено начать издание журнала для женщин. Музаффару Касымову назначили ответственным секретарем редакции.

Трудных проблем было множество, и главной среди них было отсутствие денег, помещения для редакции, работников.

А первый номер журнала нужно было выпустить к 1 мая. И М. Касымова решила обратиться лично к председателю Совнаркома.

Ей повезло — в кабинете Ходжибаева находился и нарком финансов Малахов.

«После сердечного приветствия председатель Совнаркома, который знал Музаффару как пламенного агитатора и пропагандиста, сказал;

— Знаю, зачем пришли. Слушаю.

Музаффара начала излагать свою цель:

— Партия определила основные направления содержания журнала.. Чтобы выполнить эти задачи, чтобы выплатить гонорар авторам и начать издание журнала, нам нужно хотя бы три тысячи рублей...

— Хорошо, а вы как думаете? — обратился Ходжибаев к наркому финансов.

— Для журнала прекрасных женщин я готов дать не три, а тринадцать тысяч, — сказал нарком, взглянув на Музаффару — быстрее принимайтесь за дело!

— Теперь Вас можно назвать дочерью печати, — улыбнулся Ходжибаев — Кстати, ведь вы и сами родились в день печати. Желаю успехов!» (1)

С большим интересом Абдурахим Ходжибаев относился к личности Садриддина Айни и его творческой деятельности. Познакомился он с ним, по всей вероятности, в Самарканде, где жила несколько лет наша семья.. Во всяком случае впервые мама услышала о Садриддине Айни от отца в Самарканде.

В своей статье, посвященной А.Ходжибаеву, У. Гаффаров пишет, что в 1933 году уже в Сталинабаде имени Абдурахим Ходжибаев предложил правительству назначить С. Айни персональную пенсию и летом этого же года сумел создать для него хорошие условия для отдыха и работы в Зимчурude. С искренней заинтересованностью слушал он из уст поэта его стихи. (2)

Помню, как в Москве отец постоянно обращался к «Аннотации таджикской поэзии», составителем которой был С. Айни. Эта объемистая книга, вобравшая в себя самые бес-

ценные образцы таджикско-персидской поэзии за тысячелетия, стала для отца настольной книгой.

Сын устода известный ученый Камол Айни недавно говорил моим дочерям Матлубе и Фарзоне, что в рукописях писателя есть упоминание об Абдурахиме Ходжибаеве. Устод называл его одним из мудрейших руководителей республики.

Не менее значительным в духовной жизни Абдурахима Ходжибаева было и его общение с Абулкасымом Лахути. Тридцатилетие со дня литературной деятельности Лахути превратилось для населения Таджикистана в истинный праздник поэзии.

С планом проведения этого юбилея председатель Совнаркома познакомил и Садриддина Айни, для чего специально поехал к нему на дачу, где тот работал. С. Айни посвятил Лахути стихотворение, первым читателем которого стал А. Ходжибаев. В этом стихотворении писатель сравнил поэтический талант Лахути с вспышкой молнии, освещившей все вокруг.

Газета «Тоҷикистони сурх» 24 июля 1933 года поместила приветствие «большевику, писателю и великому пролетарскому поэту Лахути», которое было подписано председателем Совнаркома А. Ходжибаевым. (1)

Мои тети Монанд-амма и Махфират-амма рассказывают, что, приезжая в Худжанд вместе с отцом, А. Лахути останавливался в нашем доме. Тети вспоминают, что наша бабушка всегда встречала гостя с распростертыми объятиями и по-матерински целовала его в лоб, хотя разница между ними была всего в несколько лет. Но уж такой сердечной и эмоциональной была наша бабушка Биходжал — все друзья сына воспринимались ею, как самые близкие люди. О том, как увидела Абулкасима Лахути в городском доме Ходжибаевых, упоминает и Рафоат Ашуронва Насырова, Заслуженный учитель Таджикистана. Было начало тридцатых годов — то ли 1931-й год, то ли 1932-й. Рафоат Ашуронва зашла к Ходжибаевым, чтобы увидеться со своей подругой Махфират. Каково же было ее изумление, когда она увидела во дворе человека, портреты которого не раз встречала в книгах и газетах, стихи которого знала наизусть! Да, это был Лахути.

1. Занони Тоҷикистон, 1987, № 8, стр. 12.
2. См.: У. Гаффаров Ед кун гоҳе фаромӯшони кӯи хешро //Тоҷикистони советӣ, 27 июля 1990.

хути. И хотя встреча была мимолетной, поскольку девушка от смущения едва могла лишь поздороваться, она запомнилась на всю жизнь.

Потом уже в Москве, когда мы жили по соседству с Лахути, мы как-то всей семьей были у Лахути в гостях. С каким любопытством я смотрела на поэта и его жену! Как внимательно вслушивалась в его речи! Доброе улыбчивое лицо Лахути, доброжелательный тон особенно тогда, когда он обращался к детям, сохранились в моей памяти.

О живом участии отца в судьбе молодых таджикских писателей говорят многие прямые и косвенные свидетельства тех лет.

В книге Дадоджона Раджаби «Осмони хамида» («Согнувшееся небо») упоминается о том, что в сентябре 1937 года в республиканской прессе появилась разгромная статья, в которой молодой драматург Гани Абдулло обвинялся в том, что с помощью Нусратулло Максума и Ходжибаева при поддержке нескольких угодливых писателей получил за пьесу «Долина счастья» (первоначально «Вахш») премию в 10000 рублей.

Отдельные штрихи, детали, эпизоды сохранились и в памяти других очевидцев. Интересные подробности упоминает писательница Татьяна Леонидовна Дубинская. Поездка в Таджикистан была незабываемым событием в ее жизни. Оней она вспоминает в письме к моему коллеге — профессору кафедры Русской и зарубежной литературы ХГУ Александру Зиновьевичу Дуну.

В период, когда Таджикистан из автономной республики стал союзной, все взоры были обращены к нему. Загадочная страна с незнакомым бытом, культурой, природой влекла к себе многих. Сюда приезжали не только писатели из других республик, но и из зарубежных стран. Не раз бывали здесь писательские бригады из Москвы и Ленинграда.

Были в нашем kraю и посвятили ему свои произведения такие видные писатели как Борис Лапин, Захар Ханревин, Сергей Бородин, Аделина Адалис, Никодай Тихонов, Владимир Луговской, Павел Лукницкий, Леонид Соловьев, Борис Пильняк, Виктор Шкловский и многие другие. Предполагаю, что Борис Пильняк и Леонид Соловьев познакомились и с семьей Абдурахима Ходжибаева, поскольку в своих очерках называли и его жену.

Из упомянутого письма московской писательницы Татьяны Леонидовны Дубинской известно, что почти всех этих писателей председатель Совнаркома приветствовал лично и заботился об их быте.

О том, как писатели работали в Таджикистане, Татьяна Дубинская повествует очень душевно. Она уточняет, что сам председатель правительства предложил им несколько дней отдохнуть на «даче» Совнаркома. Среди этих писателей были Сергей Бородин, Бруно Ясенский, его жена журналистка Анна Берзинь, Владимир Луговской. В письме читаем: «Жили мы над горным ручьем, у вековых платанов, в платках. Там Бруно (как сейчас его вижу) писал свой роман «Человек меняет кожу». Столик у платана. Бруно сам печатал на машинке. Походит, походит и опять за машинку». (1)

Это было время, когда из-под пера многих писателей вышли произведения, вошедшие в число наиболее ярких и вдохновенных творений о современной действительности. Это были энтузиасты, открыватели неизвестных троп, люди, которые сами хотели все увидеть и обо всем рассказать. Они жили интересами и стремлениями республики и пытались своими произведениями помочь ей осуществить намеченнное.

Поэтому их творческая деятельность вызывала такой пристальный интерес.

Возьмем к примеру творчество Сергея Петровича Бородина. 1930-й год стал для него незабываемым. Он впервые увидел Таджикистан. Пройдя горными тропами Памира, пробираясь через ущелья и паткие мостики, он оказался в цветущей Вахшской долине. Новые темы, образы вдохновили молодого писателя. Лозунги, воодушевлявшие дехкан, зажгли и у него желание претворить их в жизнь.

Уже в 1930—31 годах он печатает роман в новеллах «Последняя Бухара», а в 1932 году, на страницах журнала «Красная новь» печатается вначале его рассказ «Весна в Локе», а потом роман «Египтянин». Это интригующее слово обозначает не жителя далекой экзотической страны, а всего — навсегда шелковистый и нежнейший сорт хлопка.

1. Дун А. З. В памяти современников //Ленинабадская правда, 6 июня 1990 г.

из которого изготавляются самые дорогие хлопчатобумажные ткани.

В романе идет речь о том, как в Вахшской долине отважные смельчаки — двадцать два человека во главе со своим рапсом — решили организовать колхоз и выращивать один из ценнейших сортов хлопка.

С глубоким пониманием и любовью следует автор за судьбой народа, бесстрашно борющегося за победу нового. Локай для него олицетворяет всю страну. Его древнюю историю русский писатель видит не как посторонний наблюдатель, а как человек, который близко к сердцу принимает все: прошлое, настоящее и будущее народа. О Локе Бородин пишет: «Здесь происходили битвы. Здесь убивали и гибли почтатели. Ведь и зороастрейцы, и черные племена пушту, и Александр Македонский прошел тяжким шагом фаланг... И арабы, и монголы, и Тимур — легким грохотом конницы».

Писатель недоумевает, почему завоеватели оказались такими жестокими: «Так некогда вопили Монголы в земельческий край. Они пустили на дым непонятные сады таджиков. Затопили канавы, мешавшие пасти скот. Потравили посевы. И глиняными кувшинами опрокинулись башни городов. И города сожгли дотла».

Конечно же, Абдурахим Ходжибаев читал большинство произведений, созданных в те годы о Таджикистане. И, наверное, не случайно, когда Сергей Бородин вновь приехал в Таджикистан в 1933 году, Ходжибаев предложил ему вместе с Татьяной Дубинской и другими писателями поселиться на даче Совнаркома.

Немного позже, в 1934 году, вероятно, в августе, после съезда писателей СССР, в Москве была организована встреча таджикских писателей с писателями других стран и народов. Т. Л. Дубинская, тепло вспоминая эту встречу, пишет, что ее организовали Ходжибаев и Лахутин.

Но я лично сомневаюсь, что встречу, о которой пишет Т. Л. Дубинская, наряду с другими организовал и Абдурахим Ходжибаев. Ведь совсем недавно, в мае этого же года на I-ом съезде писателей Таджикистана Ходжибаев и Нусратулло Максум подвергались беспощадной критике, и отставание литературы некоторые выступающие связывали именно с их именами. Автор книги «История критики и литературоведения», доктор филологических наук Маруф

Раджаби (1) приводит цитаты из докладов и выступлений, в которых А. Ходжибаев, А. Мухиддинов и Нусратулло Максум обвинялись в том, что проводили в литературе идеи кулаков, буржуазных националистов, контрреволюционеров.

И хотя новое руководство республики приступило к работе только во второй половине января 1934 года и ко времени работы съезда писателей действовало лишь в течение 4 месяцев, отмечались великие достижения в области литературы за этот период. (1)

Приводилось много примеров и негативного руководства бывших лидеров Таджикистана.

Понятно, что большинство материалов съезда было опубликовано в республиканской прессе, и вполне доступно читателю.

Я не знаю, как реагировал отец на эту критику, какие чувства испытывал, когда читал, как кое-кто из писателей, которых он уважал, которым верил и с именами которых связывал будущий расцвет таджикской литературы, обливали его грязью.

Могу только сказать, что дома его поведение не изменилось. Он оставался добрым, справедливым, заботливым к семье. Он никогда не повышал голоса, не ругался, не выходил из себя — он умел всегда управлять своими эмоциями. И хотя сердце болело, он никогда дома не жаловался ни на кого.

Представляю, какую боль он испытывал, когда читал выступления тех, которым раньше помогал и поддерживал. Поистине, он мог, наверное повторять про себя слова Юлия Цезаря, окруженнего заговорщиками с кинжалами в руках и вдруг неожиданно для себя увидевшего среди врагов своего лучшего друга Кассия Брута, — слова горькие и ранящие душу: «И ты, Брут!»

Но хочется верить, что эта клевета и ложь, обрушенная на Абдурахима Ходжибаева и Нусратулло Максума, была сказана под давлением поскольку у критиковавших писателей никаких фактов и поводов для обвинения не было.

1. Раҷаби Маъруф. Таърихи тақид ва адабиётшиносӣ. Душанбе. Адиб. 1997. стр. 46—47.

Думается, что в какой-то степени вся эта критика не была неожиданной, поскольку уже в 1933 году началась кампания борьбы с «внутренними врагами».

С. Табаров в статье, посвященной Мирзо Турсун-заде, приводит малоизвестный факт из его жизни: «За политические ошибки, допущенные в газете «Комсомоли Тоҷикистон», в марте 1933 года он был исключен Сталинабадским комитетом комсомола из его рядов, а приказом редактора газеты После долгих бесполезных усилий устроиться на работу, он вынужден был в мае 1934 года уехать в Худжанд, и прожил там 5 лет». (1)

Уже одни только названия статей, появлявшихся в прессе того времени и посвященных различным литературным проблемам, раскрывают сложную и напряженную обстановку в республике: Пресечем пути классовым врагам и их сторонникам //Тоҷикистони Сурх, 6 мая 1933 года; Огонь по агентуре империалистов и их прихвостям — Тоҷикистони сурх, 16 мая 1933 года; местные националисты или агенты империализма — Тоҷикистони сурх, 22 апреля 1933 года»

Уже в 1933 году началось преследование людей, хранящих у себя старинные книги на арабском шрифте, пропагандирующих их. Рассказывая о судьбе древнейшей книги «История Худжанда», А. Мирбабаев высказывает предположение: «Книга, возможно, была утеряна во время трагических событий 1933 — 1940 г. г., когда, как вспоминают старожилы города, хранение на дому рукописных книг и документов на арабской графике считалось недопустимым. Население прибрежных с рекой Сыр районов города несколько лет подряд являлось свидетелем того, как по реке медленно и скорбно плыли книги. Владельцы выбрасывали их обычно по ночам, страшась за свою жизнь. Другие скидывали книги в колодцы, закапывали в землю, зарывали на кладбище и тому подобное.» (3)

1. Табаров С. Як саҳифае ҳаёти М. Турсун-зода //Садои Шарқ. 1995, № 1—3, с. 111—114.

2. Раджабӣ Маъруғ. Таърихи танқид ва адабиётшиносӣ. стр. 34

3. Мирбабаев А. К. Историческое наследие Худжанда, Душанбе: Ирфон, —1995, стр. 114.

Тем не менее, несмотря на ряд ошибок, различных искривлений, конец 20-х и начало тридцатых годов были отмечены невиданным подъемом народного хозяйства Таджикистана и расцветом его культуры.

Постановлением ЦИК Таджикской ССР от 7 декабря 1930 года А. Ходжибаев в числе еще трех руководителей был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В протоколе заседания ЦИК и СНК Таджикской ССР от 10 июля 1930 года, на котором состоялось представление к награждению, читаем: «За многочисленные труды, внесенные на фронте социалистического строительства, а также многочисленные подвиги, примеры высокой доблести и героизма, проявленные в период борьбы и ликвидации басмачества и бесконечную преданность делу пролетарской революции, в ознаменование 13-ой годовщины Октябрьской революции и десятилетия свержения бухарского эмирата наградить следующих товарищей орденом Трудового Красного Знамени Таджикской ССР: Н. Максума, Шотемура, Ходжибаева, Насырова.»

1931 год ознаменовался для республики важным культурным событием, которое можно без преувеличения называть имеющим мировое значение. В Таджикистан приехала интернациональная бригада писателей. Она пробыла в стране около двух месяцев.

В бригаду вошли широкоизвестные писатели: поляк Бруно Ясенский, французский писатель и бывший редактор газеты «Юманите» Поль Вайян—Кутюрье, чех Эгон Эрвин Киш, профессор Нью-Йоркского университета Джошуа Кюниц, американский живописец Луи Лозовик, норвежский деятель рабочего движения Отто Люин, немецкая журналистка и фотокорреспонтер Тиэль Линер. Вместе с интернациональной бригадой в Таджикистан приехала и жена Бруно Ясенского — журналистка Анна Берзинь.

Бригада была создана по инициативе Бруно Ясенского. Познакомившись в 1928 году в Париже с польским революционером Томашем Домбalem, много рассказывавшим ему о Таджикистане, писатель загорелся мыслью организовать поездки по Советскому Союзу — главным образом по Кавказу и Средней Азии. Характер у него был энергичный. Он не привык откладывать дела в долгий ящик. Буквально через несколько дней Ясенский обратился с письмом к председателю Совнаркома Таджикской АССР с

предложением принять делегацию зарубежных писателей и организовать их поездку по Таджикистану. К своему письму об организации такой поездки он приложил также послание редактора французской газеты «Юманите» Марселя Кашена, который писал о необходимости такой поездки и огромного резонанса, который она будет иметь. Но такая поездка состоялась лишь через три года.

Профессор Ш. М. Султанов сообщает о том, что в организации приема иностранных писателей активное участие принял и постпред Таджикской республики Мумин Сулейманович Ходжаев, к которому 2 марта 1931 года руководство МОРП — Международного объединения революционных писателей — обратилось с письмом: «Огромные достижения Ваших среднеазиатских республик за рубежом мало известны. Нет до сих пор широко доступной литературы, которая освещала бы иностранному читателю на его родном языке с наших классовых позиций величайшие достижения и стремительные темпы развития среднеазиатских союзных республик. Это относится прежде всего к Таджикистану, который ввиду своего географического положения на границе Индии, Афганистана, Китая — призван сыграть решающую роль. Пребывание бригады международного объединения революционных писателей в Таджикистане рассчитано максимум на два месяца. За этот срок им должна быть дана возможность познакомиться со всем Таджикистаном». (1)

Ш. М. Султанов отмечает, что М. Ходжаев был «одним из первых таджиков, еще в Москве рассказавшим членам интернациональной бригады о глубоких переменах в жизни народа Таджикистана за короткий исторический период». (2)

Газеты, издаваемые в Средней Азии, а также «Литературная газета», были заполнены сообщениями о приезде писателей Запада в Среднюю Азию. Большими буквами набраны были заголовки статей, сообщающих об этом важном событии: «Привет интернациональной бригаде революционных писателей!», «В Среднюю Азию приезжает бригада иностранных писателей, очеркристов, художников».

1. Султанов Ш. Мумин Ходжаев — верный сын народа. Худжанд; 1998 — с. 24.

2. Там же.

«Крепите международную смычку революционной пролетарской литературы». (1)

В газетах поменялись статьи, знакомящие читателей с творческой деятельностью прибывающих писателей. В «Правде Востока» за 9 июня 1931 года публикуется обращение писателей к читателям, заметки почти всех членов делегации. Материалы даны под заглавием: «Мы расскажем трудящимся Европы и Америки о величайшем культурном и экономическом росте Советской Средней Азии». Дальше следует подзаголовок: «Члены интернациональной бригады революционных писателей приветствуют трудящихся среднеазиатских республик!»

И вот бригада выезжает к намеченной цели. На пути несколько остановок. Особо запоминаются всем членам делегации Ташкент и многие встречи, проведенные там. Наконец, бригада выехала в Таджикистан, чтобы «ознакомиться с социалистическим строительством в седьмой союзной республике».

Перенесемся воображением в день 15 июня 1931 года. В 6 часов вечера поезд был уже на вокзале. Сотни жителей Сталинабада заполнили в этот день железнодорожный перрон: здесь собирались рабочие, служащие, студенты, ученики. Они горячо приветствовали гостей. Сталинабад встречал делегацию улыбками, с сердечным радушием, неподдельной радостью. Прямо там на вокзале состоялся митинг. Особенно взволнованным и ярким было выступление Поля Вайяна — Кутюрье. Это было видно по его лицу, голосу, жестам. Речь он произнес на французском языке, но закончил ее русской фразой: «Да здравствует мировая революция!». Впечатление от его речи было настолько сильным, что встречающие подхватили его на руки и несколько раз подбросили вверх.

Уже с утра следующего дня гости развернули бурную деятельность. Их программа была весьма широкой и интересной. Все последующие дни республиканская пресса помещала материалы, посвященные гостям.

19 июня газета «Коммунист Таджикистана» сообщила

1. О пребывании зарубежных писателей в Таджикистане подробно повествуется в кн.: Гордон Я. И. Открытие Таджикистана. Душанбе; Дониш, 1981; Гордон Я. И. Факел на Востоке. Душанбе, Адид, 1988;

многие факты о пребывании писателей в Сталинабаде. Здесь же была информация о том, что вечером этого дня членам бригады назначен прием у председателя Совнаркома Ходжибаева. По очеркам и статьям, написанным гостями, видно, что им понадобилось определенное время, чтобы привыкнуть к нашему жаркому климату, ослепительному солнцу, горячему воздуху.

Да, жара была неимоверная. Этот Эрвин Киш вспоминает, что писал он вечным пером, на котором сохнут чернила, что в течение суток, даже ночью, он все время бежал под душ, чтобы хоть немного избавиться от жары: «Меня всегда будет кидать в жар при воспоминании о сегодняшнем зное в Сталинабаде».

Но несмотря на необычную обстановку, полное отсутствие комфорта, незнакомые обычай, гостям все было по душе. Их искренне воодушевило все увиденное, они заразились энтузиазмом рабочих, дехкан, и эта истинная спиритуальность чувствовалась во всем, что вышло из-под их пера. Даже такая второстепенная деталь, как упоминание Киша о мороженом в Сталинабаде, которое делается из верблюжьего молока, с рядом соседствующим призывом — «Кондитеры Европы, покупайте верблюдов!» — само по себе говорит о том, что все описываемое было написано человеком, горячо заинтересованным всем увиденным.

Писатели-интернационалисты успели побывать за два—три дня на заводах, в мастерских, на строительстве Варзобской ГЭС. А еще через несколько дней — 23 июня они стали участниками незабываемого праздника, посвященного разгрому басмачества.

О, какой это был великий день для народа Таджикистана. Наконец окончилась война. Наконец, можно было полностью отдаваться труду, не боясь, что тебя всюду подстерегает опасность, что каждую минуту надо быть бдительным и остерегаться врагов.

Все члены делегации в своих книгах и очерках писали об этом празднике, особенно много страниц ему посвятили Эгон Эрвин Киш и Поль Вайян—Кутюрье. Киш был весьма популярным журналистом. В прессе его называли «королем репортажа» и «неистовым репортером», и именно его перу принадлежит очерк «Победа над басмачами». (1) Не менее

1. Киш Эгон Эрвин. Приключения на пяти континентах. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1985.

значительным по своему содержанию был и очерк Поля Вайяна—Кутюрье, вошедший во вторую часть его объемной книги «Строители новой жизни» под названием «В страну Тамерлана», к сожалению, до сих пор полностью не переведенной ни на русский, ни на таджикский языки.

Писатели почти полностью художественно воссоздают тот далекий и знаменательный день в истории молодой советской республики. Это был также и один из 13788 дней, отмеренных судьбой для короткой жизни Абдурахима Ходжибаева.

О том, что в этих книгах зарубежных писателей речь идет и о моем отце, я узнала только в 1964 году.

Помню, как в один из ноябрьских дней в наш дом в гости пришли мой коллега Александр Зиновьевич Дун и журналистка Элла Баргман. Александр Зиновьевич рассказал мне потрясающую новость — в книге Поля Вайяна—Кутюрье содержится подробное описание его беседы с Абдурахимом Ходжибаевым — председателем Совнаркома Таджикской ССР. Есть в книге и упоминание о маленькой дочурке Ходжибаева, поющей песню. Естественно, что журналистку заинтересовало это сообщение, и она захотела дать интервью с одной из «героинь» французского писателя. Через несколько дней Александр Зиновьевич привнес мне в подарок рукопись, которая точно воспроизводила на французском языке тот очерк, который был посвящен моему отцу.

И сейчас через много лет я хочу от всей души поблагодарить Александра Зиновьевича, который, имея сотни статей и других научных публикаций, отнюдь не является кабинетным ученым. О нем можно сказать, что он все прочитал и обо всем знает. Он первый успевает прочесть статью, которую написал его коллега, он первый поздравит вас с публикацией или каким-то другим знаменательным событием в вашей жизни. Он всегда в движении, и всегда мы его видим с пачкой книг, газет и писем, которые он получает со всех концов света, и сам посыпает туда. Спасибо, дорогой иуважаемый Александр Зиновьевич, что вы всегда успеваете прочитать все новое и нужное, что вы щедро делитесь своими знаниями со всеми.

Зарубежные писатели рассказывали о том, как ранним утром 23 июня 1931 года огромное количество людей собралось в центре Коктапа на митинг. Вначале шел про-

ливной дождь. По очень скоро тучи разошлись. На небе засияло ослепительное солнце. И хотя сразу стало жарко, собравшиеся люди ликовали. С большим интересом и горячим сочувствием они воспринимали все происходящее. Этот Эрвин Киш рисует яркую запоминающуюся картину: «Перед горами в белых калмыцких шапках, между реками Кафирниганом и Вахшем лежит долина... Может быть, из-за какой-нибудь расщелины скалы Ибрагим-бек смотрят в английский полевой бинокль на своих сплеменников. Много сотен лошадей спутаны и привязаны; их хозяева, скрестивши ноги, сидят, образуя широкий круг. За шарфы ярчайших красок заткнуты кинжал и револьвер. От плеча к бедру идет патронный пояс. Группу от группы человек в пятьдесят—шестьдесят отделяют воткнутые в землю вместо столбов сучья, на которые натянуто широкое красное полотно».

Митинг открыл Ходжибаев, о котором Киш пишет, «Несколько тяжеловатый, круглоголовый, бритый». Речь его показалась журналисту яркой и образной. Отдельные отрывки из нее воспроизводятся писателями. Например, Киш говорит о манере речи Ходжибаева, ее содержании: «Среди выступавших — Абдурахим Ходжибаев, молодой глава правительства молодой республики. Он говорит о темноте и нищете, в которой жили дехкане Средней Азии при царе эмире, о солнце советов, рассеявшему тьму, о тучах басмачества, которые разогнали краснопалочники. После этого по восточному цветистого выступления Ходжибаев называет экономические и политические причины распространения басмачества».

Говоря об Ибрагим-беке, Ходжибаев напомнил, что тот считал себя подобным «орлу, ушедшему в свое гнездо над утесом, чтобы потом со свежими силами обрушиться на своих врагов и вновь подняться на недосięгаемую высоту». «Но — теперь, — уже нет недосięгаемой высоты — наши самолеты поднимаются к нему...»!

Свою речь Ходжибаев закончил словами: «Но мы не должны успокаиваться до тех пор, пока не выгоним Ибрагим-бека за пределы нашей страны, пока враждебные нам силы не потеряют надежду привлечь для достижения своей цели хотя бы одного нашего человека. Мы вместе пойдем к нашим целям — Советской социалистической республике Таджикистан вместе с Коммунистическим интернационалом».

Когда Ходжибаев окончил свою речь, зазвучал «Интернационал», и долго не смолкали аплодисменты. Киш пишет, что после каждой речи звучал «Интернационал». Речи ораторов прерывались гневными выкриками в адрес басмачей и эмира. Он упоминает также, что все время на митинге звучали приветствия в адрес Нусратулло Максума и Абдурахима Ходжибаева.

После выступлений почти целый день до самого вечера активным участникам борьбы с басмачами вручались различные подарки в том числе оружие и часы, на которых было выгравировано: «Участнику ликвидации басмачества».

А потом, рассказывают зарубежные писатели, на палатах и расстеленных курпачах участники митинга ели плов и продолжали беседу, расспрашивая героев гражданской войны об их жизни, о наиболее запомнившихся эпизодах борьбы с басмачами. Ходжибаев также участвовал в этой беседе.

С захватывающим интересом писатели наблюдали за тем, как работает «представитель новой народной власти Абдурахим Ходжибаев». Он сидел на ступеньках крыльца, а к нему вереницей подходили люди со своими просьбами. Этот Эрвиш Киш вспоминает: «Мы вернулись в Кокташ, и перед зданием колхозного правления увидели Абдурахима Ходжибаева, который сидел на ступеньках в окружении крестьян и обсуждал с ними колхозные дела. Мы подошли к нему. К нашему крыльцу то и дело подходили какие-то мужчины, чтобы вручить Абдурахиму Ходжибаеву разные просьбы и жалобы. Кто-то хочет продолжать учебу, кого-то не допускают к вождению трактора. Какую-то бумагу вручает целая делегация и так торжественно, словно это пергамент, к которому приложил свою печать император священной Римской империи. А это всего навсего коллективная заявка какого-то села на выдачу минеральных удобрений и вместо подписи — чернильные отпечатки пальцев. Похожий дактилоскопический документ передает и другая делегация, в нем целая деревня изъявила желание вступить в ряды краснопалочников. Ходжибаев беседует с приведшим, угощает их пловом, а бумаги засовывает под высокую войлочную шапку».

А потом, когда председатель Совнаркома республики всех выслушал и со всеми поговорил, он познакомил писателей с экземпляром листовок Ибрагим-бека, которые бы-

ли написаны латинским шрифтом, и спова отвечал на вопросы гостей.

И вот, наконец, этот длинный, такой насыщенный самыми различными делами, день подходит к концу. Теперь можно, кажется, немного отдохнуть. Вместе с гостями — членами интернациональной бригады — Ходжибаев расположился на ночлег в одном доме.

Еще днем во время митинга его участники обратили внимание на самолет, который делал над собравшимися круги. Оказывается, в этом самолете находился пленный Ибрагим-бек. «Петлей, описанной над нашими головами, хотели нам сигнализировать о том, какого они везут пассажира. Но кто мог догадаться, кто мог предположить такую вещь!» — вспоминает Эгон Эрвин Киш. Глубокой ночью, когда кругом все спали, к домуку подъехали три всадника. Это были посланцы Мукима Султанова, которому Ибрагим-бек, его начальник штаба Сагиб и двое провожатых сдались в плен.

Проф. Г. Х. Хайдаров сообщил мне, что в архиве фотодокументов в г. Душанбе хранится фото этого самолета — «кукурузника»: у трапа в окружении конвоя стоит пленный Ибрагим-бек.

Представим слово Эгону Эрвину Киппу: «В половине первого ночи, разбуженные скрипом двери, мы проснулись. Двое вооруженных мужчин подошли к Ходжибаеву. Мы схватились за оружие... Но они только разбудили Ходжибая и что-то прошептали ему, протянув какую-то бумажку.

— Вставайте! — закричал он. — Вставайте! Ибрагимбек пойман!

И дальше следует текст донесения, которое Ходжибаев прочитал:

«Локай — таджикский район.

Копия райкому партии.

23 июня в 12 часов Ибрагим-бек с командиром Сагибом сдались мне в плен, как подобает джигитам. Ибрагим-бек с двумя провожатыми бродили в окрестностях кишлаков Ишкабада, Ходжа-Були, Булона и Ак-Турпака. Они были вооружены маузером, браунингом и наганом. Предводитель

банды Бободжон сдался в Исапбее, у него отобран маузер. В настоящее время все пленные басмачи находятся под надзором Велешева. Маузер Ибрагим-бека находится у меня, я его никому не сдавал.

Командир добровольческой части Муким Султанов».

Это донесение Эгон Эрвин Кипп полностью включил в свою книгу «Изменчившаяся Азия». Когда письмо было прочитано, началось всеобщее ликование. Никому теперь было не до сна. И напрасно Ходжибаев просил всех успокоиться, немного поспать. Он сказал, что завтра Ибрагим-бека привезут в Кокташ, и все желающие могут его увидеть. Но все было тщетно — уж очень все были взволнованы этим знаменательным событием.

А утром собравшиеся получили возможность увидеть главного помощника Ибрагим-бека. Кипп ярко описывает этот запомнившийся всем эпизод: «На утро автомобиль привез начальника штаба Ибрагим-бека — командира Сагиба; несвязанный, он сам выпрыгнул из экипажа. Молча идет он впереди конвойных. Вслед ему несутся проклятия. Честное слово — это настоящий атаман разбойничьей шайки из волшебной сказки: мускулистый, огромного роста с огромной бородой, в черной одежде и высоких сапогах, не хватает только пистолета и кинжала.

Оружие снято с него, как и с его, взятого в плен вождя Ибрагим-бека, которого теперь, наверное, спустили в Стalinабаде с аэроплана. Самолет, появившийся вчера на мгновенье, нес пойманного «орла»!».

Да, эта необыкновенная ночь и столь важное событие остались в памяти многих писателей, и они увековечили их в своих произведениях.

Американский писатель Джошуа Кюнц в книге «Заря над Самаркандом» также описал их в разделе «Построение социализма в Таджикистане». В книге содержится описание встречи со многими известными людьми, в том числе и с Абдурахимом Ходжибаевым. И, конечно же, Кюнц не мог пройти мимо Описания всенародного праздника, посвященного разгрому басмачей. Он тоже повествует в своей книге о том, как писатели Запада вместе с Ходжибаевым и с другими руководителями республики были на этом торжестве.

Почти все члены интернациональной бригады запечатлевали в своих произведениях образы крестьянина из Гарма,

а ныне председателя ЦИК Нусратулло Максума и садовника из Ходжента, а теперь председателя Совнаркома — Абдурахима Ходжибаева.

Особенно подробно пишет о Ходжибаеве Поль Кутюрье.

Свои очерки о Таджикистане он публикует на русском языке в центральной прессе СССР, в самом Таджикистане, и в французской газете «Юманите», а позднее на английском и немецком языках.

В 1932 году по горячим впечатлениям от увиденного Кутюрье издает в Париже книгу «Строители новой жизни». Подзаголовок к ней — «Девять месяцев путешествия в СССР» — уточняет ее содержание. Книга состоит из трех частей и вся вторая часть, за малым исключением, посвящена Таджикистану. Эту часть он называет «В страну Тамерлана» и включает в нее 24 главы.

Уже сами по себе названия этих глав дают читателю возможность хотя бы в общем плане определить содержание книги:

1. Возвращение в Азию.
2. В вагонах по дороге Тамерлана.
3. Первые встречи с басмачами.
4. Когда красная звезда поднималась в городе Шатруде.
5. Сталинабад, город — пионер.
6. Праздник «Красная палка» в Кокташе.
7. Ибрагимбек — «басмач» из общества лиги Наций.
8. Ночь в Кокташе.
9. Авангард Варзобстроя.
10. Песнь о латинском алфавите.
11. К добровольцам хлопка.
12. На советском Вахшстрое.
13. 3000—9000
14. Удивление из пустыни.
15. На линии — Красная Армия.
16. Плотина, тюрьма, школа, базар, караваны.
17. Весна свободы.
18. Самарканд или «Прорыв».
19. Ташкент или павязанное покрывало.
20. Ночь поэтов в Ташкенте.
21. Игра тени и света.
22. Где говорят о садах тысяча и одной ночи.

23. Худжанд, город хризамида (куколки бабочки) и город шелка.

24. К Москве, над жатвой.

В этой части книги писатель стремится показать Таджикистан глазами француза. Часть глав ее построена в форме беседы. Особый интерес у меня вызвала глава «Весна свободы», которая содержит беседу с председателем Совнаркома Ходжибаевым. Его незримое присутствие ощущается в некоторых других главах.

Бот Кутюрье просит Ходжибаева рассказать о своей жизни, интересуется его детством, юношескими годами. Но по ответам Ходжибаева на вопросы, обращенные к нему, чувствуется, что тот не очень склонен вдаваться в личные подробности своей жизни — его больше интересует, как жизнь республики и народа отражается на судьбе одного человека.

На просьбу Кутюрье: Расскажите вашу историю, товарищ Ходжибаев — тот отвечает предельно кратко:

— Я родился в Худжанде, и мне 31 год, но моя история менее интересна, чем история моей страны.

И вслед за этими словами начинается рассказ отца об истории таджикского народа, о лишениях, которые приходилось испытывать ему в течение многих веков, о великих свершениях его в области науки и культуры.

В этом рассказе ощущается глубокое знание истории своей страны. Это рассказ не дилетанта, а скорей историка, который скрупулезно изучал историю Таджикистана, процесс постепенного превращения его в колониальную окраину в течение последних двух столетий. В этом историческом экскурсе упоминаются события, начиная с двенадцатого века, называются экспедиции, направленные в Среднюю Азию Петром I и Николаем I. Ярко и выразительно рисуются портреты наиболее известных чиновников, проводивших в Средней Азии колониальную политику. Вероятно, рассказ был весьма продолжительным, ибо сам Ходжибаев прерывает себя:

— Теперь довольно нашей беседы. Выпейте чаю, попробуйте эти сушенные абрикосы из худжандских садов. А ты, Бароат, спой еще свою песню.

И Кутюрье, упоминая о песне маленькой девочки, пишет о черных глазах маленькой Бароат и верит, что

став взрослой, она сама расскажет историю социалистического Таджикистана.

Знаменательно, что эта глава и начинается, и завершается песней маленькой дочери Ходжибаева. Само ее название — Весна свободы — говорит о том, каким прекрасным видит французский писатель будущее Таджикистана.

Все замечает пристальный взгляд гостя. Он всматривается в глаза девочки, сосредоточенно следит за игрой Ходжибаева на пианино, запоминает внешний облик его жены — ее длинное белое платье, грациозность движений, милую улыбку и радущие, с которым она угождает гостей чаем.

Вся книга, можно сказать, написана на одном дыхании. Видно, как взволновало писателя все увиденное. Главу о столице Таджикистана он назвал «Сталинабад, город — пионер». Поль Вайян — Кутюре видел Сталинабад строящимся, и он воочию представлял себе, каким городом будет через несколько лет. Он не сомневался, что таджикская столица станет одним из самых прекрасных городов мира. С воодушевлением писал французский писатель о Худжанде — городе коконов и шелка, о Варзобстрое, Вахшстрое, о борьбе за урожай хлопка, о войне с басмачами.

С удивлением смотрит писатель на низенький глинобитный домик, в котором расположилось таджикское правительство. Он сообщает, что в шутку его именуют Кремлем — в нем решаются самые важные вопросы жизни республики.

Книга Поля Вайяна — Кутюре богато иллюстрирована. В ней помещены фотографии, помогающие представить воочию всю многообразную жизнь республики. Поместили здесь французский писатель и фотографии руководителей правительства: Абдулло Рахиббаева, Нусратулло Максума, Абдурахима Ходжибаева с указанием их должностей. Подпись под фотографией Ходжибаева указывает, что она была сделана специально для «Юманите».

К сожалению, вся книга Поля Вайяна — Кутюре, как я уже упоминала, на таджикский и русский не переведена, хотя она могла бы дать большой материал для размышлений. Я же, знакомясь с книгами зарубежных писателей той поры о Таджикистане, обратилась к имеющимся опубликованным переводам и рукописному переводу из второй части книги, любезно осуществленному доцентом Худжандского государственного университета Х. Муртазоевым.

В 1933 году в библиотеке «Огонек» вышла небольшая книжечка из 23 страниц в переводе на русский язык Л. Местон (1) — «В страну Тамерлана». Но о Средней Азии там очень небольшая информация. Вся книжка представляет описание полета автора из Москвы в Среднюю Азию и обратно и его краткие впечатления об увиденном. В ней мы читаем:

«Прощай, Средняя Азия!»

От нее остались смутные, копошащиеся впечатления, из которых выделяются два совершенно четких утверждения.

Первое. Колонии освобождены революцией, и отныне под руководством победившего пролетариата они развивают свою культуру и свои национальные силы.

Второе. Успешно проводятся индустриализация и колективизация при полной поддержке трудящихся. Несмотря на недочеты, ошибки, налеты басмачей, трудности, социализм побеждает в некогда самых отсталых азиатских странах.

Случайно мне удалось присутствовать при разгроме Ибрагим-бека, поклонника Лиги Наций и «Интеллиджанс Сервис». Он был разбит «Красными палками». Это жестокое поражение не только для него, но и для всех империалистов, которые еще эксплуатируют и терроризируют Азию. Побежденные басмачи организуются в ударные бригады и колхозы.

Обогащенный виденным, полный уверенности, почерпнутой на Востоке, я возвращаюсь в Европу. Меня поражало часто знакомство с революционным западным движением, несмотря на то, что во многих из этих мест не ступала нога европейца. В колыбели иранской расы я нашел то, что искал.

Свободные таджики в глухи Памира строят новую жизнь, и их пример бросается в глаза всем угнетенным народам и зовет их к революционной борьбе.

Я думаю об этом, пролетая над редкими полями, окаймляющими Сыр-Дарью». (1)

Отдельные фрагменты, посвященные описанию Таджикистана и переведенные Н. Кудрявцевой, помещены в очерке «Поля хлебов и нефтяные поля» — Поля Вайяна — Кутюре

1. Поль Вайян — Кутюре. В страну Тамерлана. М.: Газетно-журнальное объединение. — 1933.

1. Там же, стр. 20—21.

в книге «Глазами друзей». (1) Итак, поездка не прошла бесследно для зарубежных гостей. Они запечатлели увиденное в художественных образах и теперь, спустя многие десятилетия, мы переносимся воображением в то далекое время и видим живых людей и картины жизни, увиденные писателями.

Я думаю, что действительно очень верно заметил литераторовед Я. И. Гордон в своих книгах о пребывании интернациональной бригады писателей в Таджикистане уже названных ми:

«Вряд ли какая-нибудь восточная социалистическая республика в то время получала такое яркое, блестательное и новаторское освещение в художественных произведениях начала тридцатых годов, как Таджикистан». (2)

Листая книгу Поля Вайяна — Кутюрье на французском языке и выше упомянутую небольшую книжечку на русском языке «В страну Тамерлана», каждый раз испытываю глубокую благодарность к молодому ученому — физику, философи и поэту Абдулхаю Комили, который сумел найти эти книги и снять с них ксерокопии.

Отец всегда, казалось, торопится. За день надо было переделать массу дел. Теперь, оказывается, что, успевая сделать за день неимоверно много, он обладал даром проявлять внимание ко многим окружающим его людям.

Помню, как в первый год нашей с мамой жизни после возвращения ее из лагеря, к нам часто ходила старушка — подруга нашей бабушки. Она очень любила нашего отца и о чем бы ни говорила, все в конце концов сводилось к разговору о нем. Мама всегда тепло встречала ее. Я тоже, оставив свои дела, присаживалась к ним, чтобы узнать что-то новое об отце.

Это была худенькая, миниатюрная женщина. Жизнь ее сложилась трудно. К моему отцу она относилась, как к родному сыну. Наш отец, приезжая из Коканда, Самарканда или Сталинабада, обычно навещал ее, приносил подарки. Оказалось, что бабушка — она, как я ее называла, бережно сохранила их.

Однажды она принесла нам с мамой небольшого бронзо-

1. Глазами друзей. Зарубежные писатели о Советском Союзе. М.: Художественная литература. 1982, с. 122—124.
2. Гордон Я. И. Факел на востоке, стр. 33.

вого мишку (он и сейчас хранится в нашем доме). Она рассказывала, что много лет назад, когда Абдурахим зашел ее проводить, он увидел, как в тюрях она камнем колола греческие орехи, чтобы угостить дорогого гостя. Он пообещал ей в следующее посещение привезти приспособление специально для колки орехов — им то и оказался бронзовый мишок.

А еще однажды она пришла к нам, неся в руках какой-то громоздкий предмет, завернутый в старую скатерть. Мы с нетерпением развернули ее. Там оказался расписной глиняный самовар удивительной красоты. Искусные гончары много лет назад принесли его в дар Абдурахиму Ходжибасову в благодарность за его заботу о них. Когда гости ушли, домашние стали рассматривать это чудо искусства. Самовар был сделан в натуральную величину. Все в нем казалось приспособленным, чтобы кипятить воду. Но самовар был так прекрасен и изящен, что никто не хотел рисковать и поэтому испытывать его не стали. Отец же, будучи человеком предрейшей души и видя, с какой непосредственной детской радостью старая женщина рассматривает самовар, решил его подарить ей. Так она стала обладательницей уникальной вещи.

Он и сейчас стоит на шкафу в моем доме, всем своим видом напоминая о том, каких прекрасных мастеров рождает таджикская земля, какие шедевры создаются их руками. При виде самовара я каждый раз думаю и о том, как искренни и трогательны люди в своем желании отблагодарить человека, сделавшего им добро.

Когда я навещала старую женщину, она показывала еще и два кувшина, которые ей подарили наш отец, но я сделала вид, что не заинтересовалась ими — ведь должно было что-то остаться ей на память от человека, воспоминания о котором согревали ей душу всю жизнь.

Вообще у отца очень остро было развито чувство внимания к окружающим. И через много-много лет все новые и новые штрихи дополняют мое представление о нем как об отзывчивом, щедром человеке.

Я уже упоминала о том, что когда мама возвратилась в Худжанд, мы поселились на улице Стаханова, в тупике Пуларкиш в доме моей второй тети — сестры матери. Дом был расположен между городскими домами двух моих дедушек.

В пустой кибитке, где давно уже никто не жил, стоял стол. Это был добротный, довольно больших размеров — около 180 см длины — стол в форме прямогоугольника с дубовыми точеными, очень прочными ножками и двумя ящиками.

Когда я поинтересовалась, откуда мог появиться в Худжанде такой необычный универсальный, можно сказать, стол, мне рассказали, что его привез наш отец из Коканда. В первые годы после свадьбы, отец, будучи с мамой в гостях у ее сестры, увидел, что старшие ее дети пишут в тетрадях, сидя на земле. В следующий приезд он привез стол, чтобы они могли, сидя за ним, заниматься уроками. Стол и сейчас стоит у нас в доме, потому что я выпросила его у тети.

С конца 1928 года или с начала 1929 года наша семья постоянно стала жить в Сталинабаде. В моих детских воспоминаниях сохранился большой дом со двором, в котором жило несколько семейств. Отец почти всегда был в разъездах. Появлялся он в доме поздним вечером, когда мы уже спали. Но зато очень редкие дни, которые он проводил с нами, запомнились на всю жизнь.

Помню, как вся наша семья отправилась в Варзоб. Мы дети, любовались изумительной красотой природы, отец же с Нусратулло Максумом и другими друзьями ушли на охоту. Вернулись они поздно вечером, и только утром мы могли хорошо рассмотреть их добычу. Это был огромный дикобраз, каждое перо которого казалось истинным произведением искусства. Нашей радости не было предела. Несколько перьев мы взяли с собой, когда уезжали в Москву.

А еще хорошо запомнилось, как на один из праздников Первомая нас, детей, повезли на площадь, где проходили парад и демонстрация.

Не забуду, как почти несколько ночей не могла уснуть от радости, что мы будем участвовать в празднике.

И вот настал этот день. Нас нарядили в самые лучшие платья, в руках у нас были красные флаги, и на грузовой машине мы поехали к площади. С борта машины нам хорошо было видно все происходящее, конечно же, смотрели мы и на папу, который произносил речь. И еще несколько дней мы жили под впечатлением увиденного.

Совсем недавно я встретилась с нашей дальней родственницей, детские годы которой проходили в Сталинабаде,

в одном дворе с нами. Это Шарофатхон Маллаходжаева. Ей сейчас 79 лет. Ее отец Закирходжа Маллаходжаев был близким другом нашего деда Мулло Ходжибоя. Они считали друг друга названными братьями. Когда в 1916 году старший сын Мулло Ходжибая — наш отец — уехал учиться в Ташкент, материальное положение семьи ухудшилось. Сад не каждый год плодоносил и кормить семью на доходы с него было трудно. У деда не было помощников, а семья с каждым годом увеличивалась, да еще надо было выкраивать деньги, чтобы посыпать каждый месяц Абдурахиму. И вот решено было, что второй сын будет учиться ткацкому делу у Закирходжи, который славился как искусный ткач.

Салимбой, будучи способным пареньком, сумел хорошо изучить ремесло ткача и смог отныне помогать семье. Наш отец с отроческих лет испытывал признательность к другу семьи за заботу и потом, когда сам стал зарабатывать, не забывал добра. Семья Закирходжи не раз гостила у нас в Самарканде. И хотя их единственная дочь Шарофатхон была тогда мала, она помнит о том, что когда они в течение одной — двух недель жили у нас в Самарканде, в гости приходили председатель ЦИК Ахунбаев и другие Руководители, которых она запомнила. Когда же наша семья переехала в Душанбе, который с октября 1929 года стал именоваться Сталинабадом, отец, узнав о том, что Закирходжа умер, посоветовал его жене переехать с дочерью в столицу. В течение нескольких лет они жили рядом с нами и мы, дети, играли вместе.

Дом, где жили многие работники Совнаркома, был расположен в районе, называемом Сари—Осиё. Недалеко от него было кладбище. Потом на этом месте расположилась клиническая больница, возглавляемая ныне академиком Х. Мансуровым. А тогда там был дом с просторным двором и садом. Во дворе все время шли какие-то строительные работы. И я, помнится, два — три раза попадала в чан с асфальтом — маме потом надо было затратить немало времени, чтобы отмыть меня.

Шарофатхон, которая на несколько лет была старше и меня, и моей сестры, хорошо запомнила, что одна из комнат нашей квартиры была вся заполнена книгами. Среди них были старинные рукописные книги, написанные арабским шрифтом.

Шарофатхон рассказывает, что Абдурахим Ходжибаев —

она называла его кориамак, то есть знаток Корана — был всегда в движении. Как только вечером он появлялся в доме, сразу просил жену дать ему газеты. Быстро просмотрев всю пачку, внимательно читал некоторые статьи.

Как бы он не был занят, мимо детей молча не проходил. Всегда минуту — другую останавливался, шутил, задавал вопросы.

Из гостей, бывавших в доме, Шарофатхон особенно запомнился Абулкосим Лахути. Тот тоже очень любил детей. Когда он жил в Сталинабаде — обычно в общежитии Совнаркома — и приходил в гости к Ходжибаеву, а бывал он, по словам Шарофатхона, часто, дети мгновенно окружали его со всех сторон. Феноменальная память Шарофатхон — к сожалению, только в раннем детстве она изучала арабскую грамоту, а потом ей учиться не пришлось — сохранила стихи, которые Лахути читал детям особенно часто:

Духтари подон будам,
Бандан боён будам.
Дар фаранҷӣ пайваста,
Баста дар зиндон будам.

Была я необразованной девушки.
Была пленицей богатых.
Закованная в парадную,
Была я в темнице.

В собрании сочинений Лахути стихотворение значится, как написанное в 1933 году, но вполне допустимо, что создано оно было чуть ранее, поскольку мемуаристка вспоминает, что именно его любил Лахути читать детям.

Когда в начале 1934 года все стали говорить, что Абдурахим Ходжибаев и Нусратулло Максум едут в Москву учиться, повсюду стали снимать со стен их портреты. Шарофатхон помнит, как ее двоюродный брат по отцу — Эшонбоба Батуров, работавший в столовой общежития Совнаркома шеф-поваром и погибший на фронте в годы Великой Отечественной войны — приял к ним домой, посоветовал убрать со стены портрет Ходжибаева. И матери Шарофатхон с душевной болью пришлось это сделать. Но это было уже потом, когда отца сняли с работы.

А пока дел было невпроворот.

Сколько в то время было проблем, сколько вопросов, от решения которых никак нельзя было уйти. Обо всем председателю правительства надо было сказать свое слово, раскрыть свою точку зрения, определить свою позицию. Так, например, вопрос о латинском алфавите. Он был таким злободневным, что даже французский писатель Поль Вайян — Кутюрье включил в свою книгу о Таджикистане главу, посвященную латинскому алфавиту. Впрочем споры об алфавите ведутся и по сей день.

А тогда в конце 20-х годов, несомненно, они были особенно жгучими и имели острый политический смысл. Так, приведя высказывание ученого: «Человек не знающий арабской грамоты, не может быть литератором», автор статьи, написанной сравнительно недавно — в 1990 году пишет: «В свое время Максум (здесь имеется в виду Нусратулло Максум — поясняет автор) и Ходжибаевы тоже были сторонниками этого мнения. Для подтверждения своих «теорий» они приводили факты. Они говорили, что «если мы перейдем на новый алфавит, наши соседи, трудящиеся Ирана и Афганистана, не сумеют читать наши газеты».

Но ясно, что не только этими доводами руководствовались Нусратулло Максум и Ходжибаев. Главное — это было бесценное духовное наследие предков, которое следовало беречь как зеницу ока и передавать будущим поколениям. Ведь труды поэтов, философов, ученых всех отраслей были написаны арабским шрифтом, который был своеобразным ключом знаний.

И хотя латинский алфавит также имел целый ряд преимуществ, главным из которых было более активное приобщение к европейской культуре, все — таки руководители Таджикистана отдавали предпочтение первому.

И весьма отрадно, что в наше время арабскую графику изучают даже дети. Это залог того, что книги, написанные нашими предками в течение многих веков, не будут пытаться на книжных полках. Их будут читать, изучать. Они будут приобщать людей к бесценному опыту прошлых поколений, к высокой духовной культуре и знаниям во всех отраслях науки.

Время было суровым и напряженным. И хотя достижений в жизни республики было много, малейших ошибок не прощали. Была и масса злопыхателей, которые сразу же во все концы писали доносы.

Сколько самых неправдоподобных обвинений обрушилось позднее на головы Нусратулло Максума и Абдурахима Ходжибаева.

В статье о первом председателе Верховного Суда Таджикской ССР Бобо Хамдамове читаем о том, как его обвиняли в самых страшных преступлениях, в том числе и в том, что он был исполнителем приказов главных руководителей тайной контрреволюционной организации Нусратулло Максума и Ходжибаева. Оказывается, в 1931 году восстание в Матче готовилось по инструкции Нусратулло Максума и Ходжибаева (1).

Писали обо всем. Ходжибаев узнал, что его отца Мулло Ходжибоя, называют крупнейшим землевладельцем — оказывается, все земли в Сумчаке — пригородном селении Худжанда, принадлежали ему. Да о чем только не писали!

Писатель Камил Икрамов в книге «Дело моего отца», посвященной его отцу — первому секретарю ЦК КП(б) Узбекистана Акмалю Икрамову, помещает рассказ одного из соратников своего отца Мирзоходжи Урунходжаева. Сам писатель пишет: «Подробный рассказ Мирзоходжи Урунходжаева я записал на пленку и ни словом не могу отступить от этой записи. Только кое-где вставляю предлоги... А кое-где даже предлогов не вставляю. Боюсь потерять интонацию. Тут возможны неточности в деталях и даже в начертании имен. Пусть историки это выяснят».

Далее следует рассказ самого Урунходжаева: «В 1933 году я работал в Таджикистане. Я был членом бюро Центрального Комитета, наркомом земледелия Таджикистана. Каждую ночь после двух часов, у нас собирали бюро, обязательно после двух часов с целью чтобы, понимаете, Ходжибаев и Нусратулло Максум не участвовали на заседаниях бюро ЦК.

Каждый раз председатель ГПУ Солоницын информировал бюро ЦК, что тот и другой из руководящих работников имеет связь с заграницей и арестован, без всяких разъяснений. И принимается решение, доверяя товарищу Солоницыну, исключить этого члена партии из партии и дело его передать ор-

ганам ГПУ. Таким образом, в Таджикистане в 1933 году было арестовано 662 руководящих партийных советских и хозяйственных работника. Ходжибаев и Максум подавали заявления на имя Сталина. Тогда с подписью Кагановича и Молотова поступила телеграмма: немедленно выехать в Москву первому секретарю ЦК Гусейнову, второму секретарю Исmailovу, Ходжибаеву и Максуму. И председателю ГПУ Солоницыну.

В ЦК ВКП(б) состоялось заседание, степограмму которого я, как член бюро, читал в спецотделе.

Сталин задал вопрос Солоницыну:

— Товарищ Солоницын, сколько человек вы арестовали?

Он ответил:

— Пока 662. Пока.

— А где у вас было вооруженное восстание? — Стalin задает такой вопрос.

— Товарищ Stalin, вооруженного восстания в Таджикистане нигде не было, — отвечает Солоницын.

Потом Stalin опять спрашивает:

— А при наличии вооруженного восстания столько руководящих работников не арестуют же?

Солоницын говорит:

— Это наша ошибка.

Принимается особое решение, где констатируется: «ГПУ Таджикистана, злоупотребляя правами ареста, без ведома ЦК ВКП(б) производило массовые аресты руководящих партийных, советских и хозяйственных работников, в скобках 662 человека». Решение приняли такое: «Поручить товарищу Ягоде отозвать товарища Солоницына из Таджикиской республики, укрепить ГПУ Таджикистана более сильными работниками. Для разбора дела арестованных создать комиссию под председательством Брайдо. Члены комиссии Раҳимбаев и Шотемур. Предложить комиссии в двухмесячный срок разобрать деле арестованных».

После заседания ЦК Stalin лично дает указание Брайдо о том, чтобы никто из руководящих работников, которые арестованы, не был освобожден.

(Выяснила подробности, я узнал, что о словах Stalin Урунходжаеву рассказал сам Брайдо — К. И.) (1)

1. Икрамов Камил. Дело моего отца. М.: Советский писатель. 1991, стр. 365—366.

Понятно, что обстановка была невыносимая, работать было невозможно, изменить что-либо тоже было не во власти тогдашних руководителей республики. Оставалось одно: верить, что истина восторжествует, не опускать руки, иметь силу переносить несправедливые упреки, которых было очень много.

В некоторых статьях называются государственные деятели Таджикистана — 20 — 30-х годов, которые из каких-то то ли субъективных, то ли объективных интересов называли себя людьми других национальностей. В этом ряду упоминается и Абдурахим Ходжибаев. Все нации хороши. Но человека свыше не дано власти выбирать себе отца и мать, выбирать себе нацию. И нацию, и родителей, которых дала человеку судьба, изменить невозможно. Нельзя отрекаться от своего языка, от своих корней, от своей нации. И поэтому я хочу привести лишь два примера, чтобы убедить своих читателей в том, что никогда Абдурахим Ходжибаев не отрекался от своего языка, от народа, от родной земли Таджикистана с его горами, ущельями, степями, от его сложной и столь трагической истории.

В протоколе заседания комиссии, созданной Средазбюро ЦК РКП(б), в ноябре 1925 года приводятся слова А. Ходжибаева, бывшего тогда членом ЦК КП Узбекистана, обращенные к одному из присутствующих:

— Я знаю, что ты очень хороший член партии. Ты — таджик, и родной твой язык — таджикский, а работаешь среди узбеков и выдаешь себя за узбека. Это показывает, что ты нехороший человек. Ты не можешь назвать свою подлинную национальность. Ведь это не будет мешать тебе по интернациональной работе...

Свою точку зрения на принадлежность к той или иной нации раскрывает Абдурахим Ходжибаев и в других ситуациях. Р. Масов приводит стenографический отчет заседания комиссии по размежеванию Таджикистана с Узбекистаном от 7-го августа 1929 года, на котором председательствовал Макеев:

«Исламов: Я прошу «т. Макеев, по...» поводу слов т. Ходжибаева заявить следующее. Вы слышали, что тов. Ходжибаев заявил, что он записан узбеком. Мы написали анкету, где он записан таджиком, владеющим русским, узбекским и таджикским языками. Это есть демагогия и антагонизм. Ходжибаев: Отвечу на вопрос об анкете. Он говорит непра-

вильно. Мы эту анкету исправили, и не только я, но и многие...» (1).

23 — 25 декабря 1933 года состоялся объединенный пленум ЦК КП(б) и Центральной Комиссии партийного контроля Таджикистана, на котором с общирным докладом выступил первый секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б) Карл Янович Бауман.

В его докладе под названием «Превратить Таджикистан в образцовую советскую социалистическую республику» первый раздел именовался: «Снятие товарищей Максума и Ходжибаева — политический урок всей парторганизации Таджикистана».

В докладе резко критиковались их главные ошибки: защита кулаков и баев, усиленное внимание к переселенцам, очковтирательство, дутые планы и многое другое. В то же время докладчик отметил крупные успехи Таджикистана, ряд достижений его в деле укрепления социалистического хозяйства.

Закончил Бауман доклад уничтожающими и беспощадными словами:

Т. т. Ходжибаев и Максум были пробкой, коростой, мешающей нормальному развитию творческих сил трудящихся народных масс, и они сейчас сняты. Я уверен, что новое руководство в лице испытанных большевиков: т. т. Брайдо, Рахимбаева, Шотемура совместно со всей партийной организацией — сумеет выполнить указания ленинского ЦК ВКП(б), указания вождя нашей партии Сталина...» (1)

Последние слова К. Баумана были встречены, как указывается в тексте доклада, бурными, долго не смолкающими аплодисментами.

Будущее показало, что и самого Баумана и новое, руководство Таджикистана, названное им, кроме Брайдо, постигла же трагическая судьба, что и Абдурахима Ходжибаева — кто в 1937, кто в 1938 годах, но им всем пришлось распрошаться с жизнью.

Трудно было читать этот доклад. И сейчас, хотя со временем его публикации прошло без малого семьдесят лет, меня при его чтении бросало то в жар, то в холод.

1. Масов Р. История топорного разделения, стр. 127.
1. Парработник, 1934, № 1, с. 32.

Каково же было отцу?

Историки Абдулхаев Ракиб и Дустов Хасанбай в статье, посвященной 90-летию со дня рождения академика Б. Г. Гафурова, подробно анализируют некоторые положения доклада К. Баумана и выступлений некоторых участников пленума. По их мнению, выводы, сделанные К. Бауманом, не имели фактической основы и были сущей клеветой.

Ученые утверждают, что в архивах республики хранится множество документов, неоспоримо доказывающих, что все действия руководителей Таджикистана способствовали дальнейшему развитию народного хозяйства страны, улучшению благосостояния народа.

Особенно подробно авторы статьи останавливаются на политике, проводимой Н. Максумом, А. Ходжибаевым, А. Мухиддиновым, Ш. Шотемуром в отношении внутренних переселенцев.

Они подчеркивают, что в свое время деятельность бывших руководителей и особенно их политика по отношению к внутренним переселенцам привлекла внимание Б. Г. Гафурова:

И они приходят к решительному выводу о том, что Нусратулло Максум, Абдурахим Ходжибаев, Ш. Шотемур и другие из-за происков и интриг врагов Таджикистана стали жертвой в борьбе за правду и справедливое решение национального вопроса. На пути к воплощению своих благородных исторических и патриотических идей они были остановлены. (1)

В статье приводятся факты, свидетельствующие о том, что став первым секретарем ЦК Компартии Таджикистана, Б. Гафуров в своей деятельности по отношению к переселенцам продолжал осуществлять политику, начатую первыми руководителями республики.

Пленум Средазбюро ЦК КП(б) и ЦК КП(б) Таджикистана, принял решение:

«Заслушав доклад секретаря Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б) тов. Баумана, секретаря ЦК Компартии тов. Гусейнова, полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии тов. Пиляра и объяснения т. т. Максума и Ходжибаева,

ЦК ВКП(б) считает, что наличные материалы не дают основания для обвинения т. т. Максума и Ходжибаева в участии в контрреволюционной организации в Таджикистане против Советской власти».

Тем не менее постановлением пленума и Ходжибаев и Нусратулло Максум были освобождены от работы как буржуазные националисты. Их решили послать для учебы в Москву.

Отец не потерял присутствия духа. Решил неутомимо работать над собой: расширять свои знания, изучать иностранные языки, думать над тем, какими путями должно идти дальнейшее развитие народного хозяйства Таджикистана.

1. Абдулхаев Р. Дустов Х. Политика возвращения внутренних переселенцев с точки зрения Б. Г. Гафурова //Академик Бободжон Гафуров — исследователь истории и культуры народов Центр. Азии, Д.; 1999, стр. 461 (на тадж. языке).

Глава VI

Вдали от родного Таджикистана

Таджикистан, моя дорогая Родина! Прости твоему сыну Абдурахиму Ходжибаеву его большие и малые ошибки, если он совершил их! Верь, что он всегда любил тебя преданной, беспредельной и трепетной любовью!

Знай, что годы, прожитые в разлуке с тобою, были в его короткой жизни самыми мучительными! Жить для Родины, для родного народа — было для него самым заветным желанием!

Книги отец приобретал с юношеских лет. Дядя Салимбой вспоминает, как еще в начале 20-х годов он с братом отправился на кокандский базар. Отец обратил внимание на старинную книгу, которую продавала закутанная в паранджу женщина. Когда полистав книгу, он заинтересовалась ее ценой, женщина назвала совсем мизерную сумму. Отдав ей все деньги, которые были при нем, несмотря на протест продавщицы, удивленной такой необычной щедростью, он сказал:

— Да вы не знаете цены этой книги. Берите, берите. Я дал бы больше, если бы у меня были еще деньги.

А вернувшись домой, по словам дяди, он отключился от всего и вновь читал и перечитывал приобретенный манускрипт. К сожалению, дядя не запомнил его названия и автора.

В московскую пору своей жизни он получил большую возможность посвящать свое свободное время чтению книг. Хорошо помню, что книжными полками был заставлен не только его кабинет, но и большая комната, которая выполняла роль гостиной и детской для нас — детей. В кабинете, вспоминается, было много старинных арабских книг,

Лет пятнадцать тому назад, в беседе с моей дочерью Матлубой Сатым Улугзода, говорил, что некоторые книги, на которых значилась фамилия Ходжибаева, он видел в библиотеке имени Фирдоуси в Душанбе. Случись чудо и об этом узнал бы отец, он порадовался бы: его книги читают, они приносят людям пользу.¹

Вспоминается, как много десятилетий тому назад, А. С. Грибоедов, узнав о том, что в результате победы над врагами захвачены восточные рукописи, с душевной тревогой обращался к главнокомандующему русской армией генералу И. Ф. Паскевичу: «Тесь мой завещал в Баязете несколько восточных манускриптов, сделайте милость, не посыпайте их в императорскую библиотеку, где никто почти грамоте не знает, а в Академию наук, где профессора Френ и Сенковский извлекут из сего приобретения возможную пользу для ученого света».

И теперь думается, все ли редкие книги отца и многих других людей, собранные с таким трудом, нашли своего истинного читателя?

Были в библиотеке отца и книги русских писателей и иностранная классика. Отец был в курсе всех литературных событий и часто, когда собирались гости, разговор заходил о новых книгах, об известных писателях.

Изредка когда у юнца была возможность и он иногда выходил с нами на прогулку, мы почти всегда заходили в книжные магазины. Отец внимательно перелистывал отдельные книги, долго задерживался у прилавка, хотя мы с сестрой наперебой звали его скорее продолжить наш путь.

Когда отец вместе с Нурсатулло Максумом уехал в Москву, для нашей семьи настали тревожные дни. Но мама не теряла бодрости. Еще в Самарканде она закончила курсы по ликвидации безграмотности. В Сталинабаде учились на курсах комвуза. Мама читала газеты, была в курсе происходящих событий, и всем сердцем чувствовала, что над ее семьей, над ее мужем нависла смертельная опасность. Как уберечь от нее близких людей — она не знала. Но понимала одно: нельзя терять мужества, надо держаться.

Отец из Москвы просил в письмах маму быстрее собираться и ехать к нему. Но собираться было очень трудно.

Голова у нее шла кругом. Как быть с книгами, с бумагами? Ведь их было множество. Мама не раз слышала от отца, что книги в его библиотеке не имеют цены. Когда он был

дома, а Мама тряпкой стирала пыль с его книг, Он снова и снова просил ее быть предельно осторожной.

— Книги ветхие, их легко можно повредить, а некоторые из них существуют лишь в единственном экземпляре. — не раз повторял отец.

Поэтому главной проблемой при переезде стали книги и бумаги — вероятно, это были материалы к будущим трудам. Мама понимала, что их нужно как следует упаковать. И было решено заказать для книг специальные ящики. Этим занялся дядя Абдуманон, который приехал в Сталинабад, чтобы помочь семье уехавшего брата.

Прошло несколько долгих недель, пока книги были упакованы. А надо было торопиться. Маме уже не раз напоминали, что квартиру следует скорей освободить.

Шарофатхон и сейчас помнит, как одному из посланцев наша мама, стоя на террасе, задумчиво сказала:

Ман ҳам чун ту будам,
Ту ҳам чун ман мешави.

Я тоже была, как ты,
Ты тоже станешь, как я.

В памяти сохранилась тревожная ночь. Это было незадолго до отъезда в Москву. За дверями слышались крики, кто-то грубо ломился в дверь, стучал.

Но маму было трудно испугать. Она вначале позвонила в милицию. Потом успокоила нас и уложила спать. Я не сомневалась, что ради спасения детей она готова была и кулаками наброситься на хулиганов.

И вообще, раздумывая над перепетиями ее такой трудной жизни, думаю, откуда в ней — простой женщине, в юности совсем не знавшей жизни, безвыходно сидевшей зимой во дворе отцовского дома, а в остальное время года занимавшейся садом и огородом, не получившей специального образования, такая отчаянная смелость, такая мудрость?

Мне, росшей многие годы без отца и без матери, всегда была удивительна ее отвага.

Помню, как летом, купаясь в море, я отошла от берега, и вода, казалось, уносила меня вглубь. Когда я закричала, мама, не умевшая плавать, в то же мгновение в одежде, с часами на руке, бросилась в воду на помощь мне.

Вспоминается еще один эпизод из жизни мамы. В одно

из наших московских лет — я не помню точно года — мы ехали в поезде, кажется, в Ялту. Отца с нами не было. Глубокой ночью я проснулась от какого-то тревожного шепота. Мы спали с мамой на нижней полке. В тусклом свете лампочки я увидела в купе незнакомого мужчину, который наставил на нее револьвер. Как это бывает в детстве, я подумала, что это сон и заснула снова.

Но на душе было неспокойно, и через несколько минут я проснулась. Оказывается, в купе забрались воры. В нашем вагоне они уже открыли несколько купе. Похитив вещи, они исчезли. Мама выбежала в коридор и, не найдя проводников, нажала на тормоз. Работникам, которые тут же явились в наш вагон, она объяснила, в чем дело. Стали искать воров. Их нашли на крыше вагона. Было там и очень много чемоданов. Маму в это утро все называли геройней. Многие заходили в купе, поздравляли ее и благодарили. Особенно были рады потерпевшие. Один мужчина со слезами на глазах говорил, что у него в чемодане были ордена и все документы. Помню, как какой-то начальник в военной форме записал в свой блокнот имя и фамилию мамы, ее адрес. А через некоторое время, когда мы вернулись в Москву, ей была объявлена благодарность за содействие в поимке воров — рецидивистов. Сейчас я не помню, от имени кого была благодарность, но зато вспоминается отец, который узнав об этом событии и прочитав бумагу, долго еще с добрым улыбкой обращался к маме, называя ее шутливо то Гурдофарид, то Жанной д'Арк.

Я думаю, что о нашей маме можно было сказать словами Некрасова, который с восхищением писал о женщинах:

Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.

Но это было много позднее. А тогда, в начале 1934 года несколько арб, груженных продолжавтыми ящиками, двигались по направлению к сталинабадскому вокзалу, откуда мы должны были ехать в Москву.

Шарофатхон рассказывает, как она, стоя у ворот, печально провожала их взглядом, а потом, когда вышли и мы, простились и с нами.

Мысленно представив себе эту картину, я вспомнила и пушкинскую библиотеку. Почти столетие назад, в 1832

году, ее упакованную в 24 ящика, везли из села Михайловского на 12 подводах в Петербург, на последнюю квартиру Пушкина. В этих ящиках, по словам пушкинского кучера Петра Парфенова, были книги и бумаги. И для самого Пушкина это было самое дорогое его имущество. Но совсем недолго листали эти книги, задумывались над их страницами и Пушкин, погибший в 1837 году, и Абдурахим Ходжибаев, для которого 1937 год оказался роковым.

Итак, зимой 1934 года мы оказались в Москве. Несколько недель жили в гостинице «Националь». Нам все здесь казалось необычным и заманчивым. Мы бегали по многочисленным этажам гостиницы, рассматривали невиданные нами прежде диковинные вещи, заведения — например, лифт, или же ресторан, где мы питались. Но самыми интересными для нас были поездки по Москве. Сколько радостей вызывал у нас эскалатор — волшебная лестница только что построенного столичного метро, московские улицы, скверы, театры и особенно цирк и парк культуры и отдыха, где были замечательные карусели.

Но наконец-то гостиничная жизнь позади. И мы поселились на улице Серафимовича в огромном доме на Набережной между двумя мостами, который все называли Домом правительства. Этот дом упоминает в своих воспоминаниях Анна Михайловна Ларина — жена Бухарина, которая переехала туда в 1937 году. Она пишет: «Мы жили в Доме правительства у Каменного моста, в огромном мрачном здании, серым цветом своим похожим на московский крематорий. К тому времени этот дом, называемый теперь с легкой руки Ю. Трифонова «домом на Набережной», был уже наполовину опустошен арестами. Нас переселили туда из Кремля спустя два месяца после ареста Н. И. (1) в очередную освободившуюся все по той же причине квартиру». (2)

Итак, наша семья жила теперь в новой квартире. Но мы не воспринимали тогда этот дом таким мрачным, ибо в нашем детском воображении все казалось нормальным.

Самое главное, что рядом с нами были всегда отец и мать, а то, что отныне мы жили в двух комнатах, не имело ровно

1. Имеется в виду Николай Иванович Бухарин.

2. Ларина (Бухарина) А. М. Незабываемое. М.: Изд. АПН, 1989, стр. 150.

никакого значения. Тем более, что нам выделили одну пятикомнатную квартиру вместе с семьей Нурсатулло Максума, с детьми которого мы привыкли играть еще в Сталинабаде.

Когда у нас началась новая московская жизнь, мне было 5 лет. Родители понимали, что надо срочно учить детей русскому языку. Отец сам отвел меня в детский сад, который располагался в этом же доме. Там, с детьми я быстро выучилась говорить по русски, хотя поначалу не раз приходилось попадать впросак.

Помню, как однажды очень важной и красивой dame, которая пришла к нам в гости, я сказала:

— Вы врете.

Отец был очень смущен. Он старался объяснить мне, что взрослым дети так не говорят.

— А если взрослые врут? — пыталась я выяснить. И отец привел несколько других речевых форм, которые можно употреблять при таких обстоятельствах, не обижая человека грубостью. Так постепенно шло познание языка.

Наша детская жизнь была интересной. Никакие заботы не омрачили нашу душу. Здесь же, в доме, было много мест, куда мы, дети, всегда могли пойти. С одной стороны, был кинотеатр «Ударник», с другой — там, где много лет располагался театр эстрады, — был клуб. При нем работало много кружков, и мы с радостью ходили туда, участвовали в спектаклях, пели в хоре. Событием в моей детской жизни стал спектакль, который игрался в детском саду. Он назывался «Маленький Мук». И я помню, как все в доме готовили мне костюм кота, шили хвост, слушали стихи, которые я должна была читать. И самым строгим критиком был отец. И сейчас с грустной улыбкой люблю читать эту сказку внукам.

Но как только я выучилась свободно читать, главным увлечением в жизни стала книга. Отец поощрял нашу любовь к чтению, сам покупал нам книги, изредка ходил с нами в библиотеку клуба, очень богатую и имеющую книги по всем отраслям знаний. На наше увлечение книгами положительно влияло также и то, что наши друзья по детским играм, а потом и по школе — дети Нурсатулло Максума — Хоссиятхон и Акбар — также не уступали нам в стремлении к чтению.

И не случайно, конечно, в их жизни книга сыграла такую

большую роль. Хосият Максумову знают многие жители Душанбе и всей республики. В течение долгих лет она возглавляла в столице педагогическое училище и внесла огромный вклад в дело подготовки будущих работников для школ и детских учреждений республики.

Имя же Акбара Нусратуллаевича Максумова, академика, доктора сельскохозяйственных наук, лауреата многих премий, неразрывно связано с достижениями таджикских ученых в отрасли хлопководства, в развитии сельского хозяйства.

С Хосиятхон училась в одном классе моя старшая сестра Рафоатхон, а я училась вместе с ее братом.

Иногда мы устраивали состязание: кто быстрее прочитает страницу от начала до конца и следили по часам за временем.

Но когда отец поинтересовался, чем мы занимаемся и я рассказала ему, в чем дело, он посоветовал таких «соревнований» больше не устраивать. Он внушал нам, что важно не быстрее прочесть, хотя и это имеет значение, нужнее хорошо понять прочитанное и запомнить его.

Но как бы то ни было, наш книжный «запой» продолжался долго и за два—три года мы прочитали очень много книг. Особенно из книг того времени запомнились сказки. Это были сказки всех народов мира. А еще мы зачитывались приключенческой литературой. Это были книги Майн — Рида, Жюль Верна. Родителей искренне радовало, что дети любят читать, целые часы проводят за книгами, тем более, что домашней работы в квартире было мало. Полы были паркетные — их нельзя было мыть. Один раз в месяц полотер патирал их специальной мастикой. Мусор выносить было не нужно. Мусоропровод работал отменно. В определенное время каждый день мусорщик очищал мусорный бак.

Итак, обстоятельства нашей жизни складывались так, что чтение было нашим основным занятием. Но были и трудные проблемы. Одна из них заключалась в том, что мы могли постепенно забыть свой родной язык. Это наших родителей очень тревожило. Ведь известно, что дети, с одной стороны, обладают способностью в краткий срок изучать языки, но, с другой стороны, не занимаясь ими систематически, быстро забывают их. Дома с нами говорили только на таджикском языке, но этого явно было недостаточно для полного владения языком. Мы читали книги на родном языке, разучивали стихи.

Сам отец хорошо знал литературу, особенно произведения классиков, следил за новинками и руководил нашим чтением.

Тогда в Москве, он имел возможность уделять нам больше внимания, беседовал с нами о прочитанном. Теперь, каждый день общаясь с отцом, мы узнали, как много стихов он знает. Говоря с нами, он часто читал наизусть стихи поэтов Востока. Еще несколько лет тому назад, когда народный поэт Таджикистана Кутби Киром был у нас в гостях, он рассказывал, что не раз дежкане айинских и ганчинских кишлаков, вспоминая об Абдурахиме Ходжибаеве, рассказывали о том, что речь его была всегда пересыпана цитатами из классической поэзии. Особенно часто, по словам дежкан, звучали стихи Сойба. Имя поэта XVIII века Мирзо Мухаммадали Сойба нам с сестрой тоже хорошо запомнилось. Отец иногда читал его стихи. И, конечно, как эстафета, его любовь передавалась и нашей маме, яркая образная речь которой всегда подкреплялась пословицами и поговорками, а также стихами поэтов. Вслед за отцом она повторила хорошо запомнившиеся ей строки:

Давлати рӯзгор даргузар аст,
Партави офтоб даҷ ба дар аст.
Чашми беашк — абри беборон,
Дасти бечуд — шохи бесамар аст...
Ташнаи офат аст моли баҳил,
Хуни фосид ҳалоки нештар аст.
Шамъи болини ин гаронхобон,
Бебако чун ситораи сахар аст.
Хунари дигарон надидан, айб,
Дидани вайби хештан, хунар аст.

Время уходит, как богатство
Лучи же солнца бродят из дома в дом.
Глаза без слёз — тучи без дождя,
Скукая рука — бесплодная ветка.
Подарок скопого приносит несчастье.
Нечистая кровь убивает кровопийцу.
Свеча, горящая у постели долго спящего,
Быстро сгорает, как утренняя звезда.
Большой порок не видеть достоинства других,
Большое достоинство видеть свои пороки.

Из уст отца мы постоянно слышали поэтические строчки. Особенно мне запомнилось, как он читал строки Камола Худжанди — его знаменитую газель «Фарӣӣ» — «На чужбине». Читал, как будто бы размышляя над каждой строкой:

Дил мүкими күй чонон асту ман ин чо гарип,
 Чун кунад бечорай мискиң тани танхо гарип,
 Оразумади диёри хешаму ёрони хеш.
 Дар өзөн то чанд гардам бесару бепе гарип
 Чун ту дар гурбат наафтоди, чи донй холи ман?
 Мехнати гурбат наадонад ҳеч кас, илло гарип
 Ҳаргиз аз рүй карым рүзе напурсиди, ки чист
 Холи зори мустаманди монда дур аз мо гарип
 Чун дар ин даврон намеафтад касе бо холи худ,
 Дар чунни шархе, ки мебиний, кий афтад бо гарип.
 Дар гарипи чон ба саҳти медиҳад мискин Камол,
 Во гарипи, во гарипи, во гарип!

Моя душа живет в родном краю, я же здесь бездомный.
 Как быть мне бедному, беззащитному, одинокому, на чужбине
 Мечтаю о своей отчизне и своих друзьях,
 До каких пор мне бродить в этом мире?
 Если ты не был на чужбине, откуда тебе знать мои страдания?
 О муках жизни на чужбине никто не знает, как сам чужеземец.
 Ни разу из сострадания ко мне не спросил, кто ты
 Как живет этот несчастный вдали от нас на чужбине
 В наше время ни один человек не думает о себе.
 В этом городе кто может думать о чужеземце?
 На чужбине в муках отдает душу бедный Камол,
 Эх чужбина, эх чужбина, эх чужбина!

Он читал, а мне становилось все грустнее и грустнее.
 Почему такая печаль чувствовалась в его голосе? Почему
 его глаза были полны такой неизбывной болью?

Ведь в стихах шла речь о бедном беззащитном одиноком
 человеке, а отец был сильным, бесстрашным, рядом с ним
 всегда были мы. О каких муках упоминает поэт? Почему
 отца так волнуют эти стихи — ведь у нас в доме все есть,
 мы ни в чем не нуждаемся? На мой вопрос о причине грусти
 отец молчит. Но его тоска беспричинно передавалась и
 нам.

Внешне все как будто бы обстояло нормально. Даже изредка звонит сам Сталин, интересуется, как идут дела у
 Ходжибаева и Нусратулло Максума. Иногда даже Сталин,
 желая показать свой интерес к бывшим руководителям Таджикистана, говорит:

— Как ты там, Ходжибаев? Не хочешь угостить меня
 таджикским пловом?
 И мама, как запомнилось, готовит свой замечательный
 плов.

Не раз наша старшая амма Монанд рассказывала о том,
 как летом 1935 года она с группой 15 студенток — отлич-

ниц Худжандского педагогического института — приехали в Москву. Их
 поселили в гостинице. А тетя Монанд с подругой своей
 младшей сестры Махфират — Рафоат Ашуриной Насировой
 отправились на улицу Серафимовича — позвестить нас. Вся
 наша семья вместе с семьей Нусратулло Максума была то
 ли в деревне, то ли в санатории. В те годы во всех подъездах
 этого дома сидели дежурные — постовые. Проверив пас-
 порта девушек, дежурный открыл им квартиру. Проголодав-
 шись, гости решили поужинать, но ничего не сумели най-
 ти.

Дежурный позвонил дяде Салиму, который в то время
 жил в Москве на улице Малая Пироговская и сообщил ему,
 что из Худжанда приехали гости. Но как дядя ни пытался
 дозвониться до девушек, у него ничего не получалось. Как
 потом они рассказывали, когда звонил телефон, Монанд —
 амма и ее подруга бежали к дверям. Не добившись толку,
 дядя Салим приехал сам, нашел продукты, приготовил ужин
 и накормил гостей, а через два дня приехали наш отец и
 Нусратулло Максум.

Отец сам сварил плов. А после ужина подошел к роялю.
 Он играл грустную мелодию, разрывающую сердце, а затем
 под свой аккомпанемент запел газель:

Гаштаам Мачнуң, маро бо зулфи худ дар бэзд кун,
 Риштаи чони маро бо чони худ пайванд кун.
 Вакти чон додан маро аз лаъли худ дех бӯсае,
 Ташинаи шарбат маро зон даъли шаккарқанд кун.
 Зиштиёки васли ту чонам надорад роҳате,
 Як замон пахлуи ман шину дилам хурсанд кун.

Я стал Маджнуном, свяжи меня своими локонами,
 Нить моей души свяжи со своей нитью.
 В минуту смерти моей одари единственным поцелуем
 В жажде твоих сладких уст я умру.
 Вдали от тебя нет у меня покоя,
 Немного посиди близ меня, радуя мое сердце.

Конечно же, эти стихи раскрывают душу человека, стра-
 дающего вдали от своей возлюбленной — родины. К ней уст-
 ремлены его чувства и желания. Одна она может дать серд-
 цу успокоение. Я не знаю, чи это стихи, но они как нельзя
 близки были сердцу отца.

Наша тетушка и юная гостья с удивлением смотрели на
 печальное лицо хозяина. В такт мелодии Нусратулло Мак-

сум покачивал головой. А отец, как бы смахивая с себя важдение, сказал:

— Вот нашло.

Через минуту он уже смеялся и по просьбе Нусратулло Максума читал снова стихи. Но все равно печаль угнетала его, от нее не было никакого спасения, и он, читая стихи, сказал:

— Читаю о том, что у меня на сердце.

Агар ман дарди худ гүям, забонам лол мегардад,
Зи ахволам баён созам, қалам бехол мегардад.
Кучо дўстони чонсўзам ба ҳолам зор мегиръяд?
Тани бечораам, ёрон, чунин помол мегардад.

Если я скажу о своей боли, мой язык опнемеет,
Если поведую о том, что со мной, перо потеряет сознание,
Где мои друзья, которые будут плакать от моей боли?
Мое униженное тело, о друзья, точут.

— Больше ничего он читать не захотел. И как мы его не прошли, — рассказывает тетя Монаанд, — он стоял на своем:

— Нет. Больше не могу.

Спустя десятилетия думаю о том, какая боль была в его сердце, какой пламень жег его душу. Но нельзя было раслабляться. «Надо было жить и исполнять свои обязанности», — как писал в «Разгроме» его сверстник Александр Фадеев.

А тетя Монаанд каждый раз, рассказывая об этом эпизоде из жизни брата, не могла сдержать своих слез.

Рафоат Ашуррова Насырова, дополняя рассказ моих тетушек, вспоминает, как приветливо встречали гостей наш отец и Нусратулло Максум, какими они были шутниками.

— Смотри, какие у нас в гостях красавицы, — смеялся Нусратулло Максум, когда в доме появился старший сын Мунавваршо. Гости и молодой человек не поднимали от смущения головы.

Но чаще всего, конечно, отец был сосредоточенным, ушедшем в свои мысли.

Представляя опального, одинокого отца, не понятого со-ратниками и друзьями, делящего свой досуг лишь с единственным старшим другом — умудренным большим жизненным опытом и знаниями Нусратулло — Максумом, я шепчу про себя лермонтовские строки из «Воздушного корабля»

Конечно, Абдурахим Ходжибаев — экс председатель Совнаркома маленькой горной страны Таджикистан и Наполеон Бонапарт — император могущественной державы — несовместимые величины, но поэзия на то и существует, чтобы потрясать сердца, независимо от того, на каком языке и когда было создано стихотворение, какие события и какой человек явились толчком для его создания.

Ведь поэзии и музыке подвластны все человеческие чувства: они заставляют нас испытывать ощущения, переживаемые автором века, а, быть может, тысячелетия назад.

И я мысленно вижу одинокого Наполеона, всеми оставленного, всеми забытого на острове Святой Елены, который надеется, что еще нужен будет Франции и что стоит ему зикнуть, как появятся его верные соратники — маршалы и солдаты, с которыми он одерживал блестящие победы и завоевал пол-Европы. Увы! Ожидания его были тщетными:

Но спят усачи — гренадеры,
В равнинах, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.
И маршалы зова не слышат,
Иные погибли в бою,
Иные ему изменили,
И продали шпагу свою.

Повторяю эти стихи и представляю отца, которому так не хватало его родного Таджикистана, близких, друзей.

Конечно же отец постоянно тосковал. Тосковал по живой практической работе, тосковал от того, что его знания, умения и опыт оказались теперь ненужным балластом, тосковал по отцу и матери, по своей далекой и солнечной родине, по своим верным друзьям.

Иногда мы с сестрой видели, как задумчиво сидит отец за столом. Нам казалось, что он читает. Но к листам книги он долго не притрагивается. Понятно, что мыслями он сейчас далеко.

Родные горы Таджикистана! Весенние, белые с сиреневыми оттенками абрикосовые сады Хулжанда! Посчастливится ли еще раз в жизни вдохнуть ваш живительный аромат, увидеть грозные пики гор? Доведется ли обнять худые слабые плечи матери, пожать твердую и еще сохранившую силу ладонь отца?

Помню, как однажды мы вместе пошли в магазин — он

был здесь же, рядом с домом — как мы выбирали подарки для дедушки и бабушек. Не забуду, как отец долго стоял у прилавка, где продавались ткани. Думаю что в эти минуты он представлял высокую крепкую фигуру отца, его сильные руки — руки садовода и огородника, он видел маленькую мать, ее взгляд, устремленный вдаль — ведь она днем и ночью думала о сыне, которого не видала почти пять лет и редкие весточки от которого не утешали, и, наоборот, усиливали тревогу.

А потом мы отправились к прилавку, где продавался чай. Я была удивлена тем, что отец купил очень много пачек чая. А недавно, когда мои тетки и Рафоат Ашурновна Насырова вспоминали о днях, когда наш отец приезжал из Сталинабада в отцовский дом, они упоминали, что заходившие в эти дни навестить отца уходили с маленькими гостинцами — чаем и сахаром.

Когда мы заговаривали о Таджикистане, о дедушке и бабушках, отец все время нам повторял:

— Немного еще потерпите. Скоро, скоро мы поедем туда, вы увидите своих бабушек и дедушку.

Еще помню, как августовской порой, когда мы только-только возвратились из санатория в жаркую Москву, отец отправился на почту, чтобы получить там посылку. Вероятно, извещение на нее пришло много раньше.

И вот все мы с нетерпением струдились у стола, на который отец поставил большой продолговатый ящик. Не отрывая взгляда, наблюдаем за тем, как быстрыми, ловкими руками он открывает ящик. Но вот ящик открыт, и мы не можем скрыть своего разочарования. Воздух наполняется запахом вина, уксуса, кислятины. Оказывается, в посылке был виноград, и пока он дошел до Москвы — до своего адресата — он почти весь сгнил.

Но отец не спешит убирать ящик. Он долго перебирает привезенные в негодность гроздья винограда и тяжко вздыхает.

Я в недоумении. В Москве всюду на улицах продают виноград. Почему же так грустит отец?

— Отец! — мысленно обращаюсь я к нему — Почему вы так огорчены?

! Ведь в магазинах Москвы так много винограда всех сортов.

Но отец погружен в свои мысли. Да, конечно, сейчас он представлял себе родной двор, виноградник с огромными

гроздями его любимых сортов — каду хусайни и хусайни бу-хор — дамские пальчики, увидел в воображении отца, срезающего эти грозди и бережно укладывавшего их в ящик, мать, которая помогает ему.

Вспоминается одна старая, дошедшая до наших дней фотография. Несколько лет назад я отдала ее в областной историко-краеведческий музей города Худжанда. Год приблизительно 1935-й или 1936-й. Дедушка с бабушкой сидят в кругу всей своей пока еще большой семьи за накрытым дастарханом. Нет только старшего сына и его семьи. Но о любимом, теперь уже опальном сыне напоминает большой портрет. Бабушка установила его рядом с собою.

О материнское сердце! Как близки тебе сыновьи беды и обиды, как больно они произают твое истосковавшееся сердце, как глубоко тебя ранит людская неблагодарность!

Но лишь иногда отец разрешал себе проявлять эмоции. Обычно он держал себя в руках. День до предела был занят заботами много времени отец отдавал изучению экономической теории, штудировал философию, другие общественные науки, изучал иностранные языки. Большое значение придавал изучению истории.

Среди бумаг Махфират-аммы сохранилась истрепанная пожелтевшая записка, адресованная ей братом и написанная арабским шрифтом. Из записи видно, что была она вложена в книгу, вероятно, в историю партии и основы ленинизма-сталинизма:

«Махфиратхон! От меня всем привет. Эту книгу я посылаю вам с Абдуманоном. Изучайте. Это история партии и содержание основ ленинизма и сталинизма.

20/I — 34 г.»

Абдурахим

Из записи видно, каким преданным и последовательным коммунистом был отец. Ни на минуту он не сомневался в правильности коммунистических идей, в идеях Ленина и Сталина.

Бедный отец, столь мудрый и столь же наивный! Он и не предполагал даже, что все гонения и преследования совершились по личному указанию Сталина, труды которого он так искренне советовал изучать своим близким.

Гости любили бывать в нашем московском доме. И отцу и

Нусратулло Максуму всегда хотелось, чтобы они услышали таджикские песни, увидели таджикские танцы. Особенно хорошо танцевали Хосиятхон и моя сестра Рафоатхон. И в семье Нусратулло Максума и в нашей семье дома было принято носить таджикскую национальную одежду.

В архиве Хосият Максумовны Максумовой сохранилась фотография, на которой изображены она с братом и я со своей сестрой. На мне мальчишеский халат из ткани пошии зангор — это традиционная ткань, из которой шьют халаты для мальчиков и юношей, на голове тюбетейка. И вообще я помню, что меня часто одевали в одежду для мальчиков.

Почему?

Наверное, отец, как и все мужчины, хотя и не признавался, хотел, чтобы в его семье рос сын — продолжатель его рода, его дела. Как-то я поинтересовалась у него, почему он просит маму одевать меня как мальчика. Конечно, свою сокровенную мечту он не раскрыл — ведь я не поняла его.

Но он мне серьезно ответил, что, одевая меня в одежду мальчика, хочет показать этим, что в семье все дети желанные — и девочки, и мальчики, и он мечтает и верит в то, что я буду во всем честной и смелой, как подобает быть каждому человеку и особенно мужчине, что буду всегда верна своему слову — ведь истинный мужчина во всем — и в большом, и в малом — должен держать свое слово. Таким был и сам отец.

Теперь, через много лет я иногда размышляю, правы или не правы те мужчины, которые непременно хотят, чтобы у них были сыновья. Хотя по большому счету все понимают, что это свыше, по решению судьбы определено, кто рождается в семье. И мне представляется, что мечта о мальчике, о сыне — это мечта о будущей опоре жизни, защитнике, с которым не страшны жизненные грозы. Размышляю над русским словом «замужем». Само оно обозначает, что мужчина, как стена, защищает жену, первый принимает на себя удары судьбы. Да, за настоящим мужем не страшны никакие горести. И в таджикском языке корень слова «мард» — мужчина — заключает в себе самые богатые оттенки, самые благородные определения.

Мужское слово во все времена было синонимом чести, не-преклонной верности данному слову.

«Оставаться мужчиной» — говорит Фазлидин Мухаммадиев в повести «Иад пропастью» («Варта»). И читателю ясно, что это выражение обозначает силу и мужество, непреклонность и умение выстоять перед любыми трудностями, все перенести во имя чести, погибнуть, но не нарушить своего слова. А сколько замечательных мыслей о мужской чести у классиков Востока, а также у наших современных поэтов!

С душевным волнением всегда перечитываю «Сказание о Хочбаре» Расула Гамзатова, в котором главный герой себе и любимой мысленно говорит:

Пусть без тебя мне будет в жизни моей темно,
Но я же дал слово горца. Слово мое железно.
Слова второго нету. Оно у меня одно,
Пусть без тебя не будет ни радости и ни счастья,
Пусть без тебя засохнут реки, сады, поля.
Можно меня разрезать надвое и на части,
Слова я не нарушу. На этом стоит земля.

И как прекрасно, что в этом изменяющемся мире всюду царит равновесие, что природа сама определяет все, и в ней все явления зависят друг от друга. И разве рождались бы на свет крепкие, как кремень, мужчины, отважные и благородные, если бы их такими не воспитывали женщины — нежные и слабые, в душе которых горит испепеляющая любовь к детям, преданность и верность близким, умение ценить благородство души? И нет у меня сомнений, что прав был отец и правы другие мужчины, с благодарностью к судьбе принимающие всех детей, кем бы они не были.

Испокон веков люди хотят видеть в своих детях воплощение своих идеалов и надежд. И отец мой, как все мужчины, хотел передать своим детям лучшее, что было у него, что есть в достойных людях.

Из гостей, бывавших в нашем доме, особенно хорошо запомнились мне Файзулло Ходжаев — председатель Совнаркома Узбекской ССР и Мумин Ходжаев, сначала постпред нашей республики в Москве, а позже нарком торговли Узбекистана.

Файзулло Ходжаев выглядел весьма элегантно. Его лицо, прекрасные темные глаза, зачесанные вверх волосы — все говорило об интеллигентности, высокой культуре.

Чаще же бывал в нашем доме Мумин Ходжаев. Он выделялся среди всех гостей не только своей одеждой — всегда отменно модной и красивой. Его отличала всегда и деликат-

ность, уважение к окружающим. Войдя в дом, он прежде всего подчеркивал свое почтение хозяйкам. Это выражалось и в жестах, и в словах, и в поступках.

Поистине можно сказать, что он был эталоном и восточной и европейской культуры. А европейской — потому, что в ней особенно высок культ почитания женщины. Ведь со временем средневековья в рыцарской литературе воспевался подвиг во имя женщины.

Во времена редких застолий отец сам играл на рояле. Ему очень хотелось, чтобы его дети серьезно изучали музыку. Ведь он сам был дилетант и выучился играть на рояле на лету. У него не было возможности по-настоящему изучать музыкальную теорию, хотя и играл он, на наш взгляд, замечательно.

К нам — детям — приходила учительница музыки, которая учila нас музыкальной грамоте. Моя сестра Рафоат делала серьезные успехи, я же особого интереса к занятиям по музыке не проявляла, гаммы мне казались очень скучными. Впоследствии, когда мы были в детском доме, на всех вечерах сестру просили играть на пианино. И она не только играла по памяти — у нее был и дар импровизации.

Очень радовало отца и то, что старшая дочь имеет талант и к живописи. Волшебный карандаш сестры в мгновение ока очерчивал людские фигуры, животных, различные предметы. И потом, став уже взрослой, где бы она ни работала, всюду лозунги, плакаты, стенные газеты просили рисовать и оформлять ее, и она неизменно занимала первое место на всех конкурсах. Но жизнь у сестры сложилась так, что под бременем домашних забот не было условий серьезно заниматься рисованием и музыкой. Как дань ее детским и юношеским увлечениям, у меня сохранилось два песенника, написанные и разрисованные ею. Это песни нашего детства и отрочества. Талант к живописи передался от нее второму ее сыну — Абдурасулу.

Но еще помнится мне, что отец не раз нам повторял, что способности и талант — это отлично, но самое главное быть всегда и во всем благородным, честным, человечным, что и талант много не значит, если он дан жестокому и злому человеку. Поистине — «гений и злодейство — две вещи несовместные».

Особенно любили мы вечерние часы, когда вся семья была в сборе. Иногда бывало, что отец не спешил к своему

письменному столу и до позднего вечера сидел с нами, рассказывая о книгах, об интересных людях.

Именно тогда узнавали мы, как неповторимо богата наша родная литература на фарси, в сокровищницу которой вложили свою лепту тысячи поэтов разных веков.

Удивительная память отца хранила колоссальное количество стихов. И он не только читал их, но и рассказывал об их авторах. С детских лет мы запомнили имена Рудаки, Фирдоуси, Хафиза, Саади и других классиков Востока.

И сейчас передо мною лицо отца, читающего строки Рудаки:

Бо сад ҳазор қас танҳой,
Бе сад ҳазор қас танҳой.

Ты одинок средь сотни тысяч лиц,
Ты одинок без сотни тысяч лиц.

А иногда отец читал стихи вполголоса как бы самому себе, даже когда в его руках была ручка и он что-то писал. Была у него и другая привычка: он любил тихонько напевать какую-нибудь мелодию, чаще всего на слова Хафиза.

Напевал он и грузинскую песню «Сулико». Из русских песен особенно часто, работая, едва слышно пел песню на стихи поэта Виктора Гусева:

Полюшко — поле,
Полюшко широко, поле.
Едут по полю герои,
Да, Красной Армии герои!

Я уже вспоминала о том, что отец любил нам рассказывать о выдающихся людях, о знаменательных исторических событиях. Не раз рассказывал он и о бесстрашном воине Тимур Малике. Рассказ о нем мы готовы были слушать бесконечное число раз. Помню, как взволновала меня судьба этого удивительного человека, перед мужеством которого долгое время не могли устоять враги.

На всю жизнь остался в памяти могучий, незнающий страха Тимур Малик, который с тысячью хужаццев бесстрашно сражался с 20 тысячами жестоких захватчиков Чингизхана. Рассказ отца о прощании героя с родным Худжандом, его борьбе против врагов до последней минуты жизни невозможно было забыть. И потом, став взрослой, я уже пересказывала своим детям историю об этом человеке изуми-

тельного мужества. Думаю, что в какой-то степени источником вдохновения для стихотворения Фарзоды послужил и рассказ ее деда, переданный мною:

ХОКИ ВАТАН

Киштие дар роҳи тӯфон сарнагун шуд,
Коми дарьё лаб ба лаб аз чӯши хун шуд.
Таҳтаи бишкастае то соҳили дур,
То Ватан Темурмаликро раҳнамун шуд.
Лек он чо, андар он соҳил Ҳуҷандаш
Ҳамчунон ёрест, к-аъёре рабуда.
Дар гиребон мекашад сарро фурӯтар,
Ин дам он, ки хуни мардияш бимурда.
Домани поки Ҳуҷанд ин лаҳзай шум,
Айшгоҳи ваҳшиёни бемакон аст.
Е худо, то кай дар ин дунъёй гардон
Тоҷик андар марзи худ бехонумон аст?!
Қалъаи ў оғарида тобад аз дур
Чун қабоҳои азодорон сияҳфом.
Мурда кайҳо оташи қудсии Зардушт.
Мекашад шаҳри варо зулмот бар ком...

...Ў ба ёсоҳил по ниҳоду маству бехуд
Бў кашид он хоки гарму ошпоро.
Бо нағасҳои ҳарису ташниаш хеш
Даркашид атри шиноси сабзахоро.
Бар замин ноҳун бисуду берун овард
Як кафи хоки ватанро ҳамчу ганҷе.
Чун кафи хоке нашуд ўро дар олам,
Оҳирин подоши ранҷу дастронҷе.
Пас ба сўи бекароне раҳ гирифт ў,
Дар кафаш хоке муқаддас ҳамчу фарзанд.
Хоки пайванде, ки дар гўри гарибаш
Мешавад бо ҷисми ў пайванд, пайванд...

ЗЕМЛЯ РОДИНЫ

Корабль во время бури перевернулся.
Простор реки наполнился кровью.
На разбитой доске до дальнего берега
Добрался до родины Тимурмалик
Но там, на том берегу, его Ҳуджанд
Подобно возлюбленной, врагом похищенной.
Голову низко опустив в воротник,
Молчит лишь тот, в ком не течет кровь мужчины,
Чистый простор Ҳуджанда в горестный час,
Стал пристанищем бездомных варваров,
О боже! До каких пор в этом меняющемся мире
Таджик на родной земле будет лишен приюта?
Крепость, построенная им, сверкает издали,
Как траурные черные одежды.

Давно уже потух священный огонь Зардушта,
Ташит его город мрак в свою пасть

...Он на берег ступил хмельной и сам не
свой от волнения,
Вдохнул знакомый ему горячий запах земли.
Жаждивым, жаждущим дыханием
Втунул в себя аромат знакомых трав.
Вонзил он в землю ногти и вынул
Горсть родимой земли — сокровище,
Последнее вознаграждение за труды и страдания!
Кроме горсти земли, для него в том мире
Ничего не осталось.
И потом он в неведомый путь отправился.
В ладони его, как ребенок, священная горсть земли,
Земля, что смеется на чужбине на его могиле
С его прахом, смеется, смеется...

Отец считал своим долгом находить время, чтобы бывать с нами в кино, театре и цирке. Мы, как и многие другие дети, были большими любителями кино и частенько, выпросив 10 копеек, бежали в кинотеатр «Ударник» на детские сеансы. Но наши походы в кино вместе с отцом были совсем другими. Особенно запомнилось, как мы смотрели художественный фильм «Цирк». Задолго до премьеры фильм широко рекламировался. И сейчас в своем воображении вижу огромные щиты афиш с названием фильма и лицом Любови Орловой. Если не изменяет память, именно тогда впервые появились и неоновые рекламы, которые сверкали всеми цветами радуги, привлекая всеобщее внимание.

Фильм отцу очень понравился. В тот вечер, когда мы вернулись домой, он долго говорил о нем. В голосе его слышалась гордость. Он искренне радовался, что наши советские режиссеры и актеры создали такой замечательный фильм. С большим интересом он говорил о Любови Орловой. С тех далеких лет все фильмы с участием Любови Орловой я в память об отце старалась посмотреть, а потом уже взрослой читала статьи и монографии о ее творчестве. Отец знал даже некоторые подробности, связанные с постановкой фильма. Теперь я думаю, что в бытность свою, работая председателем Совнаркома, он в полной мере понимал, как важно было развивать и таджикское киноискусство. И хотя стояли тяжелые времена, молодая республика нуждалась в деньгах. Ходжибаев считал, что нужно всемерно помогать развитию кино.

А еще хорошо помню кинофильм «Дети капитана Гранта»,

который мы смотрели вместе с отцом. Ему и нам особенно понравился Жак Паганель, роль которого играл Николай Черкасов. И долго еще после кино отец напевал:

Капитан, капитан, улыбнитесь!
Ведь улыбка — это флаг корабля.
Капитан, капитан, подтянитесь —
Только смелым покоряются моря!

В память о тех годах я и сейчас откладываю свои дела, когда по телевизору показывают кинокартины, которые мы смотрели вместе с отцом.

Незабываемым зрелищем были для нас и представления в театре. Когда мы смотрели «Три толстяка» Юрия Олеши или «Синюю птицу» Мориса Метерлинка, отец как будто бы забывал о своем возрасте.

Вместе с нами он весело хохотал, когда продавец воздушных шаров в «Трех толстяках» поднимался с ними в воздух, с нами он восхищался танцовщицей, мастерски танцующей на проволоке. А дома он рассказывал нам о народных представлениях во время праздника Навруз, когда таджикские канатоходцы — дорбозы идут, приплясывая по высоко натянутому канату с шестом в руках, чтобы сохранить равновесие. Это зрелище нам смутно помнилось по самым ранним детским впечатлениям. Благодаря рассказам отца многие из прежде забытого воскрешалось в памяти.

Здесь же в театре, в этом необычном и незабываемом чудесном мире сказок, запомнились из «Трех толстиков» гимнаст Тибул, оружейник Просперо, доктор Гаспар, девочка Суок.

Неизгладимое впечатление оставил и спектакль «Синяя птица». Вместе с отцом мы радовались, что герои этой мудрой сказки брат и сестра, многое пережив, все-таки нашли птицу счастья. Не забыть великолепные декорации спектакля. Густой синий цвет, которым была освещена сцена!

Особенно много внимания отец уделял нам во время летних каникул. Ведь летом и в Москве бывают такие дни, когда там почти так же жарко, как и у нас в Таджикистане. Но на московских улицах, одетых в асфальт, не побегаешь босиком по зеленой траве, не заберешься на дерево. И в годы нашей московской жизни родители старались, чтобы

мы проводили лето в деревне или в санатории. И то, и другое нам было по душе. Мы и сами не знали, чему отдать предпочтение и с нетерпением ожидали начала каникул.

В отпуск отец не брал с собой книги и бумаги, что нас беспредельно радовало. Один год мы отдыхали в санатории в Сочах, еще одно лето нам посчастливилось провести в Ялте. Родители хотели, чтобы мы, не привыкшие еще к московскому зимнему климату с его снегами и морозами, к дождливой хмурой осени, хотя бы летом немножко закалились, купаясь в море, бегая босиком.

Отец научил нас плавать. Сам он был отличным пловцом — ведь городской двор нашей дедушки был расположен недалеко от Сыр-Дарьи, и в раннем детстве наш отец часто проводил часы с соседскими мальчишками на берегу реки. Искусно он управлял и байдаркой, а мы, сидя в ней, рассматривали рыб и цветных медуз. Камни и ракушки тоже интересовали отца. Вместе с ним мы рассматривали их, отбирая самые красивые. В Москву мы обычно возвращались с довольно большой коллекцией камней и ракушек.

Особенно интересно было с отцом, когда вместе с нами с какого-нибудь пустынного высокого берега он любовался дельфинами и рассказывал нам об их привычках и поведении. Вообще он хорошо знал повадки животных и насекомых. А однажды погода испортилась. На море разыгрался штурм. Но отец повел нас к морю, и мы долго стояли, не сводя взгляда с разбушевавшихся волн.

Года два — точно не помню — мы проводили каникулы в русской деревне. Отец каждый день водил нас на прогулки, и мы с удивлением рассматривали поле льна или конопли, или шли в лес по ягоды и грибы. Хотя отец был несколько плотным человеком, он двигался всегда легко, ловко выполнял любую работу. Мы с сестрой наблюдали, как он косит траву. Нам он казался заправским косарем — коса была послушна его рукам. И когда кто-то из колхозников одобрительно отзывался о его работе, нам это было очень приятно. Ведь мы знали, что в Таджикистане чаще траву не ксят, ее срезают серпом. Но отец, с детства привыкший к любой работе, быстро освоил и косьбу.

Помню, как на высоком возу, на который были уложены снопы льна, мы ехали сдавать его на какой-то колхозный ток, а отец нам рассказывал о том, как применяется лён в народном хозяйстве — ведь он был экономистом. После

его рассказа эпитет «льняной» приобрел для меня конкретное звучание. Когда я читала или слышала: «льняное полотно», «льняные кудри», «льняное масло», я воочию представляла льняное поле или льняные снопы, на которых мы ехали в то далекое деревенское лето.

Последнее лето нашей московской жизни мы проводили без отца. Мы знали, что время его учения подходило к концу, и ему необходимо завершить большую работу. Всю эту зиму он особенно много занимался. Все меньше шутил, смеялся, был почти всегда сосредоточенным. Это теперь я знаю, что год 1937-й был самым тяжелым в его недолгой жизни.

В институте Красной профессуры, где он учился, проходили заседания и собрания, на которых он подвергался резкой критике.

Историки Шариф Рахимович Джалилов и Абдусалом Кадырович Кадыров изучили в архиве протоколы собраний, на которых обсуждалось поведение Абдурахима Ходжибаева, и подвергался критике его реферат «Стахановское движение и производительный труд». На всех собраниях упоминалось, что в нем содержатся грубые политические ошибки.

Особенно часто по этому поводу отмечалось, что в рефере чувствуется влияние идей Бухарина.

С Бухарином действительно отец был знаком. Еще в 1936 году, когда Николай Иванович собирался совершить путешествие на Памир, он расспрашивал всех своих знакомых о Таджикистане. Отец, прекрасно знавший Памир, мог многое рассказать ему. Поэтому критиковавшие отца действительно имели основание говорить об их встречах и беседах.

Итак, отец оставался в Москве, а нас отправил вместе с семьей Нусратулло Максум отдыхать в санаторий.

Было начало или середина июня. Помню московский перрон. Поезд вот-вот должен тронуться. Мы радостно взволнивали и заранее предвкушаем все удовольствий, которые нас ожидают — купание, игра, мороженое.

Последний гудок, и вагоны медленно двинулись. Мы с мамой стоим у открытого окна. А отец идет по перрону, улыбаясь, подняв руку в прощальном жесте.

Больше мы его никогда не видели. Таким запомнился он на всю мою жизнь: высоким, загорелым, улыбающимся,

уверенным в себе, идущим по перрону в ослепительно белой сорочке.

А потом маме сообщили страшную весть: ее муж в Москве арестован.

Арестован был здесь же в санатории и друг отца, его соратник Нусратулло Максум, о котором отец мог бы сказать, как Пушкин говорил о своем друге Кюхельбекере:

«...Мой брат родной по мозе, по судьbam ...»

Или же как о Пушкине, тоже декабристе:

Мой первый друг, мой друг бесценный...

Документы свидетельствуют, что и Нусратулло Максум был арестован так же, как и отец 8 июля. Судьбе было угодно, чтобы многие радостные, а также трагические события в их жизни происходили в один и тот же день.

Да, так, несомненно, и должно было случиться. Столько лет они работали вместе, рука об руку, потом жили вместе в Москве в одной квартире, были опорой друг для друга в эти долгие годы. Но они никогда не сомневались, что правда восторжествует, потому что знали, что перед Таджикистаном, своим народом и, конечно же, перед коммунистической партией кристально чисты.

Трудно представить себе те горестные мгновения, когда отец один, в пустой квартире, окруженный чужими, незнакомыми людьми, видящими в нем опасного врага, прощался со свободой.

Неизбытная боль точит сердце, когда мысленно представляю себе эти обстоятельства. И хотя я даже не предполагаю, в какое время суток это совершилось, я вместе с Анной Ахматовой повторяю ее горькие строки из «Реквиема»:

Уводили тебя на рассвете...

А может быть, это произошло при других обстоятельствах.

В книге Камиля Икрамова об отце есть примерное описание того, как происходили аресты в доме, где мы жили:

«В тридцать седьмом мрачные эти корпуса с сумрачными дворами стали пустеть как от чумы. Ночью приезжали машины, и... Тогда же дом этот стали называть крематорием, а еще — Эльсинором. Поскольку жители Эльсинора были людьми крупными, арестами и обысками в квартирах руководил высокий чин НКВД...

Берман, который проводил аресты в Эльсиноре, являлся,

как положено было, ночью, всегда в строгом черном костюме и с длинным «пушкинским» ногтем на маникюре. Он был безукоризненно корректен и столь же безукоризненно безжалостен». (1)

Курбон Аламшох в своей книге, посвященной Шириншо Шотемуру, «Кучое бошам, бо точикон бошам» / «Где бы ни быть мне, но быть с таджиками», Душанбе, Ирфон, 1999/, пишет о том, как горестно переживал Шотемур арест Ходжибаева и Нусратулло Максума, считая их кристально честными коммунистами. В то же время он отлично понимал, что выступать в их защиту бесполезно, поскольку обвинения против них были очень тяжелыми.

Теперь, разумеется, ни о каком отдыхе нельзя было даже и помышлять. Надо было срочно возвращаться в Москву. Когда мы приехали, оказалось, что квартира опечатана. Нужно было особое разрешение, чтобы войти туда. Маме пришлось долго бегать, прежде чем сняли сургучные печати с входных дверей и дверей одной из комнат квартиры.

Началась трудная тревожная жизнь. Иногда мама пропадала целыми днями. Мы понимали, что она добивается свидания с отцом, разрешения на передачи ему. Но по виду ее мы видели, что все бесполезно: уставшая, печальная, возвращалась она домой. Но надо было держаться, надо было заботиться о детях. Как жить дальше? Ведь нужно было платить и за квартиру, и кормить детей. И опереться ни на кого больше было нельзя.

А. М. Ларина—Бухарина рассказывает, что когда ее поселили в доме, где жили и мы, первый неоплаченный счет она послала с запиской Калинину: «Михаил Иванович! Фашистская разведка не обеспечила материально своего наймита—Николая Ивановича Бухарина, платить за квартиру не имею возможности, посылаю Вам неоплаченный счет.» (1)

Наша мама, конечно же, не могла даже и подумать о подобном шаге—она не забывала ни на минуту, что отныне лишь она в ответе за детей, что у них нет других защитников.

1. Икрамов Камиль. Дело моего отца. М.: Советский писатель, 1991, стр. 152.

1. Ларина (Бухарина). А. М. Незабываемое, стр. 150–151.

К тому времени она уже окончила рабфак. И решила срочно устраиваться на работу. Это была какая-то ли швейная, то ли ниточная фабрика, но потом, когда я пытались выяснить, где она была расположена,—нам нужна была справка о ее трудовой деятельности для приобщения к документам для пенсии — мама не вспомнила ни ее точного названия, ни места ее расположения.

Возвращалась она с работы обычно усталая и грустная. Но держалась очень стойко.

Помню, как зашла к ней вечером одна ее приятельница —тетя Валя — фамилию ее я забыла. Мама велела нам ложиться — было уже время сна. И я, воспользовавшись тем, что у нее гости и, следовательно, она занята ею, улеглась в платье, в котором ходила целый день. И сейчас помню, как сердито меня отчитывала мама за мой проступок, я же никак не могла понять своей вины. Заступничество гости не помогло. Это теперь я понимаю, что разрешить детям нарушить обычный порядок жизни означало для нее бессилие, покорность всему происходящему. А она верила, что все должно измениться, что правда восторжествует, что человек не имеет права опускаться! Не зря в эти тяжелые дни, когда изредка она ставила патефон, наряду с таджикской классикой, звучал и романс «Сомнение» Глинки на стихи Е. Баратынского:

Минует несчастное время,
Мы снова увидим друг друга...

Его мелодия и сейчас разрывает мое сердце.

А потом в один из мартовских почек новый удар судьбы —на наших глазах уводили маму, без которой мы не мыслили ни одного дня своей жизни.

Помню, как она уходила — гордо, не плача, хотя, понятно, сердце ее истекало кровью.

А разве могло быть иначе? Ведь для любой матери разлука с детьми даже на несколько дней — это вечная тревога.

А здесь неизвестность, здесь разлука, может быть, и на всю жизнь. Она только поцеловала нас и сказала:

— Не горюйте. Скоро мы все будем вместе. И отец, и я с вами.

Все долгих девять лет, которые мы не виделись с нею,

она возникала в моем воображении бледная, с блестящими, взъерошенными глазами, в сером коверкотом пальто с черным котиковым воротником, которое с такой любовью выбирал ей в магазине отец всего только год назад.

Военные, оставшись с нами, быстро побросали в два чемодана вещи, которые попадались им под руку и повезли нас в детский приемник, откуда потом определили в детдом.

Но долгие — долгие годы разлуки с матерью все — таки миновали. И вот летом 1946 года она вернулась из лагеря. Она ничего не рассказывала о своей тамошней жизни, и мы тоже не надоедали ей своими расспросами. Мы хорошо понимали, что нельзя бередить ей душу, что боль и печаль её неизбывны. Когда-то ее каштановые роскошные волосы стали, как лунь, белыми, хотя ей было всего 40 лет. Но глаза, лучистые и смелые, ее прекрасное лицо остались прежними.

Поселились мы в домике у нашей второй тети Бикамбар. И хотя были и люди, которые сторонились нас и делали вид, что не знают, что это жена и дочь Абдурахима Ходжабаева, — сестра в это время уже вышла замуж — было много и других, которые предлагали свою помощь, стремились оказать нам внимание.

Буду всегда с благодарностью помнить мужа моей двоюродной сестры Нуринисо — Таджибая Болтубаева, тогдашнего начальника лита в Ленинабаде — многие знают его как заслуженного ветерана таджикской кооперации, который в военном 1944 году послал нам с сестрой вызов и деньги на проезд, когда мы были в детском доме в Мордовии.

Хочу добрым словом вспомнить директора Ленинабадского женского учительского института Хосият Касымовну Бабаеву, ныне профессора, доктора исторических наук. Когда два—три преподавателя предложили, чтобы мне, как студентке—отличнице, назначили Сталинскую стипендию, она не побоялась утвердить на ученом совете это решение, хотя оно и было чревато последствиями для нее самой — шел 1946 год.

Вспоминаю добрым словом дальних и близких родственников, друзей семьи, которые, узнав о возвращении нашей матери, поспешили к ней с предложением своей помощи.

Вспоминается брат нашей бабушки по отцу Сангинбой Сулайманов, сын которого Абдулахай Сангинович много лет

работал ректором Таджикского политехнического института. Явившись к нам, он внимательно осмотрел кибитку и, обнаружив, что в ней нет печки, сам вызвался сложить ее. Заходил к нам через несколько дней после нашего переезда наш дальний родственник — замечательный и отзывчивый человек корипочко Домуллочон Гиясов, к семье которого я и сейчас испытываю самые теплые чувства. Сын его Сайдгафур работает инженером — газовиком, еще один сын — Сайдзухур — водитель, третий — Азамат — инженер — строитель.

— Чем я могу вам помочь? — поинтересовался он.

И хотя мама уверяла его, что мы ни в чем не нуждаемся, он привез нам мешок муки, что было для нас неслыханным богатством.

Товарищ отца Абдукарадырходжа Мансурходжаев помог приобрести электрический счетчик.

Буквально через несколько дней после приезда матери у нас побывала жена Мумина Ходжаева — Шарофатхон с дочерью Мавджудой, ныне профессором Мавджудой Муминовой Абдувалиевой, с которой нас связывает многолетняя творческая дружба. Шарофатхон в те годы заведовала артелью надомного труда и предложила маме вступить в нее. Помню, как несколько месяцев мама шила мужские сорочки из ткани, которую ей выдавали в артели. Какое-то время эта работа была существенным подспорьем в нашем скучном семейном бюджете.

И сколько других душевых и замечательных людей облегчили нам в ту пору такую трудную и полную лишений жизнь.

А жизнь была трудной прежде всего потому, что надежды на возвращение отца с каждым годом таяли.

Мы все ждали и ждали, а судьба его была нам неизвестна. Трудно нам было от того, что на нас было клеймо детей «врага народа», потому что в статьях встречались такие термины как «Ходжабаевщина», а сам отец назывался буржуазным националистом. Но были дни, когда надежды воскресали, и жизнь виделась совсем другой.

Так, однажды к нам зашел приятель нашего родственника и соседа, которого звали Абдурасул — фамилию его я не знаю. Он был радостно взволнован. Маме он сказал, что один из его друзей рассказал ему о том, что с Дальнего Востока вернулся из лагерей человек, который видел

там таджики, очень похожего на Ходжибаева, и этот таджик работает там директором электростанции. Он не скрыл, что по словам его знакомого, у того таджики есть жена и дети.

Мы забросали его вопросами, но Абдурасул—амак не сумел ответить на многие из них:

— Я спешил скорее к вам, хотел сообщить радостную весть. Обещаю завтра все подробно узнать и обо всем рассказать вам.

Ох, какой же длиной нам показалась эта летняя ночь! Ни мама, ни я до самого рассвета не могли сомкнуть глаз. Неужели это правда? Неужели отец жив, и мы вновь можем увидеть его? В своих мечтах мы были уже в поезде, который мчал нас на Дальний Восток.

Правда, смущало нас то, что все это долгое время не было от него ни одной весточки. Но мы успокаивали себя тем, что вынужденный жениться и, имея других детей, он не осмеливался нам писать.

Но какое это имело для нас значение по сравнению с тем, что он жив, что можно снова увидеть его, услышать его голос?

Наконец, в воротах нашего двора показался Абдурасул—амак. Он был чем—то смущен. От вчерашней его оживленности не осталось и следа. И, конечно, мы все сразу поняли.

Если бы отец был жив, неужели он не дал бы о себе знать, неужели не поинтересовался бы судьбой своих отца, и матери, жены и детей?

Еще через несколько лет до моей сестры дошло известие о человеке, приехавшем из дальних мест и видевшем якобы там Абдурахима Ходжибаева. Ни дня не медля, сестра с сыном поехали к нему. И снова, как прежде...

С глубоким сочувствием и пониманием этот мужчина говорил:

— Нет, это был другой человек, Вашего отца я видел как—то на митинге. Запомнил его лицо.

После возвращения мама устроилась работать на стеклоторный завод простой рабочей — я в это время училась в Ленинабадском пединституте, и кто—то должен был работать, чтобы содержать семью.

Работа была нелегкой. Особенно тяжело было работать в третью смену. А путь домой был неблизкий — мы ведь жили недалеко от базара «Пандшанбе», а стеклоторный завод был расположен на окраине города. Транспорт в те

годы не работал. Но особенно тяжело, думаю я, было для матери то, что она каждый день проходила по улицам, где когда—то ходила юной и счастливой с горячо любимым человеком. Однако другого выхода не было. Но как только я окончила институт, сразу настояла, чтобы мама перестала работать. Все же мама, сидя и дома, все время чем—то занималась. Мое учительского заработка разумеется, не хватало — ведь нам приходилось начинать с нуля. И мама то принималась вышивать на продажу тюбетейки и румолы, то вместе с соседской девочкой и родственницей Махфират Юсуфджановой — печь лепешки на базар.

Все, как и прежде, спорилось в ее руках. Лепешки были отменными, пирожки — вкуснейшими.

И характер оставался прежним — боевой, иногда даже зядиристый. Но речь и поступки всегда мудрые, отношение к людям ласковое, приветливое. Недаром к ней так тянулись люди: соседи, племянники, дальние родственники, таджики, русские и люди других национальностей. Многие из этих людей мне хорошо запомнились.

Помню, как несколько раз на неделе забегала режиссер русского драматического театра Олимпиада Валентиновна Лабунская. Эмоциональная, всегда взволнованная, она всеми своими помыслами была только на сцене. Казалось, что кроме театра, для нее ничего больше в жизни не существует. Она постоянно рассказывала маме о спектаклях, в которых играла в Москве. А здесь она ставила спектакль «Женитьба Бальзаминова», «Ревизор» и, конечно же, мы с мамой были на их премьере.

После разоблачения культа личности она уехала жить в Москву. Перед отъездом она пришла попрощаться с мамой, оставив ей на память сиюю лампу.

Интересным маминым собеседником была и Вера Федоровна Толь. Высокая, стройная, весьма привлекательная, она привыкла руководить — была директором театра. С ней интересно было говорить обо всем в жизни. Вера Федоровну и сейчас вспоминаю, когда беру в руки объемистые книги, которые она подарила маме: «Тихий Дон» Шолохова и «Собрание сочинений» Маяковского.

Частой гостьей нашего дома была и Лидия Викентьевна — фамилию ее я забыла. Она служила в каком—то учреждении бухгалтером, но у нее была артистическая душа. Главное для нее была музыка. Лидия Викентьевна была

обладательницей пластинок старинных русских романов. Каждый раз она приносила к нам в дом эти пластинки, и мы втроем слушали их. Уезжая из Ленинабада, она принесла нам на память пластинки. И хотя сейчас почти никто не слушает патефон, я храню эти пластинки как память об оригинальном душевном человеке.

В доме всегда было много и других гостей. Особенно преданным маме был племянник Абдурауф Турсунов. Вплоть до последнего дня ее жизни, живя в кишлаке и имея пятерых детей, он каждую неделю находил время навещать ее. Помню, как часто мои тети приходили в гости вместе со своими соседками и как быстро пролетали часы в разговорах о прошлом и настоящем.

Я думаю, что гостей привлекала именно личность нашей мамы.

До последних месяцев своей жизни она старалась быть нужной: полола траву на югородце, выращивала цветы, чтобы людям было чем полюбоваться в нашем дворе, наставляла на том, чтобы в хлеву были всегда хотя бы две овцы — ведь жалко выбрасывать остатки от зелени, фруктов, имеющиеся в каждом доме. А труд полезен каждому человеку в любом возрасте — повторяла она.

Эту традицию в нашем доме мы и сейчас стараемся соблюдать, хотя и других хлопот всегда хватает.

Столько пережив, увидев столько людской неблагодарности, мама не потеряла веру в людей, в жизнь. Трем моим дочерям с детства она привила любовь не к модным прическам, а к традиционным «сорока косичкам», которым раньше отдавали предпочтение все таджички. Вплоть до окончания института и потом девочки ходили, заплетая свои волосы в косички.

Специально для внучек мама просила своего зятя каждую весну сеять усыму и хну. Радость детей всегда вызывала радость и у нее.

Мама старалась соблюдать старые обычай, быть верной заветам старины, но когда нужно было, она всегда стояла за новое. Помню, моя средняя дочка Матлуба вдруг загорелась мыслью — научиться водить автомашину. Незадолго перед этим мы решили купить машину, чтобы осенью во время сбора хлопка, когда ученики и студенты ездят помогать колхозникам, иметь возможность навещать дочек. Мой муж не возражал, чтобы дочка управляла машиной,

Я же была категорически против. Но здесь решающее слово сказала бабушка:

— Пусть учится ездить на машине. Ничего страшного нет, если будет соблюдать правила.

Так наша Матлуба стала учиться на курсах водителей и овладевать мастерством вождения.

Такой же решительной мама была, когда после окончания института Матлуба решила учиться в аспирантуре и остановила свой выбор на институте мировой литературы имени М. Горького в Москве.

Теперь нейтральную позицию занял мой муж, я тоже колебалась. С одной стороны, у дочки чувствовались способности к литературоведению и критике, но с другой стороны, мучили сомнения: как молодой девушке жить одной в чужом городе, да еще после окончания периферийного вузов? Где будет она жить? Справится ли с трудностями?

Мама же твердо сказала:

— Если она хочет учиться и связывает свою дальнейшую судьбу с наукой, пусть едет и попытает свои силы.

Наша Матлуба отлично выдержала все вступительные экзамены и, преодолев конкурс, была зачислена в аспирантуру.

Мама же, не скрывая своей радости, говорила:

— Пусть будет такой же ученой, как и ее дед.

В характере нашей мамы неразрывно слились, с одной стороны, старинные традиции простого народа, с другой же стороны, новое, что входило в жизнь — ей не чуждо было и все прогрессивное, что, по ее мнению, могло быть использовано и современными девушкиами и юношами.

Так же, как и наш отец, она всегда была внимательна к людям, особенно к своим внукам. Она не забывала поздравить их с днем рождения, с окончанием школы или института, с другими важными событиями в их жизни. Такая же внимательность отличала ее и в отношениях к соседям, знакомым, всем тем, кто бывал в нашем доме.

Прожив печальную, трудную жизнь, она никогда не жаловалась ни на кого, и ни одного слова упрека я от нее не слышала.

Став из жены председателя Совнаркома простой работницей, она сохранила свое обаяние, ясность ума, нравственную чистоту, бодрость, любовь и интерес к жизни.

Последние месяцы ее жизни были особенно печальны.

Упав, она повредила ногу и уже не могла встать с постели. Младшая внучка ее читала ей в эти дни Фирдоуси, Джами, Байрона.

Но все—таки последние годы своей жизни наша мама жила спокойно и счастливо, если можно так сказать о человеке ее судьбы. Да, все у нее было: любящие дети, зятья, внуки, забота и любовь близких.

Но ведь не хлебом единим жив человек.

Для человека любого возраста и особенно пожилого, власть воспоминаний особенно сильна. Но мама никогда не была пессимисткой и принимала реальную жизнь такой, какой она была. Ее зятья были внимательными и заботливыми людьми.

Старший зять Абдурашид Маджидов работал ответственным секретарем сельсовета Унджи и преподавал историю в средней школе. Каждый раз, приходя навещать тещу, он уже у ворот громко приветствовал ее. Двор мгновенно наполнялся его громким заразительным смехом, искренним голосом. Его жизнерадостность сразу же передавалась окружающим.

С открытой душой он относился ко всем, и наша мама очень ценила в нем эту искренность и жизнерадостность, внимание к людям, желание им помочь.

Он умер, едва достигнув сорока лет, исполняя свой служебный долг, и его смерть была для семьи истинной трагедией.

Многие годы мама жила с моей семьей. Мой муж—Ходжаев Юнус Рустамович — был историком и преподавал в Худжандском медицинском училище философию и обществоведение.

Я без всяких сомнений могу утверждать, что он сделал все, чтобы старость мамы была безоблачной. О ней он заботился, как родной сып. И поэтому, когда кто-либо рассказывает анекдоты о тещах и зятьях, я их воспринимаю как веселую шутку. Ведь наша мама всегда относилась к своим зятьям так же, как и к собственным дочерям. При решении каких-либо семейных проблем мама очень часто безоговорочно принимала сторону зятя. В ответ он платил ей искренней любовью и уважением.

Выросший в простой трудовой семье и вынужденный с детства заботиться о куске хлеба, мой муж был весьма

деликатным человеком. В нашей семье никто ни разу не слышал, чтобы он повысил голос, кого-то обругал. Как бы ни складывались обстоятельства он всегда старался держаться спокойно, был корректным и внимательным.

Теперь по истечении нескольких лет после его смерти все чаще думаю, как важно в семейной жизни, чтобы глава семьи — отец всегда был на высоте. Не забуду, как в начале нашей семейной жизни, муж, узнав, что мама очень любит полонез Огинского, специально разучил его и играл для нее на пианино.

Думаю, что несмотря на скромный образ жизни нашей семьи, маме душевный комфорт был обеспечен.

В дни, когда отмечалось 90 летие со дня рождения Абдурахима Ходжибаева, моя дочь Матлуба писала о бабушке:

«Она была символом благополучия нашего дома. Сама ухаживала за овцами, смотрела за садом, полола морковь, выращивала другие овощи. Пекла лепешки.

Наш детский мир был наполнен ее сказками, песнями, советами и замечаниями, ее искренним смехом. Она делила с нами все наши радости и горести.

Помню мой первый школьный день. Когда я вернулась из школы, она спросила:

— Какую отметку ты получила?

— Четыре.

— Я буду молиться, чтобы ты всегда получала только пятерки, — говорила она, и на самом деле все было потом именно так.

Сейчас я хорошо понимаю, что эти «груды» пятерок не очень-то помогают решать жизненные проблемы. Но бабушка — то постигла, что эти пятерки ее наивной внучке приносят великую радость.

Недавно я была на кладбище. Весна рассыпала на ее могиле свежие травы и цветы. Сердце мое звало ее, взгляд мой искал ее. Бабушка моя! Солнце моего радостного, наполненного надеждами детства! Наперница моей юности!

Она не знает, что прошло уже семь лет, (1) и завеса упала с тайны. Что память о благородных деяниях ее мужа, что был полвека в бездне забвения, воскресла». (2)

Несколько стихотворений посвятила памяти бабушки младшая внучка Фарзона:

Дар таҳи ток,
Шоҳи райхон аз бандигӯшт ҳамоил,
Кӯзай пушт аз сари дӯшт ҳамоил.
Дар ду тори дидат оҳангӣ ҳасрат менишастӣ,
Бо ҷавониҳои худ саргарми сӯҳбат менишастӣ.
Навҷавонӣ ҷониби ту дидар медӯҳт
Аз паси симхорҳои панҷара.
Дар қадомин мазра дур аз ҷашми модар
Мечакид ашқи ятимиҳои ду охубара.
Дар қадомин ҳавлгоҳи зулматистон
Ери рӯшантинататро кушта буданд.
Дар қадомин дашти мурда
Лолаҳои аргувонӣ қишина буданд.
Орзуҳои туро ҳоку ҳун оғушина буданд.
Бо ҳаёли навҷавонӣ дар таҳи ток,
Мезадӣ сӯзан ба рӯймонузи нақши ҳуни ў,
Лолаи нав зинда мешуд.
Дам ба дам чун риштai абрешими
Риштai нури ду ҷашмат қанда мешуд.
Фориг аз сӯзи дарунат,
Дар барат чун мағзи донак як набера ҳуфта буд.
Беҳабар будӣ, ки ӯ мегӯяд оҳир
Дарду дөгеро, ки дар модаркалон ногуфта буд...

Ветка райхона качается за твоими ушами,
Годы согнули твою спицу.
В нитях твоих глаз мелодия печали.
Со своей молодостью ты разговариваешь наедине.
Твоя юность смотрит на тебя
Из-за проволоки решетки.
В каких-то далеких местах, вдали от материнских глаз,
Капали сиротские слезы двух олененков,
В какой-то ужасной темнице,
Погубили твоего излучающего свет друга,
В какой-то мертвый степи
Посеяли пурпурные тюльпаны.
Смешали с кровью и прахом твои мечты.

1. Мама умерла в 1983 году.

2. Ходжаева Матлуба. Воплощение боли //Хакикати Ленинобод, 1990 г. 6 июня.

С думами о молодости под виноградником,
Вышивала ты румол и от узора его крови
Рождался новый тюльпан.
Временами как шелковая нить,
Обрывалась нить твоих глаз, не потерявших
ещу надежду.

Не ведая о твоей печали,
Прижавшись к тебе, как зернышко в миндале,
Спала твоя внучка,
И ты не знала,
Что ей суждено
Поведать боль души бабушки,
Оставшуюся непростой.

Шли годы и с ними исчезали мечты и надежды на возвращение отца. Но вот прошел знаменитый июньский (1956 г.) пленум партии, на котором Н. С. Хрущев выступил с докладом о культе личности Сталина. И только тогда многое стало явным. Только тогда раскрылся тот чудовищный клубок клеветы, злобы, который опутал многие тысячи и миллионы честных людей, веривших в святое слово вождя, готовых ради воплощения его идей отказаться от всех благ жизни.

Осенью 1957 года на один из наших запросов пришел ответ. Это был день, который невозможно забыть. Кажется, за все эти годы, начиная с 1937 года, можно было привыкнуть к мысли о том, что в перспективе о судьбе отца мы ничего обнадеживающего не узнаем. И все же, все же...

Все точки над «и» были теперь поставлены. Именно тогда — в 1957 году в бумаге точно и непреклонно было написано об отце — реабилитирован посмертно.
Жизнь его оборвалась 25 января 1938 года.

Вспоминая тот поистине для меня трагический день, читаю про себя строчки Павла Антокольского:

Прощай, поезда не приходят оттуда,
Прощай, самолеты туда не летают.
Прощай, никакого не сбудется чуда,
И сны только снятся нам,
Снятся и тают...

Да, только в снах отныне можно было увидеть живого отца — молодого и полного жизни, зпающего обо всем и

1. Румол — поясной платок.

прочитавшего, кажется, все книги, доброго и строгого, заботливого и бескомпромиссного.

Утешало лишь одно: отец — честный человек, он не враг народа и не буржуазный националист, как о нем говорили все эти годы.

Шло время, уходили в небытие люди, которые знали отца, делили с ним его заботы, вместе с ним поднимали республику на ноги. Однажды один из преподавателей института в разговоре со мной сказал, что недавно в гостях он слышал разговор, вызвавший у него недоумение. Мужчины говорили о том, что Ходжибаев Абдурахим не реабилитирован в партийном отношении, потому что никто не обращался с заявлениями по этому поводу.

Моему удивлению не было границ. Я ведь даже и не подозревала, что существует и такая реабилитация и что ее тоже нужно добиваться.

Тут же мною было написано письмо. Помню июльский день 1967 года. Я читала заочникам лекции, когда мне сообщили, что меня вызывают в горком партии. Секретарь Ленинабадского горкома Рифат Ходжиневич Ходжинев дал мне подписать бумагу. Теперь я могу привести ее полностью:

15 июля 1967 года

Строго секретно

Выписка из протокола № 51
заседания Бюро ЦК КП Таджикистана от
14 июля 1967

Заявление Ходжибаевой Б. А. о партийной реабилитации (посмертно) ее отца Ходжибаева Абдурахима, состоял членом ВКП(б) с января 1920 года, партбилет № 1343349 (погашен). До декабря 1933 года работал председателем Совнаркома Таджикской ССР, затем по июль 1937 года учился в Экономическом институте Красной профессуры в г. Москве.

Реабилитировать Ходжибаева Абдурахима в партийном отношении посмертно.

Секретарь ЦК КП
Таджикистана

(Д. Расулов)

Для меня эта секретность была совершенно непостижимой.

ма. Понятно, что в свое время были допущены неоправданные ошибки. Но в назидание будущим поколениям люди должны знать о них, чтобы больше их не повторять.

История каждой человеческой жизни, независимо от того, кем был человек, интересна сама по себе и может быть специальным предметом изучения. И, конечно же, история жизни целой когорты представителей поколения, стоявшего у истоков государственности Таджикистана — неизменно вызывает острый интерес.

Нам, жителям Таджикистана, хотелось бы больше знать, какие это были люди, какими чертами характера они обладали. Их взлеты и падения, их обретения и потери, их победный и одновременно мучительный жизненный путь — все это может стать крупницей личного опыта каждого.

На заре Советской власти американский полковник Раймонд Робинс, который был в 1917—1918 годах в Петрограде и имел непосредственную возможность встречаться со всеми членами молодого советского правительства, писал:

«...Совет Народных Комиссаров, если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире.» (1)

А таким был кабинет наших министров — наркомов Таджикистана? Ведь все они были яркими, незаурядными личностями. Думается, что такой труд имел бы определенный интерес не только для историков и политологов, но и для всей читательской общественности, для всех, кому дорога история родного народа.

Только в конце 80-ых и в начале 90-х годов в эпоху гласности и становления нового мышления появилась серия статей, посвященных людям, имена которых долгие годы были под запретом.

И только тогда открылась вся степень злобы и клеветы, которая обрушилась на этих людей.

В чем же обвинялся отец? За что он заплатил самым дорогим, что есть у человека — жизнью и честью?

В заключении военной прокуратуры по делу Абдурахима Ходжибаева (дата не проставлена) читало:

1. А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. М.: Изд. политической литературы, 1991, стр. 4

«Приговором Военной Коллегии Ходжибаев признан виновным в том, что он с 1928 года являлся одним из руководителей антисоветской буржуазной националистической диверсионно — террористической организации, существовавшей в Таджикистане и ставившей своей целью свержение советской власти и создание в Таджикистане буржуазного государства под протекторатом одного из капиталистических государств. Являясь агентом разведки одного из иностранных государств, до дня ареста активно занимался шпионской деятельностью против СССР, кроме того, Ходжибаев готовил вооруженное восстание, руководил вредительской деятельностью в сельском хозяйстве и промышленности и совместно с другими участниками организации подготовлял террористические акты против руководителей партии и советского правительства.»

Даты допросов, на которых отец дважды признает себя виновным, а потом на других допросах заявляет, что был вынужден под давлением давать такие показания, свидетельствуют о том, какой страшный путь проходили арестованные, какие муки, не только физические, но и душевые приходилось им переживать.

Так, отец вынужден был вначале заявить что был завербован в антисоветскую организацию секретарем ЦК КП(б) Таджикистана Гусейновым в 1932 году.

Но идут дни, грядут новые допросы, следователи требуют новых признаний, и он уже заявляет, что был завербован в контрреволюционную организацию Сахадмурадовым в 1918 году, то есть восемнадцатилетним пареньком.

Как тяжело читать такие документы тем более, что мы очень хорошо представляем себе всю механику допросов тех лет.

Обвинения все признаны бездоказательными и опровергнуты, проверкой установлено, что Ходжибаев осужден необоснованно.

Но на страницах документов сохранились и имена клеветников, доносчиков. Их отец знал им, наверное, доверял и не знал, что они предатели, что руки, которые он пожимал, это были руки злых врагов. Но как бы то ни было, бесконечно радует и волнует сердце мысль о том, что все — таки большинство людей всегда верили в то, что Абдурахим Ходжибаев и его соратники были честными и преданными партии сыновьями народа.

И эту веру, эту благодарность за верное служение народу я чувствовала в отношениях многих замечательных людей ко мне, к сестре, к нашей маме.

Помню, как мы с мужем отправились в 1968 году в контору горгаза, чтобы подать заявление об установлении нам газовой плиты. Начальник этого учреждения Юлчи Бабаевич Бабаев, которого многие знают как известного журналиста, прочитав заявление и узнав мою фамилию, заинтересовался, чья я дочь. Выяснив, что я дочь Абдурахима Ходжибаева, он пришел в волнение и много хоронило сказал об отце. В этот же день он послал мастеров, и к вечеру уже в нашей кухне была установлена газовая плита.

Многие выдающиеся люди, узнав, что я дочь Ходжибаева, спешили сказать искренние взволнованные слова о своем беспредельном уважении к личности и деятельности отца. Помню, в 1967 году, я будучи в Москве и заинтересовавшись трудами видного востоковеда Иосифа Самуиловича Брагинского, отправилась со своим другом, коллегой, многолетним соавтором по многим трудам Мавджудой Муминовной Абдувалиевой — дочерью Мумина Ходжаева — в институт востоковедения.

И сейчас воочию вижу перед собой лицо Иосифа Самуиловича. В какое он пришел волнение, когда узнал фамилии наших отцов! В память об этой встрече он подарил нам книгу, которая недавно была издана в Москве — «12 миниатюр».

«Вы напили эту книгу — вы напили меня,» — так написал он на книге, подаренной мне. Видно было, что встреча всколыхнула в его душе самые дорогие, самые заветные воспоминания — ведь он приехал в Таджикистан, совсем юным пареньком, прошел многие его дороги, встречался со многими известными людьми.

Он рассказывал о ситуациях, в которых встречался с Ходжибаевым и Мумином Ходжаевым, вспомнил о том, как Владимир Луговской писал свою поэму «Дангара» и какие впечатления послужили для него основой. Наш отец, оказывается, тоже был причастен к обстоятельствам создания поэмы. И. С. Брагинский с удовольствием согласился стать первым оппонентом на защите моей диссертации, посвященной проблемам изучения лирики в таджикской школе.

И я прекрасно понимала, что его столь внимательное отношение к моему труду вызвано отнюдь не выдающимся

содержанием моей работы, а той огромной благодарностью и благоговением, которые испытывал ученый к личности Абдурахима Ходжибаева и его сподвижников.

И когда на ученом совете он начал свое выступление с яркого эмоционального слова об Абдурахиме Ходжибаеве, его замечательных делах, о радости, которую он испытывает сегодня, являясь оппонентом на защите диссертации его дочери, сухой комок сжал мое горло и понадобились усилия, чтобы сдержать слезы.

Да, дорогой Иосиф Самуилович! И вы, как Абдурахим Ходжибаев, страстно желали, чтобы весь мир узнал о великих поэтах Востока, чтобы их поэзия облагораживала жизнь, делала ее прекраснее!

Помню, как в этот памятный день защиты пришли поздравить меня Мирзо Турсун-заде, который как раз только — только возвратился в Москву из Индии, где ему вручали премию имени Джавахарлала Неру. Приехал президент Академии Наук Таджикистана Мухаммад Сайфиддинович Асимов со своей супругой Монаднисо (он был по своим делам в Москве), замминистра народного образования республики Кандиль Джураевич Джураев и много других замечательных людей. Я и сейчас помню, какую роскошную корзину цветов — такие великолепные цветы я получила в подарок впервые — прислали в день защиты посредь нашей республики в Москве Хотам Хакимбаевич Солибаев.

Московские ученые, среди которых были такие корифеи методической науки как Липаев Александр Андреевич, Кудряшев Николай Иванович, Мальцева Клавдия Васильевна, были очарованы таким великолепным созвездием гостей.

Вместе с Мирзо Турсун-заде, М. С. Асимовым и К. Джураевым они читали рубаи и другие стихи. И долго еще, и в письмах и при встречах они вспоминали незабываемые часы, проведенные вместе со столь блестательными людьми нашей республики.

И, конечно, снова и снова я думаю, что тогда в моем лице они поздравляли моего отца — это ему они адресовали слова благодарности и теплые душевые пожелания.

Иногда я думаю о том, что было бы хорошо, если бы отец не дерзал, был бы скромным, незаметным человеком. Тихо трудился бы на хлопковом поле или в плодовом саду, считал бы что — нибудь в конторе или учил ребятишек.

Но зато жил бы! А у меня был бы отец. И дети мои могли бы говорить:

«Дедушка!»

Но судьба распорядилась иначе.

Рожденный ползать — летать не может! А отец был рожден для полета. Крылья ему и многим тысячам честных и преданных людей его поколения подрезали в самом расцвете их духовных и физических сил. Но до своего последнего вздоха отец не опускал головы, верил в будущее, трудился во имя его.

Мысленно я каждый день беседую с отцом, поверью свои поступки его оценкой. Как бы радовался он, узнав, что у него восемь внуков. Многие пошли по его стопам — ведь он начинал свой трудовой путь с профессии учителя, считал себя сельскохозяйственным работником, серьезно изучал экономическую науку и литературу.

Старший сын сестры Абдурахмон выбрал себе профессию биолога. Теорию биологической науки он на деле объединяет с практикой. Его ученики, также, как и сам он, знают много секретов о деревьях, цветах, насекомых и животных. Абдурахмон занимается пчелами, работает в саду, приобщает своих учеников к бесценному опыту поколений.

Дочь сестры Хурматой посвятила свою жизнь преподаванию таджикского языка и литературы. Так же, как и ее дедушка, она всей душой предана литературе, знает наизусть сотни стихотворных строк классиков и современных таджикских поэтов. Своих питомцев она учит ценить поэтическое слово, и многие из них также связали свою последующую жизнь с преподаванием таджикского языка и литературы.

Второй сын сестры Абдурасул — учитель черчения и рисования. Кисти Абдурасула принадлежат многие панно и портреты, которые украшают дворец «Арбоб» колхоза имени С. Урунходжаева. Поделки, сделанные его руками: статуэтки, рисунки — могут украсить любой дом.

Третий сын сестры Исломджон выбрал специальность экономиста. Точные экономические расчеты, планы помогают ему успешно руководить расчетной частью Ленинабадского консервного комбината, главным бухгалтером которого он работает. В том, что комбинат держится на плаву и осваивает успешно рыночную экономику, есть и его заслуга.

Младший сын сестры, названный в честь деда Абдурахимом, унаследовал многие черты его характера. И хотя он занимает лишь должность электрика, руки у него поистине золотые и ему по плечу любое дело. Именно о таких, как Абдурахим, в народе говорят: «Ба як йигит чил хушар кам аст» — «Молодому человеку мало и сорока ремесел». Он силен, добр, отзывчив. Как две капли воды, он внешне похож на своего дедушку. Он может отремонтировать любую машину, исправить неполадки в телевизоре какой угодно марки, выполнить всякую хозяйственную работу, прочитать целиком десятки стихов.

За моих детей дедушке тоже не пришлось бы краснеть. Старшая — Муаззам вот уже больше двадцати лет преподает математику. Меня бесконечно радует, что эту науку она всегда стремится связать с литературой, с поэзией.

Ведь недаром Софья Ковалевская говорила: «Нельзя быть математиком, не будучи поэтом в душе.»

Ее ученики убеждены в справедливости слов: «Математика — царица наук», и многие из них серьезно изучают ее.

Вторая моя дочь Матлуба связала свою жизнь с литературоведением и критикой. Она доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики и теории перевода ХГУ имени академика Б. Гафурова. Конечно, если бы ее дед был жив, он захотел бы прочитать книги, написанные его внучкой: «В поисках души слова», «Проблемы стилеведения», «Анализ стиля литературного произведения», «Слеза в тюльпане», «Цветок печали», «Пушкин и Восток» — последнюю мы написали в соавторстве.

Младшая внучка Фарзона — поэт. Дед прадовался бы, что она лауреат республиканской премии молодежи Таджикистана и премии имени Мирзо Турсынзаде. Без сомнения, что и он, так беззаветно любивший поэзию, был бы читателем ее книг.

Печальную книгу о короткой, бессменно оборванной жизни Абдурахима Ходжибаева я в начале хотела закончить стихами его внучки Фарзыны, посвященными его памяти и тоже печальными.

Но теперь все чаще думаю о том, что все — таки жизнь всегда побеждает, побеждают свет, добро, надежды.

СУРУШИ РЎҲИ НООРОН

(ба ёди бобоям—нахустраиси шўрои нозирони
РСС Тоҷикистон Абдураҳими Ҳоҷибой)
Эй хок, хоки поку шаъифи ниёи ман,
Эй гармии даму нафасат чонғизои ман.
Оғӯши ту насиби тани ман нашуд, дарег,
Чашмам нашуд зи рӯй ту армоншикан, дарег.
Муштоқи гарди ту дари чашмам күшода монд,
Абри ватан ҷанозаи дафни маро наҳонд.
Мехостам барои ту нӯшба оварам,
Аммо рақиб ҷаши маро басту заҳр дод.
Бо ҳам варо ману туи гоғил ҷашидаем,
Подоши фанд ҳӯрданам маргам ҳалол бод.
Дар осто ни марг,
Номат ба мисли ҳарфи шаҳодат ба зери лаб.
Пурсидат аз ту чун зи худо бахшиши гуноҳ,
Будӣ чу сангি Қатъаву бӯсидамат зи дур,
Бо оҳирин нигоҳ,
Иеҳроби ман, Ватан!
Боре зи ман, зи тифли гунаҳкор ёд кун,
Дар парниёни хотираҳоят маро навоз.
Эй қиблæ, ки дасти ман аз гӯри гурбатам
Берун зи хок сӯй ту меоварад намоз.
Узрам ҳаме пазиру ба рӯҳам фароғ дех,
Дар гӯшае ба ёди гарибон ҷароғ неҳ.
Дарёб, ки ба сӯй ту раҳ мебарам ҳанӯз,
Дорад шарап ба ёди ту ҳокистарам ҳанӯз.
Пайванди ман, Ватан,
Чашмам нашуд зи рӯй ту армоншикан, Ватан...

О земля, земля чистая, священная моих предков!
О, чье тепло, чье дыхание исцеляют меня!
Увы! моему телу не предназначены были судьбой

твои объятия.

Увы! моим глазам не довелось досыта паглядеться на тебя.
Жаждуя видеть тебя, остался я с незакрытыми глазами,
Туча родины не прочитала надо мной поминальной молитвы.
Хотел тебе принести живительный напиток,
Но недруг, завязав мне глаза, всыпал туда яду.
Не ведая, вместе с тобой мы испили эту чашу,
Возмездием за то, что обманулся, стала мне смерть
На пороге смерти
Имя твое, подобно молитве, на устах моих.
Молю тебя и Всевышнего дать мне прощение
Была для меня ты камнем Каабы и целовал тебя издали
Последним взглядом.
Алтарь мой, Родина!
Иногда обо мне, своем виноватом сыне, вспоминай

В пленительном мире воспоминаний меня ласкай.
 Эй алтарь, к которому протянута моя рука из
 могилы на чужбине
 И под землей она тянется к тебе для молитвы.
 Прости мне вину, дай покой моей душе,
 Зажги светильник в память о дальних скитальцах.
 Поверь, что и сейчас я стремлюсь к тебе,
 И сейчас вспыхивают искры памяти о тебе в моем прахе
 Душа моя, Родина!
 Увы! не довелось моим глазам наглядеться на тебя, Родина...

Как сейчас помню, стояла осень 1989 года. Наш телефон уже несколько дней не работал. И вдруг совершенно неожиданно раздался пронзительный звонок — конечно же, междугородний. Сквозь шум и какие-то помехи донесся из Душанбе голос Шукура Маллабаевича Султанова — директора института истории партии при ЦК КП Таджикистана. Он сообщил, что состоялось бюро ЦК Компартии Таджикистана, и на нем принято решение об увековечении памяти видных партийных и государственных деятелей. Среди них и имя Абдурахима Ходжибаева.

С тех пор каждый раз, когда я вижу Шукура Маллабаевича, горячая волна благодарности поднимается в моей душе — ведь он первый сообщил мне столь важную для всей нашей семьи новость.

А позже в целой серии статей, с которыми первые выступили в республиканской печати академик Р. М. Масов и профессор Ш. М. Султанов, был правдиво воссоздан живой портрет Ходжибаева — государственного деятеля и человека, его тернистый жизненный путь.

20 октября 1989 года в печати появилась информация «В бюро ЦК Компартии Таджикистана», где сообщалось: «Учитывая многочисленные пожелания трудящихся, выступления средств массовой информации, с целью восстановления исторической справедливости принять решение об увековечении памяти видных партийных и государственных деятелей, активных участников борьбы за установление и упрочение советской власти У. Ашурова, Е. Иваницкого, Ч. Иномова, А. Мухиддинова, Нусратулло Максума, А. Ходжибаева, М. Шогадеева, Ш. Шотемура». (1)

1. В бюро ЦК Компартии Таджикистана //Коммунист Таджикистана, 20 окт. 1989 года.

Чередую проходят годы, одно десятилетие сменяется другим. Вот уже на пороге стоит XXI век. Сто лет прошло с того апрельского дня, когда отец родился.

Да, боль и жалость печалит мне сердце. Но чем больше и думаю о поколении людей, вместе с отцом создававшем республику и мечтавшем только об одном — счастье народов, населявших Таджикистан, и осмысливаю их судьбу, тем сильнее крепнет у меня чувство гордости за их непреклонное мужество, за те благородные идеалы, которые давали им жизненную силу.

Люди умирают, но память о них всегда живет. Множество людей, которых я даже не знаю, интересуются судьбой отца, обращаются ко мне с вопросами, хотят знать о его жизни.

Много лет назад мысли у братской могилы навеяли поэту Ольге Бергтольц вдохновенные и скорбные строки, которые, впоследствии были высечены на мраморе братской могилы на Пискаревском кладбище в Ленинграде. Они широко известны — во всяком случае последний стих стал воистину крылатым:

«Их имен благородных
 Мы всех перечислить не сможем —
 Так их много под вечной охраной гранита.
 Но знай, внимавший этим камням тяжелым;
 Никто не забыт, и ничто не забыто».

Я и мои сверстники, дети «37 года», не знаем, как и где приняли смерть наши отцы, не знаем, есть ли у них могилы. Пусть будет для нас утешением, что многие замечательные люди завещали развеять свой прах по ветру — они хотели смешаться с родной землей, стать ее частицей.

Пусть будут для нас утешением слова бессмертного Сади, который так прозорливо и мудро писал:

Ало, эй ки бар хоки мо бигзарй,
 Ба хоки азизон, ки ёд оварй
 Ки «гар хок шуд Саъдӣ, ўро чи гам?!
 Ки дар зиндагӣ хок будааст ҳам
 Ба бечорагӣ тан фаро хок дод,
 Ба дар гирди олам баромад чу бод,
 Бале бар наёяд, ки хокиши хурад
 Дигарбора бодам бо олам барад...».

О идущий по нашему праху,
Вспомни дорогих, что стали прахом.
Что печалиться, если прахом стал Саади,
Ведь и в жизни он был прахом.
В нужде отдал тело земле
И если, как ветер, облетел весь мир,
Немного пройдет времени, и он будет поглощен
И снова ветер разнесет его прах над миром.

Да, у меня и у моих сверстников с такою же судьбой нет горькой отрады — стоять у могилы отцов, читать их имена на постаменте.

Но в мире существует величайшая закономерность. Замечательно, что люди и умирая, продолжают жить.

Они живут в детях, внуках и правнуках, в грядущих поколениях, в душах людей, с которыми они общались при жизни.

Живут своими идеями, своим образом жизни, своими мечтами и свершениями.

Существуют и развиваются колхозы, основанные ими, работают и растут комбинаты, появление которых связаны с их именами, расширяются вузы и другие научные учреждения, о создании которых они мечтали, каждую весну цветут и плодоносят деревья, посаженные их руками.

Это ли не бессмертие!..

Содержание

От автора	3
Глава I. В родном городе и семье	5
Глава II. Годы учебы	18
Глава III. Начало самостоятельной жизни	27
Глава IV. Становление личности	42
Глава V. Есть «седьмая советская»!	61
Глава VI. Вдали от родного Таджикистана	130

Бароат Абдурахимовна Ходжибаева, «АБДУРАХИМ
ХОДЖИБАЕВ. Страницы короткой жизни. Книга об отце».

Редактор М. Ходжаева
Технический редактор И. Усмонов
Корректоры Р. Гаффаров, А. Максудов

(с) Б. А. ХОДЖИБАЕВА, 2000.

Министерство культуры Республики Таджикистан.

Сдано в набор 14. 03. 2000. Подписано в печать 17. 04. 2000.
Формат 60 х 84/16. У. п. л. 11.25. Заказ 1298. Тираж 200.
Цена свободная.

Государственное издательство им. Рахима Джалила, 735700,
г. Худжанд, ул. Макеуджона Таибури 3.

Первая Худжандская городская типография, 735700
г. Худжанд, ул. Макеуджона Таибури, 3.